

Скабиниёя

Надежда Храмушина

Надежда Храмушина

Скабинейя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339099

SelfPub; 2024

Аннотация

Вождь вскинул руки вверх, и Василий увидел на его ладонях, как и говорила ему Сáрика, медного жука, голова которого была ярко-красной, а всё туловище его отливало начищенной до ослепительного блеска медью, которая отражалось в каждой морской капле, долетавшей до него. Жук грозно поднял голову, потом опустил её, издав короткий яростный крик «Ксхе!» и с неба упал к ногам вождя огромный, размером с кулак, рубин. Племя радостно закричало, мужчины махали копьями, женщины начали кружиться, хлопая себя по загорелым бёдрам. Вождь закричал: «Вахаранена Нунду!». Он торжественно поднял над головой рубин, и кинул его в подымающуюся волну. И океан затих. В это невозможно было поверить! Но только что волны ухали, разбиваясь о серые скалы, а теперь они лизали их, словно ласковые щенки, плескаясь где-то там, внизу, не долетая до площадки, где собралось племя. Одиннадцатая книга из серии «Магия Уральского леса»

Содержание

Глава 1. Тараканище.	4
Глава 2. Проклятие Ксхе.	28
Глава 3. Поиски.	61
Глава 4. Скабинёя.	88
Глава 5. Место исполнения желаний.	119
Глава 6. Ким.	140
Глава 7. Озеро Здохня.	169
Глава 8. Дом, которого нет.	190
Глава 9. Разорванная цепь.	220

Надежда Храмушина Скабиня

Глава 1. Тараканище.

– Жил в конце девятнадцатого века в Ростове один мещанин, Платон Николаевич Басов. – С загадочной улыбкой начал рассказывать Алексей Александрович Сакатов, мой друг и соратник по тайным магическим делам – Было у него трое детей, два сына и дочь. Сыновья были нормальные, обычные дети, а вот дочку свою он никому никогда не показывал. Она и прожила совсем недолго, четырнадцать лет всего, и никто её никогда не видел, кроме родителей. О ней проговорился товарищам старший сын Платона Николаевича. Когда в изрядном подпитии был. И когда уже много лет прошло после того, как она умерла. Он сказал, что девочку держали закрытой на чердаке все эти годы под замком. И видел он её только один раз, случайно, но вид её он запомнил на всю жизнь. Кожа у неё была коричневая, какая-то блестящая, руки и ноги были вывернуты в обратную сторону, глаза навывкате, нос переходил в рот, вернее в жвало, голова длинная, волос на голове не было...

– Хватит перечислять, я и так поняла уже, что она была

каким-то насекомым. Что только спяну не скажет русский человек. – Я демонстративно взяла со стола журнал, и стала его листать.

Мы сидели у Сакатова в кабинете, заставленном под завязку старыми и громоздкими книжными шкафами. Мало того, книги и журналы у него лежали стопками ещё и на всех горизонтальных поверхностях его небольшого кабинета. Он мне позвонил ещё рано утром и сказал, как всегда, что всё срочно, и всё серьёзно. Я примчалась к нему домой после работы, взяв такси, так как поверила ему о срочности и серьёзности. И вот он мне опять рассказывает сказки, на этот раз про девицу-насекомую.

– Оля, ты же знаешь, я тебе никогда ничего просто так не рассказываю. Мне позвонил два дня назад... сейчас, посмотрю, – он порылся на столе, достал записную книжку и прочитал – Вараксин Алексей, и попросил, чтобы мы приехали к нему на склад. Там у него его работники заметили странное существо. То ли насекомое, то ли человек. Но ростом со взрослого человека. Охранники у него со страху все разбежались, он нервничает. Я так и не понял, кто ему дал мой телефон. Да ладно, это не так и важно, при встрече спрошу. Я специально сразу не поехал к нему, искал похожие истории, чтобы хоть как-то определиться, чего нам ждать. Есть вот такая, какую тебе я сейчас рассказал. Вернее, недо-рассказал, потому что ты не хочешь слушать. А между тем, когда этот дом сносили в одна тысяча девятьсот пятьдесят

восьмом году, на чердаке нашли кучу карандашных рисунков, на которых были нарисованы тараканы с человеческими чертами на лице и с пальцами на лапах. А в одном углу чердака было что-то наподобие гнезда, из засушенной слизи. Конечно, никто и не думал всё это изучать. Были и ещё позагадочнее случаи. Но они не очень правдоподобны. Надо помочь этому Алексею, он говорит, что заглянул туда, вроде никого в ангаре уже нет, но тщательно искать он побаивается, а спрятаться там есть где. Мы с тобой сначала туда съездим, разведем обстановку. Так сказать, обнюхаем. И это не метафора. Вараксин говорит, что там запах у них странный стоит в складе, и это не связано с хранящейся там продукцией. И он очень торопит, ему надо работать.

– Я не поеду туда на ночь глядя! – Решительно отказалась я – То, что я в это не верю, не говорит о том, что я этого не боюсь.

– Мы и не поедем сегодня. Поедем в субботу утром. Я с твоим братом договорился, он нас довезёт туда.

– Туда, это куда? Где это?

– Какой-то там километр Тюменского тракта, я записал адрес. Там располагается большая промзона. Она за забором, закрытая территория, и именно там находятся два ангара Вараксина Алексея. Он торгует какими-то удобрениями. Я даже не стал слушать, пока это без надобности. Ну как, съездим?

На следующий день, в субботу, в девять утра за мной за-

ехал Илья, мой двоюродный брат, и мы поехали за Сакатовым. День был ещё тёплый, почти летний, хотя на дворе конец сентября. Я с удовольствием согласилась ехать за город. Даже если мы скатаемся зря, и охранникам это всё спяну почудилось, я просто хотела ещё раз полюбоваться на осенний лес, пока снег не укутал его до весны. Сакатов всю дорогу до складов молчал, и это было так на него не похоже.

Возле закрытых ворот металлического высокого ангара стояли три человека. Один из них сразу направился к нам, как только мы остановились. Это был хозяин склада, Алексей Вараксин. Это был молодой высокий человек лет тридцати, с открытым приятным лицом. Он протянул руку Алексею Александровичу, потом Илье, поздоровался со мной. Потом он кивнул на двух мужчин, которые смотрели в нашу сторону:

– Еле сегодня вытянул их сюда. Ни в какую не хотели ехать. Но сами сейчас всё услышите.

Он повернулся и бодрым шагом направился к воротам. Мы подошли и поздоровались с охранниками. Алексей открыл ворота, зашёл в ангар и включил свет, но охранники не только не пошли за ним, а наоборот, подальше отодвинулись от открытого проёма. Один из них нервно закурил. Илья спросил его:

– Так вроде никого же не съели?

– Ага, пока! – Невесело усмехнулся курящий, и добавил

– Две ночи дома со светом спал.

Мы зашли вслед за Алексеем. В нос ударил запах какой-то прелости. Ангар был метров пятьдесят в длину, и метров десять в ширину, и высота у него была не меньше шести метров. В три ряда по всей его длине стояли высокие металлические стеллажи. На широких полках лежали расфасованные пакеты с сероватым наполнением, похожим на соль.

– Это ваша продукция так пахнет? – Спросила я.

– Нет, мы тут её не фасуем. И пакеты герметичные. Это обязательное условие транспортировки и хранения. У нас тут комплексные минеральные удобрения. Не знаю, что пахнет, раньше такого не было. Сейчас пойдём, посмотрим.

– Склад у вас зимой отапливается?

– А как же! Нашей продукции нельзя мёрзнуть. – Он обвёл рукой стеллажи – Электрический котёл, регистры по всему периметру. А второй склад у меня холодный. Но туда и нет смысла идти, там всё тихо.

Возле самого входа стоял письменный стол, заваленный бумагами, возле него три стула, кушетка, обшарпанный шкаф и тумбочка с чайными принадлежностями.

– Так у вас тут и прятаться-то негде, вроде всё просматривается. – Сказал Сакатов, заглядывая вглубь ангара.

– Это здесь, на входе, а дальше два ряда стеллажей располагается перпендикулярно к основным, и там образовался закуток, идёмте, всё покажу.

Он щёлкнул выключателем, и весь ангар осветился ярким светом потолочных светильников, свисающих сверху почти

до верхних полок стеллажей. Да, теперь я разглядела, что то, что мне показалось задней стенкой ангара, были закрытые стеллажи.

Мы пошли по левому проходу между стеллажами. В ангаре было чисто. На крашеном бетонном полу была нанесена какая-то разметка, на стеллажах висели информационные листки. Всё по-хозяйски аккуратно, даже пыли нет. Пройдя весь коридор, мы обогнули стеллаж, частично перегородивший нам путь, и прошли в заднюю часть ангара, тоже хорошо освещённую. Полки в этой части склада были почти пустые.

– К тому времени, когда это случилось, мы вывезли отсюда уже часть продукции. – Сказал Вараксин, поворачиваясь к нам – У нас продукцию возит крытая Газель, она подъезжает к складу, грузчики идут с тележкой к стеллажам, кладовщик им показывает, что брать и сколько, она отгружают всё на тележку и везут к машине. У нас тут подъёмник электрический, но он сейчас сломался. Обычно, две-три тележки грузят на одну машину, иногда больше. Зависит от заказа. А в тот раз машина пришла уже почти в пять часов вечера. Стали с этих стеллажей продукцию грузить, и в это время светильник один помигал и погас. – Вараксин показал вверх – Мы до сих пор там лампочку не заменили. Решили вам сначала показать. Лампочка погасла, но тут есть ещё три светильника, поэтому ничего критического, светло, всё видно. Нагрузили первую тележку, грузчики покатали её к машине. Кладовщик наш, Паша Назаров, остался тут один, пока грузчи-

ки с тележкой поехали. Вот здесь стоял, где вы сейчас. – Он показал на Илью – И слышит, вроде кто наверху шевелится, стеллаж зашатался.

– Алексей! – Перебил его Сакатов – Так давай кладовщика сюда позовём, пусть он сам и расскажет.

– Нет, он не пойдёт сюда. Я вам только всё покажу, а он сам потом вам подробно расскажет. И Черненко, охранник, тоже сюда не пойдёт. Они вам на улице всё расскажут. Так вот. Паша отошёл от стеллажа и заглянул наверх. А у нас над верхними полками стеллажей сети проходят. Пожарные, вентиляция, сигнализация. И видит он, какой-то тёмный силуэт, ему сначала показалось, что это человек, провода рвёт. Он свистнул сначала, потом крикнул там что-то. А эта тварь крутанулась, и на соседний стеллаж перепрыгнула. Паша кинулся за ней в другой коридор.

Алексей прошёл за средний стеллаж, мы за ним, и вышли в соседний проход. Там стоял у стенки заполненный под завязку мешками ещё один стеллаж, а к среднему стеллажу была приставлена алюминиевая высокая лестница. Рядом с ней на полу валялся блокнот и рация. Алексей поднял их с пола и продолжил:

– Расстояние, сами видите, между стеллажами два метра, человеку, который лежит на верхней полке, просто физически не перепрыгнуть без разбега на другой стеллаж. А тот стеллаж, на который та тварь перепрыгнула, он к стене арматурой приварен. Так та тварь перепрыгнула, и стеллаж заша-

тался. Сюда уже Черненко Игорь прибежал, услышав крики. Паша ему сказал, что на верхней полке кто-то сидит. Да и видно было, что там кто-то ворочается, светильники зашатались. Черненко сбегал за лестницей, и стал забираться на полку. И сверху та тварь на них выглянула и лесенку откинула. Они увидели её, заорали и кинулись бежать. Вот.

– Да уж. – Сказал Сакатов – Представляю, как это всё произошло. Оля, ну что, ты почувствовала что-нибудь?

– Нет, никакого колдовства я не почувствовала. Если только там посмотреть, наверху. Но я первая не полезу.

– Алексей, а ваши работники не пьют на работе? – Спросил Илья – Может они не таракана, а белочку там видели?

– Что Вы! У нас с этим строго. Они мне сразу позвонили, и я приехал. Но, честно говоря, в тот вечер побоялся я сюда один заходить, а со мной никто не пошёл. Пашу трясло так, что я подумал, точно его кондрашка схватит. Мы закрыли ангар, машину отправили с недогрузом. И я обошёл ангар снаружи. У нас вот здесь, – он прошёл к задней стенке ангара и показал рукой за край стеллажа – прямок находится. Так с наружной стороны ангара я нашёл к нему подкоп.

– Сквозной? – Спросил Сакатов.

– Наверное, не знаю. Но там точно вырыл землю кто-то. Я заглядывать не стал. Ну что, полезете наверх? – Он поглядел на Сакатова.

– Я посмотрю, только вы уж, пожалуйста, не разбегайтесь, если что. – Илья снял куртку и протянул мне.

Он переставил лестницу к крайнему стеллажу и полез наверх. Мы, задрвав головы, смотрели за ним.

– Никого. Мешки порваны тут некоторые. У этой твари, наверное, когти есть. Но больше ничего тут нет.

Илья спустился вниз и отряхнулся. Потом повернулся ко мне и сказал:

– Можешь спокойно лезть. Только осторожнее. Я буду внизу подстраховывать.

Я отдала ему обратно его куртку и свою сумку. Лестница была какая-то хлипкая, ненадёжная. Но я всё-таки полезла. Наверху пахло химией. Это из разодранных мешков. Они были слегка помяты. Я провела рукой по ним. Слегка кольнуло пальцы, но только на одно короткое мгновение. Я пальцами чувствую колдовство, если начинает покалывать, значит, кто-то рядом колдует, или вещь какая необычная рядом. Наверху никакой необычной вещи никто не оставил. Но потом, сколько бы я ни водила рукой по мешкам, больше пальцы не кололо. Но что-то определённо здесь было. Я же почувствовала это один раз. Я спустилась вниз и сказала:

– Там точно было что-то необычное, и это не белочка. Надо посмотреть ещё на том стеллаже, где впервые его увидели. Илья, только ты первый загляни.

Илья переставил лестницу к среднему стеллажу, сползал туда, после чего я тоже поднялась к верхней полке. Сверху мешков было видно, что на них лежал кто-то тяжёлый, продавлен был небольшой круг. Я осторожно провела рукой по

поверхности упаковки и почувствовала, как снова закололо мои пальцы. А ещё там было что-то насыпано, хотя мешки все были целые. Я подцепила мелкие остатки чего-то и поднесла к глазам. К коже прилипли коричневые жёсткие частички. Хитин. Точно, таракан тут прыгал. Немного подальше был также смят ещё один мешок. И там было лежбище. Я крикнула им сверху:

– Там ещё одна лежанка продавлена. Вполне возможно, что их было двое.

Я подняла глаза к потолку и увидела, что тонкие провода сетей были оттянуты вниз, а некоторые даже порваны. И ещё смят металлический лоток, на котором эти провода лежали. Даже если у этого таракана было всего две лапы, он определённо знал, что ими можно делать.

– Да, это хитин. – Подтвердил Сакатов, разглядывая на моих руках мелкие чешуйки. – Главный компонент экзоскелета всех членистоногих.

– Так может Чуковский не для детей писал про Тараканище? – Илья хмыкнул.

Он пошёл к задней стенке гаража и заглянул за стеллаж, потом посветил туда фонариком в телефоне и спросил Вараксина:

– А как давно вы сюда не заглядывали?

– Да никто туда никогда не заглядывал! Мы эти ангары полтора года арендуем, я думаю, все эти полтора года никто туда не заглядывал. А что?

– Я думаю, что это не ваше. – Илья поманил его к себе рукой.

Вараксин подошёл к нему и наклонился. Он долго глядел на то, на что ему показывал Илья, потом спросил:

– Это что такое?

– Я думаю, что какие-то продукты жизнедеятельности. Или запасы еды того таракана. Пахнет не очень.

Мы с Сакатовым тоже подошли, Вараксин отступил на шаг, и мы заглянули в приямок. На дне его лежали какие-то серые студенистые колбаски.

– Может это кладка тараканья? – Спросил Илья.

– Нет, в таком холодном месте никто свою кладку не оставляет. – Покачал головой Сакатов – Даже не представляю, что это. Больше похоже на отходы жизнедеятельности. – Он повернулся к Алексею – Но на всякий случай я бы посоветовал всё обработать каким-нибудь инсектицидом. И запах уйдёт. И ничего не вылупится, если всё-таки это кладка.

– По крайней мере, этот ваш квартирант приучен к лотку. – Илья поднялся – Я бы тоже посоветовал это чем-нибудь засыпать, или хлоркой залить.

– Давайте посмотрим, что за подкоп у вас снаружи. – Сакатов пошёл к выходу.

Мы прошли по улице к задней стенке ангара. Ангар стоял на бетонной отмостке, которой не было только в одном месте, где внутри ангара был выкопан приямок. Вокруг был газон. Под волнистыми листьями ограждения стены была разво-

рочена земля. Немного, но вполне достаточно, чтобы крупная собака смогла заползти в склад. Самый низ железных листов был весь в царапинах. И царапины были свежие.

– Точно, тварь с когтями. – Илья тоже это заметил.

– Когда подкоп появился, вы тоже не сможете сказать? – Снова спросил Сакатов у Вараксина.

Тот отрицательно помотал головой.

Метрах в двадцати от ангара был сетчатый забор, к которому почти вплотную подходил лес. Лес был редкий, и местность, похоже, была болотистая.

– Здесь есть рядом какие-нибудь населённые пункты? – Спросила я.

– В паре километров. Посёлок небольшой. А дальше отвалы. Наверное, что-то добывали. Только отвалы уже травой заросли. Старые.

– Надо будет проверить там. – Сказал Илья – Откуда-то он пришёл. А как давно вы подняли продукцию на те стеллажи, где этот таракан прыгал?

– Недели две назад. Не больше.

– То есть, теоретически, таракан у вас мог там находиться не больше двух недель?

– Меньше. Мы уже брали с верхних полок мешки неделю назад.

– Надо поискать следы, куда он мог уйти отсюда. – Илья огляделся – Тут у вас ещё с десятков ангара. Есть куда спрятаться.

– Но никто вроде не паникует. – Ответил Вараксин – Но пройти можно. Хотя бы снаружи посмотреть.

Илья, Сакатов и Алексей Вараксин пошли к соседнему ангару прямо по газону, а я пошла к стоявшим у входа охранникам. Ничего нового они мне не сказали. Зато описали таракана во всех подробностях. И морда у него тараканья, и глаза чёрные круглые, и руки, как у человека, с пальцами.

– Он ещё звук такой издал, щёлкающий. – Добавил Паша Назаров – Руки длинные. Он, когда лестницу с Игорем откинул, руки сразу ко рту своему прижал.

– Так у него две руки было, или больше? – Спросила я.

– Не помню. Но руки у него, как у человека. С пальцами.

– А цвета он какого? – спросил я.

– Тёмный. Там же рядом лампа, прямо в глаза нам светила. – Ответил Игорь Черненко – Но вроде немного блестящий.

– Там точно только один был? А то вмятины на мешках я видела две.

– Да чёрт его знает, мы не оглядывались, сразу убежали. Бежим, а он щёлкает нам вслед.

– А голова у него большая?

– Побольше, чем у человека, только плоская. А может и не плоская, а просто широкая. – Игорь передёрнул плечами

– Противная.

– Гладкая голова у него была, он, когда выглянул, свет от лампочки блеснул на лысине. – Добавил Паша – А руки тон-

кие у него. И он лесенку будто одними указательными пальцами толкнул. Легко так, будто там Игоря и не было. Ну и кто это? Вы знаете?

– Нет, пока нет. – Ответила я – Мутант какой-то. Не знаю, откуда он к вам пришёл, но раньше он, точно, никому на глаза не попадался. Иначе бы мы уже все знали о таком чуде.

– Да, точно мутант. – Согласился Паша – Может он из шахт вылез?

– Из каких?

– Так там вон отвалы есть. – Он показал рукой за ангар – А раз есть отвалы, значит и шахты есть.

Вернулись Сакатов с Ильёй, Вараксина с ними не было. Сакатов мне протянул длинный обрывок пеньковой верёвки:

– Оля, там, в заборе помятые секции сесть, будто туда ногу просовывали между проволоки, а на земле валялся вот этот обрывок верёвки. Я подумал, а может этот таракан сбежал откуда-то? Может его кто держал на привязи? И забор помят как раз с той стороны, откуда ближе всего к посёлку.

– Паша вон предположил, что наш гость из шахты вылез. Но это не исключает и того, что он сидел на привязи у своего хозяина в посёлке. Надо будет туда заглянуть. А где Алексей?

– Он зашёл в соседний ангар, поболтать со своим знакомым, разведать обстановку на базе, но нигде больше подкопов нет. Наверное, таракан побежал в лес. Тем более, что через забор у него уже один раз получилось перелезть.

Подошёл Алексей, он сказал, что вокруг всё спокойно, никто не паникует, разговоров странных не слышно, дополнительную охрану тоже никто не выставляет.

– Вам надо забетонировать подкоп, чтобы исключить туда ещё одно проникновение. – Посоветовал Сакатов Вараксину – Его там уже нет. Можно спокойно работать. Просто по одному не ходите. И, кстати, кто вам дал мой номер?

– Жена. А ей на работе дали, сказали, что вы про всяких тварей много знаете.

– Хорошая рекомендация! – Шепнул мне Илья.

Мы попрощались с ними, и пошли к машине. Охранники тоскливо смотрели нам вслед.

– Я бы в их случае попросил премиальные. И месяц отпуска. – Кивнул на них Илья.

– Я предлагаю проехать по посёлку, хотя бы посмотреть на него. И на отвалы. Потом поискать материалы, похожие на наш случай, и решить, что дальше делать. – Предложила я.

Возражений не последовало, и мы выехали на трассу, потом свернули с неё по указателю, объехали базу и выехали на узкую дорогу, которая через пару километров нас привела в унылый, серый, и казавшийся нежилым, посёлок. Даже названия его не было на въезде. Но посёлок не был нежилым. Возле деревянного облезлого двухэтажного дома висело на верёвке бельё. Картина очень необычная, я такого уже давно не видела. А возле следующего такого же дома, брата-близнеца первого, на скамейке, возле брошенных велоси-

педов, сидели два парня, лет по семнадцати – восемнадцати. Они склонились над телефоном, и что-то выкрикивали в него. Напротив этих домов стояло одноэтажное кирпичное здание с осыпавшейся штукатуркой и зарешетчатыми окнами. Стёкла в окнах были все выбиты. На стене была какая-то табличка, но букв уже не было видно, они все выцвели от старости и жаркого уральского солнца. Дальше по улице стояли ещё с десяток одноэтажных деревянных домов, но они, судя, по всему, были уже давно заброшены. За ними видны были трубы котельной, рядом с которой возвышалась под навесом куча угля. Возле какой-то будки, похоже, трансформаторной, стояла старая крытая Газель. Илья остановился возле парней, опустил стекло и спросил:

– Молодёжь, а где тут у вас отвалы находятся?

Парни оторвались от телефона и посмотрели на него. Ближайший к нам парень, побритый налысо, удивлённо спросил:

– Какие? – Не понял он.

– Ну, кучи где у вас из шахт?

– А! Разворачивайтесь обратно, за первым домом налево дорога в лес идёт, прямо по ней езжайте, никуда не сворачивайте, упрётесь прямо в них.

Илья развернулся у каменного здания, вернулся к первому дому, завернул за него и поехал по грунтовой дороге в лес.

– Какой-то невесёлый посёлок. – Сказал он. – Безднадёжный.

– Да уж. – Согласился Сакатов – Здесь вполне могут водиться такие тараканы.

Километра через три дорога повернула вправо, и мы выехали на открытую площадку, где путь дальше нам преградил первый отвал. Нам бы перегородил дорогу ещё и забор из колючей проволоки, да только он давно уже упал, как и ворота. Лишь кое-где, заросшие высокой травой, стояли одинокие столбы, с торчавшими ржавыми клочками колючей проволоки. Мы вышли из машины, и огляделись. Илья прошёл вдоль отвала и сказал:

– Дальше дороги нет. Она была когда-то, но по ней уже только на вездеходе можно проехать. Пошли, прогуляемся.

Трава была высокая, кругом кусты, поэтому мы шли по краю отвала. Он тоже уже зарос травой, но ещё не такой высокой, как поляна рядом с ним. Ничего, пройдёт ещё лет двадцать, и он будет считаться частью Уральских гор. Когда мы его обогнули, за ним было ещё два отвала.

–Какие-то кучи не очень большие. – Разочарованно сказала я, оглядывая конусообразные отвалы, со следами глубоких борозд, промытых дождями – Я думала, что они будут, как горы, высокие.

– Это называется терриконы, вообще-то. – Поправил меня Сакатов – Искусственные отвалы из обеднённых и отброшенных пород. Да, невысокие. Наверное, выработка оказалась неперспективной.

За последним терриконом в разные стороны отходили две

дороги, такие же заросшие, как и та, по которой мы шли.

– По какой пойдём? – Спросил Сакатов.

– Куда пойдём? – Удивилась я – Зачем нам в лес?

– Да без разницы, по какой! – Отозвался Илья, выбирая правую дорогу – Скорее всего, это круговая дорога до шахты и обратно.

– Прогуляемся до шахты, погода благоприятствует. – Сказал мне Сакатов и отправился за Ильёй – Шахта должна быть рядом.

Мы пошли вглубь леса, мимо чахленьких берёзок, листья которых уже позолотила осень. Листья начали потихоньку опадать с деревьев, их нёс лёгкий ветерок, не давая сразу падать на землю. И лес тихо шуршал, греясь под ещё тёплым осенним солнцем. Так тихо было кругом. Тихо и тепло, я даже расстегнула куртку. Лес был светлый, вокруг было бело от берёзовых стволов, лишь изредка зеленели между ними пушистые ёлки. Пройдя с полкилометра, дорога стала уходить налево, и мы вышли на большую открытую площадку с полуразвалившимися строениями.

Посреди площадки был деревянный двухэтажный дом, с пустыми проёмами вместо окон. Доски обшивки почернели и выгнулись, придав дому восточный стиль. С крыши некоторые доски сползли, прицеливаясь, словно боевые копьё, на непрошенных гостей. Двери тоже отсутствовали, как и пол внутри. Рядом с домом стояла ржавая решетчатая конструкция подъёмника, или клетки, как правильно называется лифт

для шахтёров. За ней была высокая земляная насыпь поверх какого-то бетонного сооружения с металлической широкой дверью.

Илья подошёл к подъёмнику и заглянул в него, он подёргал там что-то, конструкция закрипела, что-то от неё оторвалась и застучало.

– Подъёмный механизм снят. – Сказал он – И, похоже, там внизу только ствол шахты. Остальное или засыпано, или совсем не разрабатывалось. Наверное, вон та железная дверь, и есть вход в шахту. Только ручки там нет, то есть гостям там не рады, и замок внутренний. Так что попасть мы туда не сможем. Клетью не пользовались. Она прямо новая тут брошена и сгнила от сырости.

Мы подошли к двери, и Илья внимательно оглядел её. Краска с неё давно сползла, она была коричневая от ржавчины, но даже не колыхнулась, когда Илья постучал по ней. Массивные бетонные крылья-стены отходили от двери, и бетон был настолько на них крепкий, что никакие погодные условия не смогли от него оторвать ни единого камушка. Сверху был насыпан слой земли, примерно метра три, который сплошь зарос густым кустарником.

– На двери железо миллиметров восемь толщиной, не меньше. Просто космический корабль, а не проход под землю! – Усмехнулся он. – Что там они закрыли такого ценного? И если там что есть ценного, зачем бросили всё?

– Да, странно. Вход такой серьёзный. – Согласился с ним

Сакатов – Может, там драгоценные камни добывали? Уральские самоцветы?

– Вполне может быть. Так зачем забросили выработку? Обычно, если добыча идёт нормально, месторождение не бросают так. И пустую жилу за таким мощным железом не прячут. Странно всё.

– Да, странно. – Опять согласился Сакатов – Надо спросить в посёлке. Это же бывший шахтёрский посёлок, кто-нибудь, наверняка, из жителей остался, кто ещё помнит, когда шахта работала.

– В дом пойдём? – Спросила я, кивнув на деревянное здание.

– На фига? – Илья пожал плечами – В окна заглянем и хватит. Он вон уже, притаился и ждёт, чтобы кто зашёл. Чтобы погребсти гостя под собой. Чтобы не скучно тут было одному догнивать.

– Дом – монстр. – Сакатов заглянул в окно – Там абсолютно ничего нет, только мусор. Местные, наверное, всю мебель растащили. Окон же нет. Наверняка, садоводы по теплицам разобрали. Оторвали всё, что можно.

Мы ещё пошатались по территории, но тут и до нас побывали такие же искатели ни один раз. Поэтому мы отправились обратно, только по другой дороге. И тут мы заметили небольшую деревянную будку, с выломанной дверью, но проём был заколочен толстыми досками. Две нижних доски были оторваны. Мы склонились над ними и стали изучать.

Но что можно было понять, если доски, в тех местах, где в них вбиты гвозди, были прогнившими. Оторванные доски лежали тут же, просто откинутаые в сторону. Илья поднял их, повертел в руках, потом отбросил. Он потрогал остальные доски. Они сидели крепко.

– Доски могли быть оторваны как изнутри, так и снаружи. Следов гвоздодёра нет. Но есть царапины.

– В лаз теперь вполне может пролезть даже человек. – Сказал Сакатов.

Илья обошёл будку, внимательно разглядывая всё вокруг. Он раздвигал траву, щупал землю. Потом он вернулся к лазу, стал на четвереньки и заглянул внутрь. Он долго смотрел туда, потом встал и сказал:

– Запаха, который в ангаре стоял, здесь я не учуял.

– Так тут же ветер, он хорошо всё проветривает. Запах не застаивается. – Ответил ему Сакатов.

– Так ты думаешь, что таракан мог отсюда сбежать? – Спросила я.

– Как вариант. А ещё в посёлке много заброшенных домов. В любом из них можно было его держать. А если ещё и подвал в доме есть, а подвалы почти в каждом старом доме есть, или хотя бы небольшой голбчик, то вероятность такая тоже существует.

– Если бы таракан в лесу жил, то он бы в ангар не забрался, так бы по лесу и бегал. – Сказал Илья – Он, скорее всего, к дому приучен.

– Да, в этом я с тобой полностью согласен. – Кивнул Сакатов – Он выбрал для себя знакомую среду обитания. Человеческое жилище. И ещё, если бы он жил в родном гнезде, и у него бы была свобода передвижения, он бы из своего логова вряд ли далеко сбежал. Я думаю, что верёвка его всё-таки держала в неволе.

– Наверное, его как-то поймали, и оставили привязанным. Правда, непонятно зачем. – Сказала я.

– Как непонятно! Такой экземпляр. Интересно изучить. – Ответил Сакатов.

– А как же! Здесь ведь учёный на учёном живут! – Илья щёлкнул пальцами – Решили в своей лаборатории изучить, во благо науки. За диссертацию потом сесть.

– Как всегда, кругом одни загадки! – Сказала я.

– А ты засунь руку туда, Оля. – Сказал Сакатов – Может, что почувствуешь.

– Ни за что! – Отрезала я – Сначала надо узнать, с чем мы имеем дело. А вдруг он меня укусит, и я превращусь тоже в таракана. И я не шучу.

– Знаешь, в этом есть зерно истины, я как-то не подумал. И ещё, мне пришла в голову мысль, что таракан может тут и не чужой. И кто-то его знает. Или знал, когда он другим ещё был. Ты понимаешь, не может такого размера существо жить, если ему никто не помогает. Он должен чем-то питаться. Это раз. Второе, зимы холодные у нас, а ему, скорее всего, тепло нужно. Он ведь не может, как обычный таракан неза-

метно за печкой жить и крошками питаться. И я просто уверен, что кто-то его в этом посёлке потерял.

– Поехали. – Сказал Илья – Вот ты этим и займешься, отыщешь его родословную.

Мы вернулись к машине, и Илья проехал задом до ближайшего свободного места, развернулся там, и мы поехали обратно к посёлку. Как только мы выехали на улицу, на нас чуть не налетел пожилой мужчина, летящий на своём старом велосипеде в посёлок. Он зло зыркнул на нас и поехал дальше.

– Он был прав, у него главная. – Мирнолюбиво сказал Илья – А может, это он ищет нашего таракана? Вон как стремительно ногами крутит педали.

– Здесь хорошо будет искать, все компактно живут, в двух всего домах, все рядом. – Подумала вслух я – И знают всё друг про друга. Обязательно кто-нибудь, да проговорится.

– Или у них тут круговая порука. – Предположил Илья.

– Поедем сейчас все ко мне. – Сказал Сакатов – Я сказал мамуле, чтобы она нам что-нибудь вкусненькое приготовила. И я вам кое-что расскажу.

– Ну да, ты расскажешь! – Илья засмеялся – Потом после твоего рассказа неделю кусок в горло не полезет. Нет, я вас довезу и поеду домой. Ольге рассказывай, она это любит.

Он довёз нас до дома Сакатова, и мы поднялись к нему. Я сразу же кинулась в ванну и долго мыла руки, применив все средства, которые увидела у них на полке. Его мама, Лидия

Афанасьевна, невозмутимая, как египетский сфинкс, провела нас в столовую к накрытому столу.

Она принесла из кухни великолепную супницу и поставила на середину стола. Только она открыла крышку, я сразу поняла, что за вкусняшку она приготовила. Суп-пюре из шпината. После тех колбасок в приямке, для меня это следующее по аппетитности блюдо.

После обеда мы прошли в кабинет Сакатова. Он достал исписанный блокнот и спросил меня:

– Готова слушать?

– Сакатов, такое впечатление, что ты только и делаешь, что читаешь разные сказки.

– И что плохого в этом?

– А то, что люди кроме чтения ещё чем-то занимаются.

– А я и занимаюсь.

– Чем?

– Тебе потом эти сказки пересказываю. Эту историю, кстати, я давным-давно ещё прочитал. И видишь, пригодилась. Слушай.

Глава 2. Проклятие Ксхе.

Все три сына у Макара Демьяновича были как на подбор – высокие, красивые, почтительные. В его родню. Да только, как говорится в русских сказках, двое были умными, а третий... Нет, Василий не был дураком, даже наоборот, он был очень смышленным, любознательным, не ленивым. Только очень уж своенравным он был, непокорным, всё норовил супротив всех пойти. Вся семья собирается вечером к ужину – а он оделся и во двор убежал, вся семья идёт на прогулку на бульвар – он в библиотеке сидит над книгой. Маменька его, Мария Ивановна, уже давно отступилась от него, никакие её уговоры на него не действовали, от её укоров он только упрямо склонял свою непокорную голову, выслушивал, а сам так и продолжал всё по-своему делать. Макар Демьянович, тот построже маменьки, так и наказывал его не раз, да только упрямства в его сыне было с лихвой, на троих таких Василиев бы хватило, да одному досталось. Больше всех Василию доставалось от старших братьев, которые поколачивали его, пока маменька не видела, благо, что он на них никогда не жаловался. Но потом и они на него рукой махнули.

Семейство Макара Демьяновича Крюкова, купца первой гильдии, проживало в славном городе Твери. Каменный двухэтажный дом их стоял на Миллионной улице, рядом с

Соборной площадью, и по утрам малиновый колокольный звон будил всё семейство, зазывая к заутрене. Старшие сыновья Макара Демьяновича, Алексей и Пётр, окончив Мариинскую гимназию, пошли учиться в Юнкерском училище, и отмечены успехи их бывали не раз благодарственными письмами отцу, чем вызывали его немалую гордость. Василий, который был значительно младше своих старших братьев, учился в той же гимназии, которую блестяще окончили его братья. Да только при всей его расположенности к разным наукам, вследствие своего беспокойного нрава, частенько бывал наказан за своё вольное поведение, и даже порот. Любил он убежать на Почтовую площадь, а там, на понтонный мост. Он мог часами смотреть на Волгу, мечтая о дальних странах, да об опасных кругосветных путешествиях на гордых парусниках, открытых всем морским ветрам. Став постарше, в последнем классе гимназии, Василий увлёкся археологией, особенно трудами Забелина, который организовал раскопки скифского кургана Чертомлык. Василий внимательно рассматривал рисунки найденных там артефактов. Особенно его заинтересовала находка пятидесяти конских уборов, которая подтверждала рассказ Герадота о жертвоприношении пятидесяти коней и пятидесяти скифских юношей, после смерти одного из скифских царей. Среди остатков погребального кортежа были и десять таинственных наверший, выполненных в зверином стиле. Он с лупой в руках вглядывался и вглядывался в необычные звериные

морды, и, казалось, только одному ему в эти мгновения открывались все тайны загадочных артефактов. Это было так интересно, так манило своей неразгаданной тайной! Василий часто засыпал прямо в библиотеке, положив голову на книги, и маменька, приходившая утром разбудить его, видела многочисленные его рисунки, которые были раскиданы и на столе, и на полу. Чаще всего на рисунках была изображена гривна с фигурками лежащего льва, которая, по версии Забелина, принадлежала какому-то божеству. Василий даже начал писать историю на основании найденных артефактов, но никому её не показывал, а потом, когда она была дописана, неожиданно сам сжёг её. Но интерес к археологии у него не пропал. Он даже выписал из Москвы издание Стемпковского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», но потом забросил его, на вопрос маменьки ответил, что пишет Стемпковский скучно, неинтересно.

Василий, неожиданно для всех, окончил гимназию с золотой медалью, к великому удивлению всех домочадцев, и твёрдо заявил отцу, что семейным торговым делом он не намерен заниматься. Он поедет поступать в Имперский Московский университет. И показал вырезку из Вестника, где было написано, что по новому уставу одна тысяча восемьсот тридцать пятого года, плата за обучение составила сто рублей. Макар Дементьевич чуть дара речи не лишился, за сердце своё схватился, узнав в какую копейку станет ему учёба сына. Но маменька, женщина экономная и разумная,

после всех семейных скандалов, выделила из своих сэкономленных на ведении хозяйства денег нужную сумму, и Василий отправился в Москву. С Василием в Москву был отправлен Путьят Иванович, его нянька, учитель и соратник всех его игр с самого его рождения. Василий поступил на философский факультет, который являлся предварительным для последующего обучения на юридическом факультете, на кафедру умозрительной и практической философии.

Поселились Василий с Путьятом Ивановичем в двух съёмных комнатах на Моховой улице, рядом с университетом. Их домовладелица, вдова Прасковья Павловна Тихонова, была доброй и сердечной женщиной, и за обеды у них брала совсем небольшие деньги, а кормила их вкусно и сытно. За это Путьят Иванович всю мужскую работу по дому взял на себя, благо у него руки были проворные. Он хорошо знал и столярное дело, и кузнечное, да и хватка хозяйская у него была, соображал он быстро и ловко.

В университете Василий сразу подружился с Уваровым Денисом, таким же мечтателем и любителем приключений, сыном помещика Уварова Алексея Сергеевича. Они, после занятий в университете, вместе гуляли по Москве, между высоких чопорных особняков, по зелёным и широким бульварам, но мыслями были далеко отсюда. В своих мечтах они продирались сквозь душные непролазные дебри Амазонки, скакали на сильных жеребцах, уходя от погони свирепых индейцев. Или шли с караваном в жарких песках Аравии, на

гружёных восточными шелками верблюдах, изнывая от палящего солнца, высушивавшего белую бескрайнюю пустыню. Или летели под парусами в Тихом океане, где они заряжали тяжёлые пушки, чтобы отбиться от преследовавших их флибустьеров, размахивающих весёлым роджером.

В отличие от своего друга, Василий учился легко, отлично, его хвалили преподаватели, отмечая его цепкий ум. Ему было всё интересно, он с жадностью впитывал знания, а так как у него была хорошая память, он мог сразу повторить без запинки преподавателям всё, что они говорили на лекциях. Денис учился с ленцой, стоило ему только посмотреть в окно, сразу его мысли улетали из аудитории, и возвращаться обратно не торопились. Василий, видя, с каким трудом даётся учёба Денису, не бросал в беде своего друга, помогал ему, не считаясь со своим временем.

К зиме в Москву приехала семья Дениса, и они стали устраивать пышные приёмы и приглашать на них не только знать, но и творческих людей. По средам у них в салоне собирались поэты, писатели, композиторы и артисты. Василий несколько раз приходил на эти вечера, садился в самый угол гостиной и внимал каждому слову, которое звучало в зале. Но больше всего ему нравились вечера, когда к Уваровым приходили путешественники, вернувшиеся из далёких и экзотических стран. Он их слушал, и картины так живо представлялись ему, что он словно сам побывал со всеми рассказчиками в их нелёгких, а порой и очень опасных походах.

В один из таких приёмов и произошла судьбоносная встреча Василия с венгерской графиней из дома Кобург-Кохари, поставившая всю его последующую жизнь с ног на голову, похоронив под обломками его сомнительного счастья надежду на спокойную и размеренную жизнь в кругу семьи.

Графиня Сáriка Кобург-Кохари была сияюще великолепно от кончиков её ногтей до гордо вскинутой кудрявой головки. Она ворвалась в салон, словно вихрь посреди спокойного дня, моментально приковав к себе все взгляды мужчин, да и женщин тоже. Шелковистые, иссиня-чёрные волосы, обрамляли её высокий лоб, словно императорская корона, а глаза цвета оливы сияли как две звезды на ночном небе, яркие и холодно-надменные. Стройная её фигура в алом платье словно парила над блестящим паркетом, не касаясь его. Она откинула тонкой изящной ручкой упавшую на лоб прядь и дерзко оглядела присутствующих. И в этом взгляде было всё – и то, что она знала, насколько она красива, и то, что её родословная, берущая своё начало в двенадцатом веке, давно уже определила её место среди самых высоких и родовитых семей Европы. И только одно невозможно было увидеть в её взгляде, её тайну, которая и пригнала её из милой и родной её сердцу Венгрии в холодную и далёкую Москву.

А тайна её была в том, что графиня была отвергнута своей семьёй за поведение, которое никак не вязалось с её высокородным рождением. Но не смирилась. Она приехала в Россию за богатым женихом, которых много водилось на необъ-

ятных просторах этой великой страны. В её родной, но бедной Венгрии, у Сарики уже не было ни одного шанса подцепить себе отпрыска богатой фамилии. И ей к тому времени уже исполнилось тридцать лет. Её взбалмошный и непоседливый характер, вместо того, чтобы, как и все порядочные наследницы, сидеть дома и ждать женихов, погнал её за красавцем камер-юнкером в далёкий поход в Османское царство, когда ей исполнилось всего семнадцать лет. Прожили они там, в счастливом радужном сне, шесть лет. А потом камер-юнкер неожиданно взял, да и женился на дочери венецианского доджа. Сарика была растоптана, унижена, она хотела наложить на себя руки, пришла даже в порт, чтобы утопиться, но там встретила хозяина шхуны «Донея» Ра́слана Вй́шке. Откуда он, кто он, она не имела представления, но потеряв моментально от него голову, снова окунулась в новые отношения, забыв своего камер-юнкера. Четыре с половиной года она плавала по тёплым морям, и ветер трепал её волосы под старой треуголкой, надвинутой на самый лоб, когда она стояла на баке, вглядываясь вдаль. Она не хуже любого матроса знала назубок всё – от фок-мачты и грот-мачты до бизань-мачты, от крамболов до шканцев. И могла даже закрепить стеньгу, если в этом была необходимость. Но, придя однажды в один захудалый порт в тропическом море, её возлюбленный капитан вернулся с берега в сопровождении знойной мулатки, приказав Сарике убираться с его корабля. Сарика была вне себя от бешенства. Она кинулась с ножом

на новую избранницу, но Раслан Вишке имел под своим началом два десятка головорезов, поэтому жизнь его научила всегда держать ухо востро. Он выбил пинком из рук Сарики нож, а для верности ещё раз пнул её по ногам, сломав ей одну ногу и кисть. Сарика ползком покинула корабль под хохот и улюлюканье членов команды. Корабль ушёл в своё очередное путешествие, а голодная и обессиленная Сарика осталась лежать на тёплом песке возле бедной деревни, в затерянном в бескрайних водах океана небольшом острове.

Бедные люди в этой деревне и сами жили впроголодь, но несчастную девушку подобрали и накормили. Её поселили в небольшую хижину к семье, где жили муж с женой, две старых бабки, один старый дед, и шесть ребятишек, один другого меньше. Но она, стиснув зубы, терпела все неудобства, стараясь быть вежливой и благодарной. Она питалась какой-то похлёбкой с жирными гусеницами, ела несолёную рыбу на свёрнутых и зажаренных листьях, но терпела. Она выучила их язык, который был простой и не сложный. Так она прожила четыре месяца, до прихода следующего корабля. К тому времени кости её срослись, она резво бегала по берегу, собирая рачков, выброшенных на берег ласковыми тёплыми волнами. Ей не составило большого труда обольстить капитана шхуны «Луцения» Тома Бёрна, и он взял её с собой, направляясь в Портсмут, английский порт. Оттуда она через полгода вернулась в Венгрию, но её семья не собирались порочить из-за непутёвой дочери своё честное имя. Они по-

селили её, под надзором злой карги Тазии, в маленьком доме на краю Будапешта. Но недолго она сидела у маленького окошечка своей крохотной комнатки и смотрела на перебежавших с криками улицу грязных ребятишек. Она влюбила в себя хозяина пекарни, и в один прекрасный день выгребла все его накопления и отправилась в модный салон, заказав себе целую гору платьев, шляпок, туфелек, в общем, всё, что должно было её вывести в мир богатых и влиятельных мужчин. Но надеяться на хорошую партию в маленькой Венгрии ей уже не представлялось возможным. Она познакомилась с русским интендантом Бирюковым Ильёй Дмитриевичем, и поехала с ним на его родину, в Россию. Сначала она выучила русский язык, потом бросила не очень богатого интенданта и вышла на настоящую охоту. Путь в высший свет ей был закрыт, но были и другие богатые женихи. Те, у которых не было громких имён, зато в карманах их стоял такой золотой звон, что от него у неё горели глаза, и бешено стучало сердце. Вот, с одним из таких миллионщиков, и появилась прелестная графиня в салоне Уваровых. Графиня от природы своей хорошо воспитана и достаточно образованна, чтобы вести милые светские беседы, а остроумием своим она могла бы затмить даже самых умнейших завсегдатаев салонов. Поэтому вокруг неё сразу образовался кружок, который весело смеялся над острыми фразами, брошенными ею. А она звонко смеялась, стреляя глазами по своим потенциальным жертвам, выбирая себе достойного, чтобы можно было за-

крепить свою победу перед алтарём. Нынешний её воздыхатель, хоть и воздыхал, глядя на неё, но в законные супруги звать её не собирался.

Василий сидел в своём углу, не дыша, и не отводя глаз от прекрасной Сарики. Всё, чем он жил до этого дня, что думал, о чём мечтал, всё утонуло в её бездонных глазах, и во всём мире осталась только она. Сарика заметила, как на неё смотрит из угла залы молодой красивый юноша, как он вспыхивает каждый раз, когда её взгляд коротко останавливался на нём. О загадочное женское сердце! Кто знает, когда оно перестает слушать рассудительные доводы своей хозяйки!

Сарика, сколько могла, боролась со своими чувствами, ставя во главу угла свои далеко идущие планы. Но незаметно для себя, она с замиранием сердца ждала каждую субботу, чтобы снова увидеть тот пламенный взор, устремлённый на неё, и услышать стук сердца, долетавший до неё из-под бедной одежды незнакомого юноши. И, конечно же, случилось то, что и должно было случиться. Весной Василий пошёл провожать Сарику до её дома. Они шли пешком, рядом, они молчали, но никаких слов и не надо было. Всё уже сказали за них их глаза и сердца. А через неделю они обвенчались в маленькой церкви на краю Москвы. Василия не смущала большая разница в возрасте между ним и его избранницей. Ему исполнилось только-только девятнадцать лет. А у графини был солидный опыт и большой багаж воспоминаний. Но это всё было не важно. Важно, что они вместе и рядом. Денис,

сколько мог, отговаривал своего друга от такого опрометчивого шага, хотя весёлая графиня ему тоже нравилась.

Первым пришёл в ступор от его женитьбы его верный Путьт Иванович, когда Василий пришёл с Сарикой после церкви, чтобы собрать свои немногочисленные вещички и переехать к своей молодой жене. Путьт Иванович так и простоял молча, глядя на светившегося от счастья юного жениха и на опытную, как он сразу и понял, и уверенную в себе новопечённую жену. Этим же вечером полетело письмо к батюшке Макару Демьяновичу, и через неделю тот уже был в Москве.

Макар Демьянович подкараулил Василия после занятий, и тому стоило немалых усилий, чтобы его батюшка не кинулся сразу в жандармерию, чтобы вывести на чистую воду авантюристку и совратительницу, каковой и считал его жену батюшка. Они пришли в его прежнее жилище, а там уже к нему присоединился негодующий Путьт Иванович, пришедший в себя после недели сердечных переживаний, и они оба накинулись на Василия. Да где там! Василий был непреклонен. Чем только не страдал его батюшка, и то, что лишит его наследства, и выгонит из университета, и отречётся от него, и отрекутся от него все родные, но ничего не могло образумить его непутёвого сына. Василий любил свою жену искренне и бесповоротно. И торговаться не собирался. Пусть его лишат всего, пусть его выгонят отовсюду.

Макар Демьянович в сердцах вернулся в Тверь, забрав с

собой несчастного Путята Ивановича, во всех падежах проклинавшего венгерскую вертихвостку, но всё-таки оставил сыну пятьдесят рублей на жизнь.

А Василий и без его денег был счастлив, счастье ведь не деньгами измеряется. И Сарика была счастлива. Только она, в отличие от своего юного мужа, с мечтой о богатстве не распрощалась. И тогда она рассказала Василию историю про таинственный тропический остров, где у вождя аборигенов есть одна вещь, которая приносит богатство. Это она сама видела. Конечно, подробности того, как она очутилась на том острове, Сарика не открыла. Но то, что та вещь прямо из воздуха добывает драгоценные камни, этому Сарика сама была свидетельницей. Вождь хранил этот бесценный предмет где-то в скалах, которые подступали к океаническому побережью, словно зубы дракона. Он принёс на праздник в деревню небольшого медного жука, отливающего всеми цветами радуги. Вся деревня долго смотрела, как вождь танцевал вокруг высокого костра. Потом он поднял кверху этого жука, что-то там крикнул, и ему под ноги упал огромный красный рубин. Сарика была поражена. Нет, не самим этим фокусом, а размером рубина. А потом вся деревня пошла на высокий утёс и вождь выкинул рубин в океан, в набегающую свирепую волну. Жена хозяина хижины сказала Сарике, что этот амулет подарил их племени великий Нунду, покровитель гор. И раза три-четыре в год, на праздник духов они получают красивые камни, чтобы задобрить морского власте-

лина, чтобы он не топил их лодки и помогал им с уловом. Сарика два месяца после этого прочёсывала скалы, но так и не нашла следы пещеры, где хранился этот жук.

Сарика не знала, где находится этот остров, даже не знала, как он называется, но она знала, кто мог сказать ей об этом. И у неё созрел план. Безумный, как и вся её жизнь, но он уже не отпускал её от себя, она знала, что у неё всё получится. А теперь у неё есть муж, который будет защитой и помощником в её компании. Её план лёг словно свежее семя на благодатную почву. Василия манили и притягивали невероятные приключения где-то в тропических морях, а рядом будет его любимая женщина! Никогда ещё фортуна так не улыбалась ему, и он окунулся с головой в сборы перед дальней дорогой. Он оформил академический отпуск в университете, сославшись на плохое самочувствие. Они продали всё, вернее Сарика продала всё, все подарки от благодарных мужчин. Они собрали немалую сумму, и отправились навстречу своей мечте. Дорога была легка и прекрасна, как и их любовь. Они уже в своих мечтах построили огромный белый дворец на берегу моря, с золотыми колоннами и большими зелёными террасами, и жили там, окружённые кучей ребятишек.

Они проехали через всю Европу – Австрию, Германию, Францию, и прибыли в порт Дюнкерк. Там они переправились через Ла-Манш, и добрались до первоначальной цели своего плана – Портсмута. Но там их ждало первое разоча-

рование. Судно «Луцения» со своим отважным капитаном Томом Бёрном было в дальнем плавании, и ближайщие три месяца его можно было не ждать. Василий и Сарика поселились в небольшой гостинице, и каждый день гуляли возле порта, или уходили гулять по живописным горным тропам. Холодные ветра гуляли по равнине, огибая невысокие горы, и улетали дальше, к вечным льдам Северного полюса. Сарика учила Василия языку, на котором разговаривало племя, куда они направлялись.

Прошло три долгих месяца, но судно «Луцения» не возвращалось к своим родным берегам. Сарика и Василий каждый день, с утра, отправлялись в порт, с надеждой вглядываясь в морскую даль. Прошёл ещё один месяц. Потом ещё один. И, наконец, паруса «Луцении» показались на горизонте. Судно хорошо потрепало за рейс, но обветренное лицо капитана Тома Бёрна лучилось радостью от встречи с родным домом. Пока матросы и старший помощник занимались разгрузкой ящиков, Сарика уже почти уговорила капитана ещё на одно плавание. Но капитан не согласился вывести судно через неделю, как на том настаивала Сарика. Команде надо отдохнуть, и капитану тоже. Обговорили дату выхода — через три недели.

Через три недели, изрядно погулявшая команда собралась на корабле, капитан тоже был не в самом лучшем расположении духа, но корабль готовился к отплытию. Погрузили припасы и питьевую воду. Сарике и Василию выделили неболь-

шую каюту старшего помощника капитана и «Луцения» подняла паруса.

Василий стоял на корме, и его переполняла ни с чем несравнимая радость от бесконечного простора, от сильных ветров, наполнявших их паруса и от безграничной свободы. Капитан Бёрн рассказал Василию, что когда они последний раз пришвартовывались к тому острову, куда сейчас они направлялись, таинственно исчезли пять матросов, а остальные готовы были сами сигануть через борт, так угнетающе подействовало на них пребывание на том острове. Но Василию было наплевать на суеверные рассказы капитана. Через шестнадцать дней их с Сарикой отправили на шлюпке к большому скалистому острову, окутанному густым туманом. Угрюмые матросы даже не стали выходить на берег. Василий подхватил вещи, и они с Сарикой прошли по воде к маленькому ровному пятачку между двумя большими скалами. Шлюпка скрылась в тумане, а они остались вдвоём, вслушиваясь в тревожную тишину, и стараясь отыскать незаметную тропу среди больших валунов. Том Бёрн обещал забрать их через три недели, на обратном пути, сказав, что будет ждать их ровно сутки, и если они не появятся на берегу, судно уйдёт без них.

Они поднялись на большое плато, тумана там не было, и перед ними открылась живописнейшая долина, окружённая огромными деревьями-исполинами. Изумрудная зелень переливалась под солнцем, тысячи диковинных птиц поднима-

лись в воздух, и шумно опускались на ветви, раскачивая их. Слева от них, со скалы, низвергался в долину двойной водопад, окружённый круглой радугой, и словно бриллиантовая пыль искрилась над ним. «Хороший знак!» – сказала ему Сарика. У Василия захватило дух от всего увиденного. Даже в самых своих смелых мечтаниях он не мог представить себе, какие яркие краски может родить природа, не заключённая ни в какие рамки своих фантазий.

Посредине долины была деревня. Десятка три хижин были рассыпаны по ней, словно жуки на траве. Среди них кипела жизнь, женщины готовили свою нехитрую пищу на кострах, кучи ребятишек носились по деревне, размахивая руками. Мужчины чинно сидели кругом, и из одежды у них были только повязки на бёдрах. На женщинах были тоже повязки, но они были сплетены из каких-то тонких верёвок, и походили на сети, наброшенные на туловище. Ребятишки бегали абсолютно голые.

Они спустились в долину, и Сарика направилась к хижине, в которой когда-то она обрела такой сердечную заботу о себе. Они привезли с собой подарки, дешёвые безделушки, стеклянные украшения, деревянные свистульки для детей, и ножи для мужчин. Вся деревня собралась вокруг них. Вождю Сарика привезла красный плащ, украшенный серебряными пуговками. Все были довольны, и в честь них устроили настоящий праздник, с песнями и плясками вокруг костра.

На следующий день мужчины взяли с собой на охоту Ва-

силия. Предметом охоты были животные, напоминавшие кабанчиков, только с длинными носами. Василию не удалось самому подстрелить ни одного, но вождь ободряюще похлопал его по плечу, выразив надежду, что это просто неудачная попытка.

Сарика не тратила время зря, и узнала у Будбы, так звали хозяйку хижины, куда племя разместило гостей, что праздник духов будет на большую луну, то есть через восемь дней. И Сарика с Василием начали каждый день разведывать окрестности с южной части острова, откуда, как помнила Сарика, и вернулся в прошлый раз вождь с медным жуком. Скалы стояли сплошной стеной, и только неприметные тропы, узкие и опасные, вели куда-то вглубь их, иногда заканчиваясь обрывом над самым океаном. Некоторые тропы, особенно крутые и опасные, Василий обследовал один, а Сарика ждала его у подножья. Раз за разом, они отходили всё дальше от деревни, но нигде не было никаких входов в пещеру, где мог быть тайник вождя племени.

И вот наступила ночь, когда вождь должен был принести жертву морскому духу. Василий ещё с первыми лучами солнца спрятался в расщелине, которая была ближе всех к деревне, чтобы незаметно проследить за вождём. Он прождал его до полудня, и вот, наконец, увидел внизу, среди тонких стволов, как мелькнул красный плащ вождя. Вождь шёл не спеша, весь погружённый в свои мысли и молитвы. Каждые десять-пятнадцать шагов он останавливался, наклонял голову,

и поднимал руки к небу, что-то бормоча. Василий тихо двинулся за ним. Кругом сновали птицы, распевая свои трели на все голоса, поэтому Василий не боялся, что вождь услышит его.

Они прошли километра полтора, и вождь подошёл к отвесному и ровному склону, над которым нависал огромный каменный зуб, закрыв скалу от солнца. Вождь отвязал от пояса небольшой кожаный мешочек, развязал его и достал какую-то сероватую массу. Он натёр ею лицо, потом всю голову и руки. Потом он опустился перед скалой на колени, вытащил из-за пазухи треугольный камень и поместил его в углубление возле самой земли. Скала задрожала, посыпался песок на вождя, но тот стоял на коленях, не шелохнувшись. Скала рухнула вглубь, образовав ровную площадку. Гулкое эхо отдалось среди гор, и Василий почувствовал, как под ногами дёрнулась и замерла земля.

Вождь сидел не шевелясь, низко склонив голову. В открывшемся проёме серебрилась и оседала пыль, а потом стали слышны шаркающие приближающиеся шаги. Лёгкое свечение, словно от одинокой свечи, откуда-то из глубины, маленькой точкой приближалось к вождю. Рука, держащая свет, была чёрной и чешуйчатой, длинные когти подрагивали в такт мерцающему свету. Василий сжался и затаил дыхание. Тот, кто приближался к вождю, был не человек. Вождь не поднимал на него головы, только вытянул вперёд обе руки, ладонями вверх. Из полумрака проступила неясная серо-

ватая фигура, метра два роста, и закачалась, извиваясь. Послышался горловой звук: «У-у-у-у-у». И тут же, из пещеры эхом ему откликнулись десятки голосов, повторяя этот звук. К этому долгому звуку добавился бой далёких барабанов. Свет, который держало в лапах неведомое существо, растянулся и превратился в пылающий символ со стрелой внутри. Тонкие линии завязывались в узлы, которые отлетали и лопались в воздухе. Раздался громкий протяжный клич: «Вахаранена!» Вождь повторил: «Вахаранена Нунду!» Символ сжался до небольшого сияющего шара и отлетел от существа. Потом шар задрожал в воздухе, выпустил крылья и опустился на ладони вождя. Василий видел, как у него в ладонях зашевелилось что-то яркое, а потом оно затихло, убрав крылья. Существо отступило во мрак пещеры, и скала встала на место. Вождь, не опуская рук, поднялся, и снова трижды выкрикнул: «Вахаранена!» Потом он аккуратно убрал яркий предмет себе в заплечный мешок и пошёл в обратный путь.

Василий сидел, ни жив, ни мёртв. То, что он увидел, можно было назвать чудом. И тому, кто живёт в скале, не понравится план, который собирались реализовать они с Сарикой. Нет, нельзя гневить того, чьи силы несоизмеримо больше, чем у человека. С этими мыслями Василий вернулся в деревню.

Там полным ходом уже шли приготовления к празднику. Женщины жарили на камнях лепёшки, рыбу. Мужчины наносили на кожу боевой раскрас, чтобы злые духи смерти не

подходили близко к деревне, когда они будут славить духа воды.

Когда он рассказал Сарике, что увидел у скалы, она только посмеялась над ним, сказав, что удача и боги любят дерзких. Василий был не согласен, но Сарика сердито прикрикнула на него, чтобы он шёл к мужчинам и смотрел, что ещё будет делать вождь, и запоминал всё. Василий пошёл к большому костру, который был разожжён на берегу. Вождь стоял на самом краю скалы, и под ним бились с грохотом о скалы разбушевавшиеся волны. Солёные брызги падали на него, но он не отворачивал лицо, а продолжал что-то монотонно говорить. Василий сел на небольшой камень. Вскоре пришли мужчины племени и расселись вокруг костра. Потом пришли женщины с праздничными блюдами и сели поодаль от мужчин. Все смотрели на вождя и ждали. Сарика тоже была среди женщин.

Вождь вскинул руку вверх и Василий увидел на его ладони, как и говорила ему Сарика, медного жука, голова которого была ярко-красной, а всё туловище было настолько начищено и блестело, что отражалось в каждой морской капле. Жук поднял голову, она замерцала радужными цветами, потом опустил её, загудел и зашевелился, потом расправил крылья, раздался пронзительный крик «Ксхе!» и с неба упал к ногам вождя огромный, размером с кулак, рубин. Племя радостно закричало, мужчины махали копьями, женщины начали кружиться, хлопая себя по бокам. Вождь закричал:

«Вахаранена!», поднял рубин, и кинул его в поднывающую волну. И океан затих. В это невозможно было поверить! Но только что волны ухали, разбиваясь о суровые скалы, а теперь они лизали их, словно ласковые щенки, плескаясь где-то там, внизу, не долетая до площадки, где собралось племя. Василий не удержался и подошёл к краю, встав рядом с вождём. Тот улыбнулся и кивнул ему, убирая в свой мешок чудесного жука.

Праздник начался. Мужчины исполнили боевой танец, подцепляя на копыта горящую золу и подкидывая её, женщины криками подбадривали их. Василий спустился к кромке воды и смотрел на кровавый закат над спокойным океаном, разлившимся от горизонта во все стороны. На другом острове, который был в пяти милях от них, тоже горели костры на берегу. Неужели у них тоже есть такой вот жук, и они тоже умеют усмирять морские волны?

Позади него послышались шаги. Василий обернулся и увидел вождя, идущего к нему. Вождь сел рядом и сказал:

– Наше племя чтит своих предков, поэтому они умолили небесного Нунду, чтобы он хранил нас и заступался за нас перед морским духом Аттала. Нанду приходит к нам по нашему зову и даёт плату для Аттала. И Аттала даёт нам хороший улов, чтобы мы не голодали, и не топит наши лодки, чтобы мы могли торговать с нашими соседями. Рядом с нашим островом был ещё один остров, но жители его, когда узнали, что мы приносим дар Аттале, решили забрать у нас

священного жука Ксхе, и выкрали его, чтобы самим принести священные дары своему покровителю рода. Тогда разгневался Аттала и утянул остров под воду, и никто из них не спасся. А Ксхе снова вернулся к нам.

– Ксхе?

– Да, крылатого слугу Нунду, который нам дарит священные камни, зовут Ксхе.

– А что за костры горят на том острове?

– Наши соседи тоже чтят Атталу, и когда мы приносим ему дар, они поют ему восхваляющие песни. А зачем ты следил за мной сегодня утром?

Василий растерялся. Он думал, что вождь не видел его, он ведь так осторожно за ним крался!

– Мне Сарика рассказывала, что ты приносишь волшебного жука, поэтому я хотел посмотреть, кто даёт его тебе.

Ответ, видимо, устроил вождя, он кивнул Василию, встал и пошёл к тропе, потом обернулся к нему и сказал:

– Нунду никому чужому не позволит воспользоваться щедростью Ксхе, и гнев его будет ужасным.

Вождь ушёл, а Василий сидел и думал о его предупреждении. Нет, он не позволит Сарике совершить задуманное. Они вернуться домой, и он будет много работать, чтобы его жена ни в чём не нуждалась.

Утром они с Сарикой снова пошли гулять по окрестностям, и Василий всю дорогу убеждал Сарику, что своим нечестным поступком они только разгневают Нунду, а если

они и получают Ксхе, то богатство, нажитое нечестивым путём, принесёт им только горе. Сарика слушала его, ничего ему не отвечая, потом прижалась к нему и сказала, пусть будет так, как он хочет, она послушает его. Василий, настроившись на долгий спор с Сарикой, не ожидал, что она так быстро сдастся. Она была весела и беззаботна, они долго гуляли, потом искупались у подножия водопада в чистой и прохладной воде. Василий, в который раз, возблагодарил бога, за то, что ему досталась такая послушная и умная жена. Целую неделю Сарика усердно помогала Будбе готовить пищу, мастерила их детям игрушки из веток, подарила вождю дорогой браслет, которым очень дорожила, поэтому его не продала вместе со своими другими драгоценностями. Она была ласкова с Василием, расспрашивала его о семье, о Твери, о его друзьях. Василий с удовольствием предавался воспоминаниям. Он ей признался, что и не думал, что будет скучать по своим родителям, братьям, но оказалось, что он снова хочет их увидеть, хочет походить по родному городу, постоять на его понтонном мосту, встретиться с преподавателями. Даже по университету он соскучился. Ничего, через неделю придёт корабль, и они вернутся домой. Конечно, путь не близкий, но это будет дорога домой, а она всегда радостна.

В одной из прогулок Сарике беззаботно спросила его, где находится скала, где прячется Ксхе. Василий не почувствовал подвоха и провёл её к тому месту. Там он снова рассказал ей всё, что тут произошло и о своих незабываемых пе-

реживаниях. Сарика сочувственно сжала ему руку и сказала, что всё это уже в прошлом, чтобы он быстрее всё это забыл. Но она сама не забыла. Сарика скорректировала свой план, решив до времени не ссориться из-за этого с Василием. Она просто решила проделать всё сама, видя, как её муж негативно относиться к этому. Она ни минуты не сомневалась, что у неё всё получится. И наплевать ей на всякие там предупреждения. Она не Василий, её этим не запугаешь, и тем более, не разжалобишь. Последняя неделя, которую Василий с Сарикой провели на острове, была чудесна. Василий неплохо рисовал, поэтому его походный блокнот был весь в зарисовках этого чудесного острова. Он и думать забыл про жука, и радовался, что Сарика тоже не вспоминает про него.

Сарика ещё раньше приступила к исполнению своего плана, тогда, когда только увидела неуверенность в глазах своего мужа. Когда она была в хижине вождя, принеся в подарок ему браслет, она выкрала треугольный камень, который просто лежал у того между циновок. Она не боялась, ведь скоро придёт корабль, и увезёт их с этого чёртова острова. Сарика не упустит свой шанс, она станет богата, баснословно богата. А муж... Ну что ж, или он её простит, или пусть остаётся бедным и честным.

И вот наступила последняя ночь. Поздно вечером они с Василием пошли на берег, долго купались в тёплом океане, под лучами заходящего солнца, потом она попросила оставить её одну, чтобы она погрустила перед прощанием с этим

чудесным уголком земли, куда они больше никогда не вернутся. Василий поверил ей, он ей всегда верил, и не спеша отправился в деревню. Сарика посидела на берегу до темноты, и после этого решительно отправилась к сокровенному месту. Она чуть было не заплутала, но в этот момент выглянула луна, и осветила узкий проход в густых дебрях.

Сарика уняла дрожь в руках и нащупала углубление в скале, куда и вставила треугольный камень. Она прислушалась. На удивление, в шумных джунглях была тишина. Скала задрожала, заскребли друг о друга каменные плоскости, и тут же рухнули вглубь пещеры, и всё опять замерло. Ширк-ширк, тишина, потом опять ширк-ширк. Кто-то из глубины тёмной пещеры неуверенно приближался к ней. Стал виден совсем крохотный и неясный свет. Она увидела отблеск огня на кожаной, покрытой крупной чешуей лапе с длинными загнутыми чёрными когтями. У Сарики нестерпимо зажгло лицо и руки, словно она стояла близко к открытому огню. Она протянула ладони вперёд и опустила голову. И в это время какая-то сила потянула её за руки в пещеру, в которой раздался демонический хохот. Сарика попыталась скинуть со своих рук невидимые путы и отползти, но холодные цепкие когти были тверды как камень. Закричала Сарика, упёрлась ногами в скалу, не давая затащить себя в пещеру, но хрустнула лодыжка, обжигая её острой болью. Сарика вспоминала молитвы, которые ей читала её нянька перед сном, она выкрикивала слова в небо, веря неистово, без сомнений,

она кричала всё громче и громче. Её уже волокли по плите, и она понимала, что сейчас закроется за ней проход, и она никогда не увидит мир, не увидит небо, её больше не будет.

И вдруг позади неё раздался голос, он что-то говорил на незнакомом ей языке, а потом трижды воскликнул: «Вахаранена Нунду!» Цепкая хватка ослабла, а потом холод отступил от неё, и она обессилено растянулась на плите. На одно мгновение над ней показался огромный медный жук, расправив свои тёмные крылья. Он разросся до невообразимых размеров, и в её голове раздался крик: «Ксхе!» Потом всё исчезло. К ней подошёл вождь и помог ей выползти из пещеры. Он уложил её на траву, а сам вернулся к тёмному проёму, и встал на колени. Из недр пещеры вырывался злобный рёв, усиленный многократно долгим эхом. Вождь обхватил голову руками и начал заунывно читать свои молитвы, непрерывно кланяясь. Сарика просто закрыла глаза и лежала, слушая, как ужас заставляет её сердце стучать всё быстрее. А ещё у неё горело лицо и руки, она приблизила руки к глазам и увидела, что кожа на них была красная, и вздувались пузыри. В пещере, не переставая, грозно ревело то таинственное существо, и от этого злобного рёва, волна дрожи пробегала по её телу, и она сжималась в комок, ожидая, что снова холодные лапы потащат её в темноту лабиринтов пещеры.

Первые лучи восходящего солнца коснулись верхушек деревьев, и скала встала на место. Вождь поднялся и шагнул к

ней, лицо у него тоже было обожжено, как и у Сарики. Он спросил:

– Что ты видела, когда Нунду отпустил тебя?

– Жука, медного жука, он сказал мне: «Ксхе!»

– Ты навечно проклята.

– Что со мной будет?

– Не знаю. Но тебе нельзя жить среди людей. Ты теперь принадлежишь Нунду. И проклятие не умрёт с тобой.

– Как снять проклятие?

– Молись своим богам. Ты должна уехать с нашего острова, немедленно.

Вождь дал ей сухую палку, чтобы она опиралась на неё, и они пошли к деревне. Василий, увидев её всю в ожогах, заплаканную и растерзанную, сразу всё понял. Они собрали свои вещи, и пошли на берег. Никто в деревне не вышел из своих хижин, чтобы проститься с ними, когда они проходили по улице. Через несколько часов пришёл корабль и за ними отправили шлюпку. Сарика всё время молчала. Она снова и снова переживала события этой ночи и тихо стонала. Василий почти всё плаванье провёл на палубе, она лежала в каюте и не хотела видеть никого. По ночам её начинали мучить кошмары, она кричала, пугая своими криками команду. Ей снилось, что вместо рук у неё длинные клешни, и она пытается спрятаться от преследовавших её жутких существ, которые отрывали её клешни, но взамен оторванных у неё отрастали новые. Утром она не могла подняться с кровати, и

порой ей казалось, что это не просто сны, а это всё происходит с ней на самом деле. Василий пытался с ней поговорить, но она молча показывала ему глазами на дверь, и он облегчённо уходил на палубу, чтобы не видеть её измученного лица. Сарика чувствовала, как постарела и ослабла, но её это больше не беспокоило. Она не доставала зеркало, чтобы не видеть себя. Но она видела свои руки, которые сохли и становились жилистыми и грубыми. К тому времени, когда они доплыли до Портсмута, она высохла настолько, что казалось, что сильный прибрежный ветер поднимет её и унесёт за собой в далёкие дали. Сарика закуталась в шаль, и скользнула за Василием, покидая корабль, даже не попрощавшись с капитаном.

Она сидела в номере гостиницы, пока Василий договаривался о переправе их через Ла-Манш. Во Франции, в порту Дюнкерк, они даже не стали заселяться в гостиницу, Сарика заставила его сразу нанять экипаж. Она забилась в угол кареты и ещё плотнее закуталась в шаль. Она всю дорогу торопила его и торопила, и Василий уже не узнавал её голос. Он стал тихим и сухим. Она готова была ехать даже по ночам, но их возница возмутился, сказав, что ему и его лошадям нужен отдых. Василий терялся в загадках. Конечно, какие-то догадки рождались в его голове, но он был не готов к тому, что произошло дальше.

Через две недели они приехали в Псков, им оставался ещё один день до Твери, но неожиданно Сарика почувствовала

себя очень плохо. Они нашли на окраине постоянный двор, Василий перенёс Сарику на руках в их комнату, и хотел вызвать доктора. Сарика отказалась, но он решил не слушать её и собрался пойти за доктором. Тогда Сарика откинула шаль, и Василий отшатнулся, увидев перед собой то, во что превратилась его жена. Изнеможенное тело, казалось, сплошь состояло только из костей и сухожилий, обтянутых кожей, приобретшей коричневый оттенок. На голове у неё не было ни одного волоса. Василий вздрогнул. Не было больше её прекрасных пышных волос, некогда окаймлявших её милое лицо. Её шея раздулась, и казалось, что голова сидит прямо на плечах. Василий бессильно рухнул на пол. Сарика снова закуталась в шаль и отвернулась к стене. Потом она произнесла:

– Это проклятие. Вези меня в монастырь.

– Какой? – Еле шевеля губами, спросил он её.

– Любой! – Взвизгнула она – Любой, сейчас же! Слышишь!

Он пулей выскочил из комнаты. Всё плыло перед его глазами. Он бесцельно кружил по городу, стараясь привести свои мысли в порядок. Потом он очутился возле церкви, из которой выходил народ после службы. Он дождался, когда батюшка останется один и подошёл к нему. Сначала батюшка Тихон на него смотрел, как на умалишённого, так невероятно показались ему его речи. Потом они вышли в церковный двор, сели на лавочку, и батюшка заставил Василия ещё

раз всё рассказать по порядку. Василий снова повторил ему свой грустный рассказ.

– Надо вам ехать к отшельнику Симону. – Сказал батюшка Тихон, подумав – Сильны его молитвы, слышит его Господь, и говорит с ним. Если кто вам и поможет, так только он. Я завтра с утра сам вас к нему отвезу.

Василий вернулся на постоялый двор, поднялся к своей комнате и прислушался. Потом он осторожно открыл двери и остолбенел. В углу комнаты стояло нечто, совсем не похожее на его жену, даже на ту, которую он увидел сегодня утром. Толстый коричневый панцирь покрывал её плечи и туловище, руки она прижимала к груди, что-то бормоча. Лицо её исказил страшный оскал, рот не покрывал острых зубов, глаза выкатились, радужки не было, и чёрная тень настороженно смотрела из округлившихся глазниц. Существо дёрнулось, защелкало, но Василий предупредительно вытянул вперёд руку и заговорил. Он говорил и говорил с ней, сам не понимая, что говорит, и звук его голоса успокаивал её. До самого утра они стояли друг напротив друга, пока батюшка Тихон не постучал к ним в комнату. То, что открылось перед ним, он запомнил до конца своих дней. Они закутали Сарика в простыни, Василий отнёс её в коляску батюшки, и они отправились в путь. Сарика только первые минуты спокойно дала себя увезти, но только они въехали в лес, она начала вырываться, кричать, царапаться. Василий с батюшкой её покрепче связали, но она извивалась, стараясь

свалиться с коляски. К обеду они подъехали к небольшой землянке, в гуще леса, на берегу узкого ручья.

Брат Симон был могучим старцем, с длинной и окладистой бородой. В его небесных глазах светилась мудрость и любовь, а улыбка его успокаивала сердца, измученные своими грехами и непомерными желаниями.

Василий снова рассказал свою грустную историю, и брат Симон развязал верёвки на Сарике. Она взвыла и соскочила, но он положил ей на лоб свою руку и что-то зашептал. Сарика устало замерла, а потом раздалось её всхлипывание. Совсем человеческое.

Брат Симон оставил Сарику в своей землянке, а Василий вернулся с батюшкой Тихоном в город. Он каждый утро приходил на службу и молился, чтобы Сарика или стала прежней, или покинула этот мир. Он написал родным письмо, написав только, что Сарика заболела, подхватив тропическую лихорадку, и они теперь в Пскове.

Батюшка Тихон раз в неделю ездил к брату Симону, и на все вопросы Василия только горько вздыхал. Василий и сам понимал, что надежды на то, что Сарика снова станет человеком, мало. Он корил себя за то, что не разгадал хитрости её, не остановил её. Но дело было уже сделано. Василий уже не думал об учёбе, о Москве, он стал помогать батюшке в церкви, полюбил всем сердцем службы, их неторопливую светлую радость. Батюшка ему давал брошюрки с житием святых, и он с жадностью читал их, и мирская жизнь от-

ходила от него всё дальше и дальше.

И вот, когда в очередной раз батюшка приехал от брата Симона, он сказал Василию, что Сарика хочет видеть его. На следующее утро они с батюшкой снова поехали к брату Симону. У Василия было радостно на сердце. Он не знал, что ждёт его там, но он верил, что всё теперь будет хорошо.

Брат Симон провёл его в свою землянку. На широкой лавке, лежало маленькое тело его Сарики. Она была закрыта серой мешковиной, но он видел, что она не стала человеком. Брат Симон кивнул ему и вышел из землянки. Василий подошёл к Сарике и наклонился к ней. Она увидела его, и глаза её заблестели, наполнившись слезами:

– Прости меня. – С трудом сказала она, перемежая свои слова шелканьем, и у Василия сжалось сердце – Прости. Я умираю. Спасибо тебе, что не бросил меня и привёз сюда. А теперь уходи, и дай тебе бог мира и покоя твоему сердцу, и не поминай меня лихом.

Василий заплакал и вышел из землянки. Брат Симон подошёл к нему и взял за плечи:

– Проклятие, которое она получила от нечестивого, разрушило не только её тело, но и начало рвать её душу. Слишком поздно пришли вы ко мне. Но она уходит с молитвой и прощением. Крепись. Так для неё будет лучше. Я похороню её здесь, под берёзками. А ты молись за её грешную душу, молитва очищает не только того, за кого мы молимся, но и нас самих.

Вот так закончилась история венгерской графини Сарикки, и пусть она будет предостережением для тех, кто ставит земные богатства выше богатства своей души.

Глава 3. Поиски.

– Ну что, Оля, поняла, откуда берутся такие люди-жуки? – Сакатов посмотрел на меня поверх своих очков.

– Проклятие. Все беды от проклятий, я это и так знаю. – Ответила я – Но откуда у нас на Урале, проклятие какого-то тропического Горного Духа? Или этот наш сбежавший жук вернулся из неудачного отпуска в тропических морях? И теперь расплачивается за бесцельно прожитые годы?

– Не смейся. Ты что думаешь, только там могут насылать проклятия? Нет, смею тебя заверить. Не спорю, довольно экзотический случай. Но я, сама видишь, нашёл только такое объяснение появления человека-жука, а в наших уральских деревнях такое раньше не встречалось. У нас тут больше лешие водятся. Да, ещё вот девочка-насекомое в Ростове когда-то жила.

– И то ещё не факт. – Возразила я ему – В Ростове, скорее всего, и не было никакой девочки-насекомой, просто рисунки какого-нибудь фантазёра, или иллюстратора Мухи-Цокотухи. Нет, очень мы далеко находимся от тропических племён с их злыми духами.

– Согласен. – Согласился Сакатов – Так ведь и география путешествий людей, с развитием транспортных средств, очень изменилась. Я, пока читал тебе эту историю, вот что

подумал. Смотри, какая закономерность. Этот жук передавался вождю племени от существа, который жил в скале. Так? И у нас тут рядом с ангаром есть шахты. Так может, там тоже свой Нунду живёт? Местный?

– Но ведь пока шахты разрабатывались, ничего не происходило?

– Ну и что. И потом, вполне вероятно, что там тоже странности какие были, просто работали там ярые атеисты, в потусторонние силы они не верили, и всё списывали на природные явления. Или ещё, шахты хоть и заброшены, но природа ведь живая, вдруг какая-нибудь стенка со временем развалилась, а за ней и сидел этот Нунду, и как только он освободился, так и пошли неприятности от него.

– Я всё думаю о фразе, которую сказал вождь, что проклятие не уйдёт со смертью Сарики. – Сказала я – Может оно, как эхо, ходит от одного к другому? Просто, мы пока не видим механизма передачи его.

– Получается, что примерно через сто лет после событий на том острове, в Ростове появилась девочка-насекомое. – Сакатов что-то в уме прикинул, потом сказал – И с того времени прошло снова сто лет, ну или немного больше, и у нас тут появился тоже жук. И мне, почему-то, кажется, что это тоже особа женского пола.

– И что нам делать? – Спросила я – А может ничего не надо делать? Эти жуки не отличаются долголетием. И они безобидны. Они же не нападают на людей. А наоборот, бо-

ятся их.

– И что, тебе не хочется докопаться до истины? Совсем? – Сакатов развёл руками – Или ты не хочешь прервать это проклятие? Не поверю.

– Конечно, хочу. – Ответила я – Только с чего начинать? Где нам его искать?

– Я думаю, что все следы ведут или в посёлок, или в заброшенные шахты. Начнём, пожалуй, с посёлка.

– Знаешь, нам надо хотя бы прикинуть сначала, что мы будем делать с этим жуком, когда найдём его. Хоть ты и говоришь, что он боится людей, мне почему-то кажется, что если мы его загоним в угол, он будет защищаться. А мы даже не знаем, на что он способен.

– Ну да. – Сакатов почесал затылок – Жуки, хоть в большинстве своём и кажутся нам безобидными, на самом деле не все такие. И мы не знаем, к какому виду жуков относится наш жук-оборотень.

– Господи, ты сразу ему придумал такое страшное название!

– Потому что именно ты натолкнула меня на мысль, что наш оборотень может быть опасен. Я знаю несколько жуков, которые по-настоящему опасны для человека. Например, жуки-нарывники. Они прокусывают кожу у человека и оставляют в ранке яд. Если яд попадёт в кровь, то могут быть очень плохие последствия, вплоть до отказа работы почек. Так он, заметь, совсем крошечный. А наш жук-оборотень

огромен. И даже жухелицы, эти мелкие мошки, если они направят свою струю в глаз человека, то этим могут вызвать ожог слизистой, и можно от этого совсем потерять зрение. Между прочим, струя у них вылетает из анального отверстия. И ещё существует целая куча жуков, которые просто наносят раны без яда.

– Вот видишь! Надо как-то подготовиться. И куда мы его денем, если всё-таки получится у нас его пленить? Клетку надо какую-то. В зоомагазине таких больших нет. И прутки там тонкие. А этот твой оборотень, даже профлист отогнул, лестницу со здоровым мужиком откинул, на два метра прыгнул, и землю копал.

– Почему он мой? Но ты права, надо клетку из арматуры, надёжную. Даже не знаю, где такую взять. А если просто взять капроновый шнур, он крепкий, и связать его?

– И держать его связанным? Судя по твоему рассказу, это и так несчастное создание, а тут мы ещё его свяжем. Не знаю, как-то это жестоко. А может и не надо его ловить? Мы же хотим помочь. И потом, Сарика, даже став жуком, всё равно понимала людей, и даже говорила, хоть и невнятно. Может, попробуем договориться?

– Вот, Оля, мы и нашли верное решение! – Сакатов радостно потёр руки – Надо договориться! Именно так и сделаем! А теперь я приложу все усилия, буду писать всем своим учёным друзьям, чтобы найти решение о снятии проклятья.

Вечером он мне позвонил, и сказал, что всё не так просто,

и уже невозможно помочь нашему несчастному жуку. Как будто я сама этого не знала!

– Я с Анной переговорил. Она тоже впервые услышала о человеке-жуке. А на неё у меня была последняя надежда. Так вот, Анна сказала, что сделать, скорее всего, уже ничего нельзя. Но предположила, что у нашего жука должен быть напарник, ну или какой-то участник, который в курсе, что случилось. Она права, мы и сами с тобой задумывались об этом. Люди редко в одиночку с чем-то экспериментируют, или ввязываются в какие-нибудь авантюры. Должен быть тот, кто сказал, что-то, наподобие: «А давай-ка попробуем!» Если наш жук был девушкой, то вполне возможно, что рядом находился молодой человек, с которым они что-то нашли, или куда-то вляпались. То, что это именно молодые люди были, я уже не сомневаюсь. Вряд ли пенсионер с пенсионеркой по шахтам ползали. Или даже у этой молодой дамы не один друг был, а компания. Там, возле подъезда парочка ребят молодых сидела, надо с ними переговорить. Узнать у них, не пропал ли кто из их компании. Конечно, если они уже знают, что случилось с девушкой, они будут об этом молчать. Они, скорее всего, напуганы. Шутка ли! Что-то мне подсказывает, что этот жук сбежал потому, что они хотели его убить, видя в какое чудовище превратилась их подруга. Вот она и сбежала.

– Далеко же тебя завела твоя фантазия! Уже целая история готова.

– Да нет, это просто логическая цепочка такая. Сама по- суди, такой монстр возле тебя появился! А если они что-то там замутили сами, то в милицию идти у них точно в пла- нах не было. Выход один – избавиться от монстра. Наверное, лучше сначала со взрослыми жителями поговорить. Узнать, не пропал ли кто из местных?

– А если она была гостьей?

– Умеешь ты разбивать в корне мои доводы! – Сакатов расстроено кашлянул, но сразу нашёл, что ответить – Будем узнавать, кто к ним в гости приезжает, и кто с кем дружит. В любом случае, надо ехать и разговаривать.

– Надо подружиться с ребятами, и рассказать им всё на- чистоту. И свою историю про Сарику им расскажешь. Вот тогда мы вместе и сможем чего-то добиться. Главное, чтобы они нам поверили, и не думали, что мы хотим их наказать.

Я набрала Илью и сказала о наших планах. Он хоть и со- мневался, что нам всё выложат на блюдечке, но в целом, план одобрил. Договорились, что в посёлок едем на следующий день, благо, что это воскресенье, и едем с самого утра, пока не жители не разбежались по своим делам.

В посёлок мы приехали в одиннадцатом часу утра. Всё небо было затянуто серыми тяжёлыми тучами, и готовилось выплеснуть на нас всё, что накопило, до последней капли. И ветер вдруг подул холодный, словно напоминая нам, что всё- таки лето кончилось.

– Где все? – Спросил Илья, поставив машину к кирпич-

ному зданию.

Мы сидели в машине, и ждали, чтобы хоть кто-то показался на улице. Мы решили, что по квартирам не пойдём. И спрашивать будем только пока про тех, кто как-то связан с брошенной шахтой. Пусть думают, что нас только шахта интересует.

– Так куда тут идти? Все дома сидят. – Ответил Илье Сакатов – У них даже магазина нет. Кстати, а как они тут с продуктами-то? Видимо где-то ещё есть деревня или посёлок, иначе они бы тут с голоду померли.

– В трёх километрах отсюда есть кемпинг с заправкой. – Илья изучал в телефоне карту – А вот, ещё есть коттеджный посёлок. Но, наверняка, закрытая территория. Хотя этих могут туда и пропускать. А вот ещё какое-то поселение. Нарисовано три дома. А, это катание на лошадях. Конюшни какие-то. В общем, магазины тут должны быть. Только не близко всё это. Поэтому у них тут велосипед и является основным транспортным средством.

– Давайте посмотрим на частные дома. – Предложила я – Может там есть кто из местных. Наверняка, они огороды там держат. Правда, время уже не огородное.

– Идите вдвоём с Алексеем. – Сказал Илья – Я буду здесь караулить. В дома пока не заходите, так, снаружи позаглядывайте. Кстати, как вариант, можно сказать, что хотите дом тут купить.

– Да кто поверит!

– А что, думаете, что они глубоко анализировать ваши ответы будут?

Мы с Сакатовым вышли из машины, и пошли по единственной улице к частным домам. На меня навалилась грусть от вида этого заброшенного уголка земли. Дома все сплошь покосившиеся, заборы разлеглись во все стороны, кругом колючий шиповник и высокая трава. Но заглянув через покосившийся забор в первом доме, мы поняли, что правы, на счёт огородов, их возделывают. Большое поле за домом было перекопано, сорняков там не было. Были и хорошо сформированные грядки, тоже ухоженные. А по краю аккуратно были высажены яблони и кусты облепихи.

– Даже если нет магазинов вокруг, с голоду они до следующего года не умрут. – Сакатов кивнул на огород – Этой картошкой можно всю зиму всех жителей кормить.

– Кто там? – Раздался из-за построек громкий голос, и к нам выглянула пожилая женщина в красной шапочке – Вы к кому? – Снова спросила она нас, выйдя к низеньким воротцам.

– Мы приехали узнать, остался ли в посёлке кто-то, кто работал в шахте? – Сакатов улыбнулся, подошёл к воротцам и вежливо представился – Сакатов Алексей Александрович, научный консультант Всероссийского научно-исследовательского института охраны окружающей среды. – Он достал из нагрудного кармана какой-то документ и мелькнул им перед глазами красной шапочки – А это моя ассистентка

Ольга Ивановна.

Женщина на минуту оторопела, потом кивнула, открыла калитку и вышла к нам.

– Так только Фёдор, всё, больше никого уж не осталось. – Ответила она, кивнув в сторону двухэтажного дома.

– А, простите, как к вам обращаться? – Спросил её Сака-тов.

– Полина Ивановна. Порошина. А для чего вам кто остал-ся с шахты? – Настороженно спросила она – Он на пенсии уже заслуженной давно. Жена у него умерла лет двадцать на-зад. Сын в Екатеринбурге живёт.

– Да у нас к нему претензий нет, что Вы! – Сакатов про-никновенно приложил руку к своему сердцу – Мы хотим за-дать ему вопросы, как он чувствует себя, на что жалуется. Работа в шахте это вам не отдых в санатории, сами понима-ете!

– Ну да, ну да! – Согласно закивала Полина Ивановна – Ему ведь много лет уже, семьдесят один год в этом году исполнился. Он выходит на улицу раз в день в любую пого-ду. Часа два гуляет. Потом домой идёт. Телевизор смотрит. Иногда к нему Семён Шашков приходит из четвёртой квар-тиры. В карты играют. Что им ещё делать? Обсуждают ново-сти.

– А к нему кто-то приезжает из родных? – Спросила я.

– А как же! Сын каждую неделю приезжает, Сашка. Он тоже уже пенсионер. Когда с женой приезжают, когда один.

Внучка приезжает, только больше летом, недавно была, с месяц назад. Не забывают его. Телефон вон ему купили новый. Он старый в подъезде уронил, да разбил. Вторая квартира у него. Идите, у него открыто. Он никогда на ключ не закрывается. Только постучите сперва, у него слух хороший. Видит уже плохо, а слух хороший. Идите.

Мы отошли от ворот и остановились на дороге, чтобы поговорить. Полина Ивановна стояла возле калитки и в огород обратно не торопилась.

– Ну что, дальше пройдемся, или к Фёдору пойдём? – Спросил Сакатов, потом повернулся снова к Полине Ивановне и спросил – А как отчество-то у Фёдора, Полина Ивановна, Вы нам не сказали.

– Фёдор Павлович он. Рябов.

– Пошли к Фёдору Павловичу сходим, погулять всегда успеем. Может, какую зацепку получим. – Предложила я.

Сакатов утвердительно кивнул, сделал шаг к дому, но остановился, задумался и ещё раз повернулся к Полине Ивановне.

– Простите, Полина Ивановна, – Спросил он её, делая вид, что разглядывает что-то в своём блокноте – не могу разобраться, а как называется ваш посёлок?

– Синий.

– Синий? Просто Синий?

– Горняцкий посёлок Синий. – Гордо ответила Полина Ивановна и, повернувшись от нас, снова пошла в свой ого-

род.

Мы прошли обратно к машине, Илья листал что-то в телефоне, и идти с нами к Фёдору Павловичу отказался.

– Может, ещё кого тут из живых увижу, например, вчерашних пацанов. – Сказал он нам, опуская стекло.

– Илья, мы тут сказали, что приехали из института охраны окружающей среды. – Предупредил его Сакатов.

– Да хоть из окружающего понедельника! Ладно, идите, понял. – Он поднял стекло и снова уткнулся в телефон.

– А кстати, Сакатов, что за удостоверение ты ей предъявил? – Спросила я его, когда мы зашли в подъезд.

– Так это читательский абонемент. Но он с фотографией, именной. – Сакатов улыбнулся – У меня осталось ещё удостоверение сотрудника краеведческого музея, с тех пор, когда я там три месяца работал. Помнишь, я тебе рассказывал? Так что я вполне сойду за официальное лицо.

На квартирных дверях не было ни одного номера. Мы логически рассудили, что если три квартиры на площадке, значит средняя и является второй. И мы не ошиблись. Постучав пару раз, Сакатов толкнул дверь и она приветливо распахнулась. Из глубины квартиры раздался кашель, а потом вопрос:

– Семён, ты?

Коридор в квартире был узкий, тёмный и тесный. Стены были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, а половину пространства занимала вешалка с навешанной, в несколько слоёв, верхней одеждой хозяина квартиры. Пахло гречневой ка-

шей. Сакатов сделал пару шагов и заглянул в комнату:

– Фёдор Павлович Рябов? Очень приятно. Наконец-то мы до вас добрались. Извините, что так долго, но сами понимаете, государственные дела. Сакатов Алексей Александрович, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института охраны окружающей среды.

Я прошептала:

– Карьера пошла стремительно вверх! Поздравляю.

Он повернулся ко мне, схватил за руку, и потянул за собой в комнату.

– А это моя помощница, стажёр Ольга Ивановна.

Фёдор Павлович был невысокий и плотный старичок, приятной наружности, с седой шевелюрой, которая украсила бы любого мужчину любого возраста. На носу у него были надеты очки с толстыми стёклами. Он стоял в майке и спортивных штанах, с оттянутыми далеко от его ног коленками. Он потянулся к спинке стула и начал натягивать футболку.

– Вы из больницы? Или насчёт пенсии?

– Да нет, мы из природоохранной организации. Мы хотели бы узнать у вас о последних ваших рабочих днях перед закрытием шахты. Не было ли каких заболеваний у работников шахты тогда, не обваливалась ли она? – Сакатов без приглашения уселся на один из стульев возле круглого стола. – Ольга Ивановна, садитесь, я думаю, разговор будет длинным.

Я села, Фёдор Павлович тоже сел, а после уставился на

Сакатова. Некоторое время мы сидели молча, потом Сакатов снова повторил свою просьбу. Фёдор Павлович задумался.

– Так нас рассчитали и всё. – Выдал он.

– А почему? Из-за чего закрыли шахту?

– Не знаю. Закрыли и всё. Кто нам что скажет!

– А вы кем работали?

– Горномонтажником. Или крепильщиком, по-простому. Монтировал и крепил горные выработки.

– А что вы там добывали?

– Аметисты. Это место ещё в восемнадцатом веке было открыто. Да трудное оно. Запасы по самым крупным жилам на глубине пятидесяти метров, где-то всего триста пятьдесят килограмм. Не интересное оно раньше было. В других местах столько может весить одна только друза, а тут говорили, что столько во всей жиле. А потом стало вдруг интересно, управление шахты построили, оборудование завезли, два дома для шахтёрских семей поставили. Вот так мы тут оказались.

– А сами аметисты чистые?

– Да, качество высокое. И цвет необычный, редкий. Таких жил нигде больше нет. Порода там гранитно-гнейсовая, с ней аккуратно надо работать. Коридоры выдолбили хорошие, мы укрепили их, только сырые они были, но стабильные.

– Значит аметист. – Сакатов задумался, потом сказал мне – Оля, аметист не простой камень. Именно аметисты крепили к одеждам первосвященников Древней Иудеи, а потом и

римский Папа одаривал кольцом с аметистом каждого, кто получал кардинальский чин. И в России высокопоставленные священнослужители украшали им свою одежду. Камень богов.

– Камень богов? Но он не является каким-то суперредким. Обычный камень.

– Обычный-то обычный. Да я вспоминаю греческую легенду. Там одну нимфу богиня Артемида превратила в белый камень, а Дионис опрокинул на неё бокал вина, после этого камень стал фиолетовый. У греков только одна легенда посвящена камню. Именно аметисту. И они считали, что аметист защищает владельца от отравления. Чистый камень. Фёдор Павлович, а что говорили ваши инженера тогда, когда закрыли шахту, что всё добыли, и порода пустая?

– Говорю тебе, ничего не говорили. Сегодня мы ещё работали, а завтра пришли утром к управлению, а нам говорят, всё, закрыли шахту, вам пособия выплатят.

– А что между собой вы думали? Наверняка версии какие-то у вас были? – Не унимался Сакатов.

– Да какие там версии! – Горько вздохнул Фёдор Павлович, видимо вспомнив те дни – Куда ехать-то? Мне тут квартиру дали, а в городе мы в общежитии жили. А у нас уже сын был. Вот и устроились оба с супругой на железную дорогу. И здесь остались. Кроме нас тут ещё Мишка с женой, два брата Коркины, да Валера остались с семьями. Остальным было куда уехать.

– Так что же вы сами думали по этому поводу?

– Ничего не думал. Коркин старший сказал, что слышал, что там вроде какие-то газы начали выходить. Да только мы не знали ни про какие газы, и газоанализаторы молчали. Врали, наверное.

– И ничего вы сами подозрительного не видели и не слышали?

– Господи, да ничего! Всё было нормально. Четыре года работали. Только один несчастный случай у нас и был за всё время.

– Ну вот, а говорите, что всё нормально! – Укоризненно посмотрел на Фёдора Павловича Сакатов – Расскажите об этом.

– Да что там говорить. Был у нас проходчик, Виктор, э-э, фамилию забыл. Так этот Виктор упал прямо в забое. И умер.

– И всё? А что с ним случилось до того, как он упал?

– Никто не понял, возрастом был ещё не старым, около тридцати, как и нам всем, ни на что не жаловался. К нему другой проходчик подбежал, когда увидел, что Виктор упал, а тот уже мёртвый лежит. И лицо всё обожжено. А там огня у нас нет. И жары тоже.

– Лицо обожжено? А он на работу не с обожженным лицом пришёл?

– Нет, конечно. Нас же врач осматривала перед каждой сменой, его бы не пустили. А тут у него лицо всё красное,

и в волдырях.

– А длина штрека какая?

– Штольня, у нас была штольня, шестьсот десять метров.

– А зачем тогда у вас там стоит клеть? Если у вас коридор имеет выход на дневную поверхность?

– А это уже после нас завезли, когда шахту прикрыли. И периметр сразу огородили. Мы даже не знали, что там творится, пока много лет не прошло. Вот тогда кто-то нам и сказал, что там ещё шахтный ствол появился. Мы ещё удивились, зачем это, шахту ведь закрыли.

– А какова глубина ствола?

– Всего метров пятнадцать. Не понятно, зачем он там, до жилы не дошёл.

– Да, интересно бы туда заглянуть. Жаль только, что всё закрыто. А никто из ваших, случайно, не работал сторожем на шахте после её закрытия?

– Друг мой Семён работал. Пять лет работал.

– Прекрасно. А с ним можно поговорить?

– А чё нельзя-то, конечно можно. Сейчас я ему позвоню.

Фёдор Павлович пододвинул очки повыше, взял со стола телефон, и набрал номер.

– Ты, Семён, этого, иди сюда. Тут из Москвы приехали, шахтой интересуются. Да нет, иди, не надо паспорта.

– Фёдор Павлович, а там ещё деревянная будка возле отвалов, зачем она? – Спросила я.

– Так там когда-то ещё одна заброшенная шахта была. Го-

ворю, месторождение это в восемнадцатом веке ещё открыли. Может там только шурф, не знаю, не интересовался. Её заколотили, и она там стояла всегда. Коркин говорил, что она глубокая, далеко вниз идёт. Мы ещё удивлялись, как-то в стороне от жилы проходит.

– А как вы тут без магазинов живёте? – Я оглядела комнату, очень всё было скромно – Если что-то купить надо, куда вы ходите?

– Так к нам магазин сам приезжает. Валька, из соседнего дома, она в город ездит, закупается. А потом торгует.

– А где торгует? Мы не видели здесь никакого киоска. – Удивилась я.

– Она прямо из квартиры торгует. Летом откроет окно, выставит всё, вот и магазин. А зимой домой к ней ходим. Пенсия у неё маленькая, а тут копеечка, глядишь. У них с мужем Газель. Видели, наверное, на улице стоит. А! Сегодня же воскресенье! Они на рынок поехали, закупаются. В воскресенье на рынок, во вторник и субботу хлеб, а за колбасой там всякой, в пятницу ездят. Ну, если чего там сам заказываешь, надо если что, там уж, как получится. Но мне Сашка мой много чего привозит, я больше всего только хлеб покупаю.

– А внучка к вам тоже приезжает? – Спросила я.

– Да, месяц назад была. Тоже продукты привозит, носки там, ботинки мне зимние привезла. А зачем они мне? У меня валенки есть. Только деньги издержала. Телефон купили. С

меня ведь никогда копеечки не берут. Богатеи!

Мы услышали, как хлопнула входная дверь. В комнату зашёл худой дед, в тельняшке, с недельной щетиной. В комнате запахло перегаром. Дед представился:

– Семён Викторович Шашков. А что, опять шахту запустят? Хорошо, давно пора. Что, нашему государству разве будут лишними деньги от камней? Не всё ведь разбазаривать богатство своё, надо когда-то и денежки считать!

– Да подожди, Семён! Какое богатство! – Фёдор Павлович махнул на него рукой – Там всё, поди, уж обвалилось и сгнило! Никакие камни уже не окупят вложения. Там, наверху, тоже не дураки сидят! Послушай, что тебе скажут сначала.

– Семён Викторович, да Вы сядьте! – Обратился к нему Сакатов – Расскажите нам, пожалуйста, что вы видели на шахте, когда её закрыли. Кто приезжал, кто что делал. Вы же там охранником работали после её закрытия?

– Да, работал. Только не сразу после закрытия. Сразу после закрытия, года полтора, или даже два, там солдаты охраняли. Они и забор вокруг всей территории поставили. Из колючей проволоки. В управлении они тогда жили, там тогда ещё можно было жить. Электрическое отопление, свет был. Потом все уехали, а меня наняла контора, к которой относилась шахта.

– Вы один, что ли, сторожили?

– Почему один! Со мной Коркин Иван устроился, и Валера Черненко.

– Черненко? – Сакатов посмотрел на меня, потом спросил Семёна Викторовича – А у Валеры Черненко нет, случайно, родственника Игоря?

– Не знаю уж, случайно, или нет, но внук у него есть. Игорь. А вы откуда его знаете?

– Он тут рядом работает, охранником на складе. Если это он, а не однофамилец его.

– Он это, он к нам иногда заезжает.

– А Валера Черненко всё ещё здесь живёт?

– Нет, помер Валера. Пять лет, как помер. А Коркины уехали на родину. В Красноуфимск. Давно. Лет пятнадцать уже.

– Понятно. Так приезжал кто на шахту, когда вы там сторожили?

– Приезжали. И не раз. Учёные. С приборами какими-то. Человек по пять. Откроют штольню, свет туда проведут, она ведь к тому времени уже обесточена была, и целый день что-то там измеряют. Потом долго ходят, всё что-то думают. Один раз ко мне подошёл старший их, и спрашивает, а что, говорит, всё тихо тут у вас, никто не безобразничает. А я ему, да кто тут будет безобразничать. У нас чужих нет. А на своих мы быстро управу находим.

– А Игорь зачем сюда приезжает?

– Так у него бабка жива. Тамара. Здесь живет, в первом доме. На втором этаже. Никак не хочет уезжать отсюда, Игорь её хотел перевезти к своей матери, так она ни в какую.

Вредная старуха такая, за уголь деньги самая последняя сдаёт!

– А что-нибудь необычное вы рядом с шахтами видели? Не зря ведь учёные сюда приезжали, видать, что-то там нашли.

– Да ничего там необычного не было. Тихо всё. Меня Черненко как-то спрашивал, не боюсь ли я там ночью один оставаться. А чего мне бояться? Я газеты читаю, да спать ложусь. Там тихо всегда. Мне нравилось там работать. И платили хорошо.

– А Черненко, значит, боялся? Может, встречал там кого? Ничего про свои страхи не говорил он вам?

– Нет, не говорил. Да кого там встретишь? В посёлке-то полтора человека осталось, а на шахты никто и не ходит уже давно.

– А внук его, Игорь, был там возле шахты?

– Да там все были. Конечно, особенно мальчишки, им же всё интересно. Но мы гоняли их оттуда. Не здорово, конечно, а так, для остротки. Ничего опасного там нет. Провалиться некуда. Игорь без отца рос, его бабка с дедкой воспитывали. В строгости дед его держал. Мать-то его потом вышла замуж, в город уехала, у мужа нового жила, а тому не очень-то Игорь и нужен был. А он хороший парень.

– А долго ещё учёные ездили, сколько лет?

– Пока мы сторожили, всё и ездили. Только снег сойдёт, они уже едут. За лето раз пять-шесть приедут. А потом опять

всю зиму тишина. А потом нас уволили, сказали, что нет больше надобности сторожить.

– А когда последний раз учёные приехали, они вас предупредили, что это в последний раз?

– Последний раз их больше приехало, чем обычно. Но не я в тот день сторожил, а Коркин. Я у него не спрашивал.

– Ну, спасибо, Сёмён Викторович, и Вам спасибо Фёдор Павлович! – Сакатов поднялся – Если у нас ещё будут вопросы, мы к вам ещё зайдём. Пустите?

– Приходите. Может, мы ещё что вспомним.

– Хорошо бы. Я вам свой номерок оставляю. – Сакатов достал блокнот, вырвал из него страницу и записал свой номер – Позвоните, мы будем рады новой информации. Да, кстати, а когда последний раз Игорь сюда приезжал?

– Да дня два назад. К бабке сначала зашёл, а потом к Маринке стучался, она рядом со мной живёт. Она ему не открыла, так он ещё несколько раз прибежал и стучался. Громко так. Поздно уж домой уехал.

– А кто такая Маринка? – спросила я.

– Они вместе учились. Она одно время в городе жила, потом сюда вернулась. Та ещё вертихвостка. Музыку включит, я ей раз скажу, два, а она, вот, до одиннадцати имею право.

– Одна живёт?

– Да кто её знает. У неё тут бабка жила, сейчас уже её нет, вот она тут иногда тоже живёт.

– Иногда? Как это? – Удивилась я.

– А так, она работает в городе. Замуж там вышла, сюда своего мужа даже один раз привозила. Иногда сюда одна приезжает, поживёт тут, когда неделю, когда месяц, и снова в город укатит. Как деньги кончатся. Бабки же с пенсией больше тут нет. Валька ей картошки насыплет, так ведь на одной картошке много не проживёшь. Под музыку-то.

Мы с Сакатовым вышли из подъезда. Илья сидел на лавочке рядом с одним из тех парней, которых мы вчера видели. Он что-то ему показывал на своём телефоне, а парень с интересом смотрел на это. Илья нам махнул рукой, подзывая, и представил своего нового приятеля:

– Тимофей Порошин. Блогер. А это мои компаньоны. Алексей Александрович и Ольга Ивановна, которая к тому же, ещё и моя двоюродная сестра. – Потом он повернулся к Тимофею и сказал – Расскажи им, Тимофей.

– Мы с Димкой, неделю назад, ходили к конюшне, мы часто там снимаем лошадей. Они красивые. И люди любят на это смотреть. Ну, отсняли материал, там ещё девчонка прикольная такая была, мы подумали, что из цирка, или гимнастка какая. Она на ходу залазила на лошадь, и крутилась на ней, то спиной вперёд сядет, то ноги, чуть ли не до земли опустит. Нормально так. Запустили видео, комменты пошли. А один чел нам пишет, а кто, говорит, у вас там какой-то странный за деревом мелькнул, аниматор что ли? Мы отсмотрели снова. И смотрим, там, на заднем плане, кокон какой-то тёмный мелькнул. Мы и так, и сяк, но тот быстро

так мелькнул, да и Димыч камеру развернул к выезду с загона. Вот смотрите. Только немного смазано получилось, но разглядеть кое-что можно.

Он настроил нам картинку и протянул телефон. Мы с Сакатовым уставились на экран. Немного приблизили картинку. Вдалеке, за огороженной площадкой, стоял, прислонившись к дереву, действительно, какой-то кокон, иначе не назовёшь. Ни лица, ни рук, ни чего вообще не было видно, просто прямая такая сосиска тёмная, и полосы тёмные поперечные сбоку. Тимофей запустил видео, фигурка дёрнулась, отрываясь от дерева, на миг мелькнули в воздухе длинные руки-верёвки, но камера ушла вправо, и на весь экран рассыпалась длинная грива грациозной лошади.

– Мы вам с Димоном поможем, если надо будет. – Сказал Тимофей – Только вы нам расскажите, кто это, когда найдёте его, а ещё лучше, если бы его близко снять. – Он вопросительно посмотрел на Сакатова – Илья Николаевич сказал, что вы разных существ странных видели, и охотились на них. Классно, мы бы тоже хотели так.

– Эти существа могут основательно подпортить жизнь. – Сакатов улыбнулся – Но самое главное в этом деле, не бояться их. Верить, что ты сильнее. Сила духа, она иногда в битве самое решающее значение имеет. Мы с удовольствием примем вашу помощь, если будет в этом необходимость, спасибо. И вот, вам первое задание. Черненко Тамара, знаете такую?

– Конечно, мать Игоря.

– Так вот, надо у неё узнать, не говорил ли с ней её муж о своих страхах, или, может, что видел необычное возле шахты, или слышал. Ну и так, с дедушками и бабушками вашими тут переговорите. Может, что вспомнят необычное.

– Понял. Порасспрашиваем.

Сакатов записал его номер телефона, а Тимофей записал наши номера. Мы сели в машину. Илья выехал на дорогу, и мы поехали в город. Мы Илье рассказали, как прошла наша встреча с Фёдором Павловичем и Семёном Викторовичем.

– Надо встретиться с Игорем Черненко. – Сказал Сакатов – Лучше не откладывать. Странно, что когда мы их спрашивали о том, что находится рядом, он промолчал, что у него тут бабка живёт.

– Может, посчитал, что это не важно. Не похоже, что это существо ему знакомо. Он ведь тоже перепугался.

Сакатов позвонил Вараксину Алексею, тот ему дал номер телефона Игоря, и Сакатов договорился с тем о встрече.

Игорь жил почти рядом с Сакатовым, тоже на Уралмаше, в старом трёхэтажном доме, рядом со стадионом. Он вышел к нам и сел в машину. Сакатов повернулся к нему и спросил:

– Игорь, ты догадываешься, откуда этот жук у вас появился?

– Боюсь даже об этом подумать. А вы что узнали?

– Не много, но картинка кое-какая у нас складывается. Во-первых, шахту закрыли не из-за бедной жилы, а что-то

там произошло. Во-вторых, твой дед что-то видел, и это его испугало.

– Он мне один раз только рассказал, когда подпил. Он видел, как человека в шахту затащило что-то. Это было ещё в первый год, как только шахту закрыли. Приехали учёные, настроили там свои приборы, а дождь был сильный. Они дверь оставили открытой, а туда стала вода затекать. Они дальше, вглубь шахты перетащили аппаратуру, а в удлинитель вода попала, заискрило. Всё вырубил. Они пошли в контору, чтобы пробки поменять, провода проверить. А одного лаборанта оставили. Дед стоял на крыльце, под козырьком, курил. А лаборант в открытом проёме, на пороге, в шахте стоял. Дед видит, как лаборант резко обернулся, потом посмотрел на деда, на что-то рукой показал, побелел весь. Дед смотрит на него, ничего понять не может. И вдруг видит, позади лаборанта вспыхнуло что-то, неярко так. Он ещё подумал, что опять закоротило, ещё удивился, свет ещё не зажегся в шахте, вроде ещё электричество не пустили. Дед только хотел его спросить, что там случилось, как увидел, что ручища с когтями за ногу того лаборанта схватила, а потом внутрь потащила. Дед закричал, туда кинулся, забежал в шахту, видит, огонёк удаляется, а лаборанта не видно. Он дальше в шахту побоялся заходить, дождался, когда прибежали остальные учёные, а с ними ещё два солдата. Они все в коридор побежали, он им на ходу сказал, что увидел. Они пробежали несколько шагов, и остановились. Темень там, а они свет ещё

не настроили. Пока фонарь нашли, время уже прошло. Они все вглубь пошли. А шахта не совсем прямая, а по большому радиусу коридор идёт. Они до конца дошли, там нет ничего. Стали всё освещать, и увидели, что в конце коридора в стыке стены и пола отверстие. Небольшое такое. Но хватит, чтобы человек туда прошёл. Потом деда моего из шахты попросили выйти. На обратном пути, когда он выходил, он видел, что лампы на приборе одном все лопнули, или разбил их кто. Он ещё подписку о неразглашении подписал. Тогда, после этого пробурили ещё один ствол, даже подъёмник поставили, но там обвал произошёл, и больше его раскапывать не стали. Дед потом у одного учёного спросил всё-таки, что это было. Тот ему ответил, что если бы они только знали! Но они даже и предположить не могут, что там. Сигналы идут не чёткие, они периодические, не постоянные. И не из одного места, а в движении. И постоянно у них аппаратура ломается. Они только данные снимают, и отдают в секретную лабораторию, сами их не анализируют. Лаборанта, говорят, всё-таки нашли. Но дед этому не верил, считал, что сказали это только для того, чтобы он не болтал, что люди там пропадают. Вот это мне он и рассказал.

– И ты решил это всё проверить?

– А что там проверять? После этого много лет прошло. И больше никто не пропал.

– А ключей от штольни, случайно, у тебя не появилось?

– Нет у меня никаких ключей.

– Но ведь жук, почему-то, к тебе пришёл. Больше никуда не пошёл, рядом с шахтой столько брошенных домов, там есть, где спрятаться. И попасть туда легче.

Игорь опустил голову. Он сидел молча, но дыхание у него было, как у бегуна, пробежавшего марафон.

– Маринка пропала.

Глава 4. Скабинёя.

И Игорь рассказал нам о своей беспокойной подружке. Марина, к своим тридцати годам уже трижды успела выскокить замуж. И раз десять попыталась выскокить. Она всегда была такая – неугомонная, неуживчивая, даже немного авантюристка. Сколько раз ему в школе доставалось из-за неё! Не сосчитать. И не только ему. У них была компания из пяти подростков, всех, кто жил в посёлке Синий. Они жили в интернате целую неделю, и только в выходные за ними приезжал отец Коркина Толика, всех сгружал в свой Москвич, и привозил домой. Они держались всегда вместе, заступались за своих, и в интернате с ними боялись связываться. Маринка вообще была звездой интерната. В смысле, поведения. Не то, чтобы она грубила, или с уроков сбегала, нет, это было редко, не чаще, чем у других школьников. Но она была выдумщица на разные приключения. Например, отец Вадика Рябова пообещал, что утопит щенят у всеобщей любимицы Найды. Так Маринка целую программу действий выработала, чтобы спасти появившихся щенят. Они увели Найду в лес, сделали ей просторный шалаш, каждый день ходили кормили её, а через месяца два, Найда как-то отвязалась и привела весь свой выводок, а это шесть штук, к своему хозяину, порадуйся, мол! Дядю Сашу Рябова чуть удар не схва-

тил, когда они с женой после работы на огород пошли, калитку открыли, а к ним с лаем и рычанием свора кинулась. Причём, Найда и сама была не маленькая, помесь овчарки и длинноногой дворняжки. А щенки уже к двум месяцам чуть ли не с неё вымахали. И куда их было девать? Или ещё был случай. Учительница русского языка вывела за вторую четверть Игорю по русскому языку двойку, и его заставили в каникулы заниматься. Ну, и конечно, дед ему всыпал ремня. А это перед новым годом как раз было. Так Маринка на школьный вечер принесла какую-то китайскую хлопушку, которая очень гремит, просто как боевой снаряд, и они её подкинули в сумку к учительке, когда вечером провожали её из интерната. Учительница вышла из ворот, подошла к машине, где её ждал муж, открыла двери, в это время, как рванёт! Сумка у неё из рук вылетела, палёным запахло, сноп искр, всё свистит вокруг, ухает! Короче, пожар и немцы! Марина со своими друзьями просто катались от смеха. Конечно, директору никто её не выдал, но директор был умный дядька, и Маринку за эти годы хорошо изучил, поэтому, показывая на неё пальцем, строго сказал, чётко и медленно выговаривая каждое слово: «Это последний раз, я тебя предупреждаю!» Конечно, росли они, росли и их забавы. Влюблялись, ссорились, мирились, плакали, смеялись, дрались, целовались. Что об этом! Но что было неизменным – так это их дружба.

Когда Игорь пришёл из армии, Маринка вернулась из первого своего замужества. Она, после десятого класса, нику-

да не поступила, поэтому отработала год в городе продавцом, там и познакомилась со своим суженым. Совместной любви и счастья хватило всего на один год. Она целое лето прожила в Синем на бабкину пенсию, потому как работать здесь негде, а уезжать Маринке не хотелось. На бабкину пенсию здорово не разгуляешься, поэтому, когда Игорь поехал устраиваться в город на работу, Маринка поехала с ним. Ему дали общежитие, вернее койко-место, от транспортного предприятия, куда он устроился водителем на городской автобус. А Маринка какое-то время жила у своего родного отца, который давным-давно жил с другой семьёй, но Маринку не забывал, и помогал ей. Маринка устроилась работать в офис, тоже её отец посодействовал, там она опять встретила любовь всей её жизни, они стали вместе жить. Года два прожили и разбежались. Маринка вылетела через год с работы, потому что закрутила роман с главным инженером, его жена узнала, и Маринку срочно извлекли из коллектива. Она опять вернулась к бабке в Синий. А Игорь в тот год женился, и они с молодой женой оформили ипотеку и въехали в однокомнатную квартиру, хоть она была и вторичка, но комната была большая, район им обоим понравился. Так они там и живут до сих пор, только теперь их уже трое, дочка у них растёт.

Странности с Маринкой начались, когда она стала жить с третьим мужем. Игорь хорошо помнил его. Такой шибзик, худой, странноватый какой-то, поговорить толком, с ним не

поговоришь, сам в себе. Игорь тогда ещё удивился, и что Маринка в нём нашла. Но та только «Венечка, Венечка», «Венечка сказал то-то», «Венечка пошёл туда-то», «Венечка сам!» У Венечки была шикарная двухкомнатная квартира в новостройке, на самом краю города, на Уктусе, и машина у него была Тойона двухлетняя, хорошая такая. Игорь был у них дома вместе с ребятами пару раз, на Маринкины дни рождения. Хорошо так у них, ему понравилось. В квартире новая мебель, вся техника имеется, всё путём. Только когда он хотел заглянуть в комнату, которую Маринка назвала Венечкиным кабинетом, Венечка чуть лоб ему не расшиб, захлопывая перед Игорем двери. Но Игорь успел заметить в комнате какой-то станок, или прибор, и кругом журналы, книги, какие-то чертежи, и всё это беспорядком таким, кучами лежали прямо на полу. Маринка на него зашипела: «Нельзя туда, там Венечка работает». Ну, нельзя, так нельзя.

Как-то Толик Коркин, когда они с Игорем встретились этим летом в Синем, рассказал, что Маринка его выпытывала о заброшенной шахте, и велела попросить у его отца, чтобы он нарисовал, где проходила друза. На его вопрос, зачем ей это, сказал, что её Венечка очень интересуется геологией. Толик, конечно, не поверил, но отца поспрашивал. Тот ему рисовать ничего не стал, и послал подальше.

Потом Игорь узнал, что Маринка приезжала с Венечкой в Синий, жили там недели две, и каждый день в лесу пропадали. Игорь понял, что они ходили к шахте, но туда было не

попасть, это все знали, поэтому смысла не видел в том, что они там две недели около неё ошивались.

Потом снова ему Коркин Толик сказал, что Маринка со своим Веней открывали железные двери, у них ключ отку-да-то появился.

А пару месяцев назад Маринка опять вернулась жить в Синий. Она ему ещё накануне позвонила и сказала, что у неё к нему дело. Он приехал в выходные, Маринка вся такая загадочная была, у неё было куча планов, а с Веней они рассо-рились, и она даже хотела на развод подавать. Одним пла-ном она поделилась с Игорем. Она вечером, когда стемнело, его вызвала на улицу и показала затрёпанные листки. Сразу предупредила, что дело необычное, но стоящее, и чтобы он ей верил.

То, что рассказала ему Маринка, у него вызвало только смех. Маринка разозлилась на него и ушла домой. Она ему рассказала, что Венечка её занимался тем, что выполнял по-ручения одного человека, и что за дело у того, непонятно. То есть, поручения у него были разные, и по ним понять, чем он занимался, не было возможности. Например, они с Ма-ринкой один раз ездили в посёлок Заречный, там во двор-це культуры давал спектакль Питерский театр, так надо бы-ло купить билеты в первый ряд, а перед самым спектаклем из крохотного мешочка перед сценой высыпать песок. И всё. Они высыпали, но ничего не произошло, спектакль артисты отыграли, как надо, никто не упал, не сбился. А ещё как-то

Веня принёс домой целое ведро стружек, каждую надо было слегка подпалить, потом затушить, и всё обратно в ведро сложить. Он это сделал на балконе, потом его наниматель позвонил ему, приехал сам, и забрал это. Маринка этого нанимателя не видела, но после одного задания, она и не стремилась больше посмотреть на него. Веня домой принёс камень, обыкновенный булыжник, сантиметров двадцать по длинной стороне. И два дня на нём выбивал какие-то знаки, которые были нарисованы на листке бумаги. А потом они должны были этот камень отвезти на трассу и положить в определённом месте, которое было обозначено на карте, которую Вене тоже дали. Марина хорошо запомнила это место, потому, что там недалеко стояла заправка. А потом она увидела по местным новостям, буквально на следующий день, что там произошла большая авария, и четыре человека погибли. Марина была в шоке. Когда она начала об этом разговор с Венечкой, тот заорал на неё, чего раньше никогда не бывало, и они поссорились. После этого Венечка не стал с ней делиться своими заданиями, как раньше, а стал всё делать в одиночестве. И перестал пускать её в свою комнату. Но Марина видела, что частенько у него появлялись, то новые камни, то обрубки каких-то досок, один раз видела старое треснутое зеркало, потом шаль чёрную. Это ей совсем не нравилось. Но со временем они всё-таки помирились, и Веня её начал расспрашивать о шахте, которая была рядом с её родным посёлком Синий. Он даже показал ей фотографию

щётки аметиста, цвет у него был глубокий, тёмно-тёмно-фиолетовый, а несколько граней отсвечивали золотым цветом, он сказал Марине, что это самый уникальный аметист на свете. А потом разоткровенничался, и похвастался, что если его хозяин получит такой вот аметист, то им с Маринкой больше никогда работать не придётся. Будут на песочке под пальмой лежать, пиноколаду пить. Маринка ему всё выложила, что знала про шахту, и это Веню ещё больше заинтересовало. Он уехал на два дня, а когда вернулся, сразу предупредил Маринку, чтобы ни одна живая душа не знала, что он ей сейчас скажет. Потому что он больше не намерен работать на какого-то там дядю, делая его богатым. То, что он узнал, выведет их жизнь на новый уровень. Эта шахта находится над местом, в котором исполняются все желания. – Игорь помолчал, что-то вспоминая, и добавил – Скабинея. То ли место там называется так, то ли обитатель. Надо только правильно себя вести. Понравиться этому месту. Потому что изначальная суть места, конечно, не такая, чтобы людям помогать, а даже наоборот. В эту Скабинею, давным-давно, какие-то силы, которые следят за порядком, заключили существо, которое этот порядок пыталось нарушить. Пожары в лесах устраивало, потопа, роняло с гор большие булыжники, чтобы реки или дороги перекрыть. Заражало лесных обитателей, после чего они перерождались во всяких тварей, людей кусали. Мог поднять такой ветер, что семена, посаженные в землю, вырывало и несло за несколько километров. Или зимой

начинало валить деревья. Но самое главное, оно могло покойниками командовать. Вот такой разносторонний злодей. Выйти он из Скабинеи не может. А потребности у него есть. И за них он хорошо заплатит. Веня показал ей листки, которые назвал ключом к вызыванию этого существа. Эти листки он украл у своего хозяина. Маринка, когда они в очередной раз, поссорились с Венечкой, просто забрала у него те листки, да и приехала в Синий, чтобы самой всё это проверить. Ну и, понятное дело, ей помощник нужен, вот она Игоря и решила завербовать.

– Ты её после этого видел? – Спросил Игоря Сакатов.

– Конечно, мы с ней пару раз ещё виделись.

– А к этому разговору возвращались?

– Она мне позвонила месяц назад, попросила дать денег взаймы, я хотел ей на карту скинуть, а она говорит, что потеряла карту, и мы с ней встретились у метро Уралмаша. Я смотрю, она похудела так, бледная какая-то. Я спросил, всё ли у неё нормально, а она мне отвечает, что лучше не бывает. Сказала, что в выходные собирается в Синий. Устала, говорит, отдохну недельку. Я её спросил, она там случайно не собирается в шахте загадывать желания, она говорит: « Мои желания уже сбылись. Зря не стал мне помогать». Потом она в метро спустилась, а я пешком домой пошёл. А две недели назад она мне снова позвонила. Я на смене был, в ангаре. Я её голос даже сначала не узнал. Она мне говорит, а сама дышит так тяжело: « Игорь, ты на работе? Приезжай в Синий,

мне срочно надо тебя увидеть». Я её спрашиваю, что случилось, а она трубку бросила. Я когда со смены освободился, хотел заехать к Маринке, да жена позвонила, она с температурой дома лежит, лекарства надо купить. Я домой поехал. Вечером Маринке перезвонил, она говорит: «Мне больше не к кому обратиться за помощью, Веня пропал. Я не знаю, где он. Мне нужно, чтобы ты срочно нашёл его. Мы с Веней вместе сюда приехали три дня назад». Я ещё удивился: «Так он что, в Синем пропал?» Она сказала, чтобы я приехал, она мне всё на месте расскажет. Я почему-то сразу подумал, что он в шахте пропал.

– Так ты приехал в выходные в Синий? Виделся с Мариной? – Нетерпеливо спросила я.

– Нет, мы всей семьёй заболели тогда. Я даже три смены не выходил на работу.

– А позже?

– Потом я ей несколько раз звонил, чтобы узнать, где она, но она трубку не брала. Я и в Синий, к бабке приезжал, но Маринку там не встретил. Зато, когда я выходил из Маринкиного подъезда, я столкнулся с Лёней, Валькиным мужем, он машину поставил, домой возвращался. Увидел меня, смеётся, говорит, что пить бросать надо. Он в лесу видел таракана размером с человека. Меня как обухом по башке стукнули. Я спрашиваю, где видел, он говорит, да сразу за развилкой. Я туда поехал. Сам не понял, почему. Еду, сам боюсь, до дрожи. Но внутри словно кто толкает меня. Я доехал до

развилки, по лесу походил. Потом снова вернулся в Синий, но Маринки дома не было, никто мне не открыл.

– А к шахте ездил?

– Нет.

– А почему ты сразу после того, как этого жука увидел в ангаре, поехал Марину искать?

– Не могу даже объяснить почему. Я, как наверху увидел того жука, Маринку вспомнил. Сам не знаю, почему. А когда в Синий приехал, зашёл к бабке, ей продукты отдал, потом пошёл к Маринке, там никого не было дома. Я допоздна её ждал. Но к шахте не поехал.

– А ты листы, которые тебе Марина показывала, разглядел? – Спросил Сакатов.

– Мельком взглянул. Серые такие, бумага толстая. Вроде, как чернилами написано. Старые, края все осыпавшиеся.

– Да, сбылись, значит, у Марины все желания. – Задумчиво проговорил Сакатов – А с кем-нибудь другим из вашей компании Марина насчёт помощи больше не говорила? Вы общаетесь со своими старыми друзьями-то?

– Да, конечно, общаемся. С Толиком в выходные футбол играем, когда у меня смены с его графиком совпадают. Ничего он про Маринку не сказал.

– А ты ему про тот разговор, когда Маринка тебя в помощники нанимала, рассказывал? – Перебил его Сакатов.

– Нет, не рассказывал. Что там рассказывать-то?

– Так он, может, так же рассуждал, что там рассказывать,

ничего интересного. Звони, напрямую спрашивай.

Игорь вышел из машины, достал телефон, и начал нервно мерить шагами тротуар, с кем-то напряжённо разговаривая.

Минут через пятнадцать он опять сел к нам в машину, и сказал, что Маринка разговаривала об этом и с Толиком, и с Вадиком. Оба отказали. Но Толик посмотрел эти листы. Он даже попытался прочитать. Слова трудные, но понять можно. Там просьба к какому-то несотворенному, зажечь холодный огонь, какие-то потоки там семи металлов по каменным жилам, что-то нетленное там.

– Может к Вене домой съездить? – Спросил Илья – Вдруг он уже дома.

– Сомневаюсь, – ответил Игорь – но проверить можно. Он далеко живёт, на Уктусе.

– Ничего страшного, а у тебя нет его номера?

– Нет, мы с ним и не созванивались ни разу.

– Набери ещё раз Марину. – Попросил Сакатов.

Игорь набрал номер, но абонент был недоступен. Он пошёл домой, пообещав нам, что в ближайшее время съездит на квартиру к Вене и проверит, вернулся ли он домой.

– Надо проверить, что там есть по Скабинее. – Сказал Сакатов – Пойду, пожалуй, домой, поработаю над этим. Здесь рядом, пешком дойду.

– Сегодня не будем искать Марину? – Спросила я – Мне, почему-то кажется, что она дома, в Синем. Ей больше некуда идти. Только зачем она в ангар прибежала к Игорю?

– Испугалась, наверное, вот и кинулась, куда глаза глядят. – Предположил Илья.

– А верёвка, которую вы нашли возле забора? Кто-то её попытался задержать? – Снова спросила я.

– Её мог держать и Веня, если он не стал таким же, как она. – Подумав, ответил Сакатов – Они же вместе были.

– Но она звонила Игорю, просила, чтобы он помог найти Веню. Нет, не сходится, не мог её привязать Веня. – Не согласилась я.

– Значит, был ещё один участник этого цирка. – Сказал Илья – И мы не знаем, кто это. Друзья Маринкины исключаются. А Венин хозяин? Вряд ли он спокойно принял то, что Веня у него листочки выкрал. У него, наверное, тоже были свои желания. Вот и попытался листочки эти бесценные вернуть, а ещё и наказать воришку. Хозяин у него какой-то мутный. Зачем ему опилки жечь? Дурость какая-то. Песочек в театре рассыпать. Смешно.

– Ничего тут нет смешного. – Возразил Сакатов – Тут, Илья, пахивает чёрной магией. Только этот колдун жар загребает чужими руками. Вот бы нам с кем поговорить. Веня был при нём, как мальчик на побегушках. Колдун платил ему, а Веня ничего и не спрашивал. Слепо повиновался ему.

– А если попытаться найти этого колдуна? – У меня возник план – Он же приезжал к Вене, а у того дом новый, во дворе камеры. Посмотреть, с кем он встречался.

– Ты Оля, не в КГБ работаешь, ты это знаешь? – Илья

критически посмотрел на меня – Ни числа не знаешь, когда он приезжал, даже не знаешь Венину машину, собственно, как и самого Веню. И записи с камер годами не хранятся. Максимум месяца три.

– Поэтому, я предлагаю, сейчас разойтись. Я поищу всё, что нам поможет в этом деле, а там и думать будем, с чего начинать. – Сакатов открыл дверцу, помахал нам ручкой и пошёл по направлению к своему дому.

Илья должен был в центре встретиться с Дениской, своим сыном, поэтому я поехала с ним, тоже хотелось увидеть Дениску. Тот, узнав, что мы охотимся за тараканом, сказал, что мы мельчаем, с демонов скатились до уровня насекомых. Мы вместе погуляли по плотинке, потом они пошли в кафе, а я отправилась домой.

Сакатов мне вечером не позвонил, что было очень странно. Зато, когда я пришла на работу, только открыла аптеку, прямо на пороге раздался звонок. Конечно, Сакатов!

– Оля, ты себе даже не представляешь, как огромен пантеон всякой духов! – С ходу решил он меня поразить – То, что мы с тобой раньше встречали пещерных демонов, это только верх айсберга!

– Я на работе. – Сухо ответила я ему – Меня из-за вас скоро Наташка выкинет с работы, будете меня кормить, одевать.

– Я просмотрел сначала материалы по всем горным хранителям. – Продолжал он, не обращая внимания на мой тон и на мои слова – А таких очень много. И что интересно,

этих хранителей невозможно охарактеризовать одним словом – плохой или хороший. Они могут, так сказать, и карать и миловать. Потому что у них одна задача. Это полнота недр, их мир. Это не значит, что они насмерть бьются, чтобы не допустить разбазаривания своих сокровищ. Напротив, они делятся ими с людьми. Только критерий у них высок. И непонятен для меня. Абсолютно. Я чем больше читаю про них, тем меньше понимаю систему, по которой они, то открывают людям свои залежи, то уводят от них. Повторюсь, их там неисчислимо множество. Можно сказать, что не просто у каждого самоцвета – свой хранитель, но и как-то по регионам, по месторождениям.

– Может просто, кто что захватил, тот то и сторожит? – Спросила я.

– Да нет, у них ведь и иерархия своя есть, и какие-то правила. И они, действительно, могут заключить нарушителя их спокойствия в тюрьму. Или, как там ещё у них эту кутузку называют. Сама понимаешь, в огромной литосфере, каменной оболочке нашей Земли, тюрьму несложно соорудить. Туда можно загнать всё человечество разом, ещё и место останется. Интересно, тут...

– Алексей Александрович, у меня тут уже покупатели пошли, давай или до вечера, или в обед? Всё равно, если куда-то придётся ехать, мы раньше вечера не соберёмся. Илья ведь тоже на работе.

Сакатов согласился, но в одиннадцать снова позвонил.

Причём, я первый раз сбросила его звонок, так как в аптеке были покупатели, но он всё звонил и звонил.

– Оля, буквально пара пара минут. – Начал он – Сначала об этой шахте. Вернее, о месторождении. Я вот что про него нашёл. Его открыли случайно в одна тысяча семьсот семьдесят шестом году. Но искали там его неслучайно. Случайная неслучайность, каламбур какой у меня получился. Вот что написано в «Уральской жизни» за 1899 год. Там делится воспоминаниями потомственный горняк, Субулин Прохор Иванович. Он рассказывает, что его дед, Субулин Аникий, был подмастерьем у Антипа Волокуши, знаменитого горняка, у которого был дар находить месторождения только по одному ему известному методу. У него было просто чутьё на них. Так этот Волокуша сказал, что его отец открыл месторождение синих камней, но получил предостережение, вернее оно ему приснилось. Что нельзя доставать эти камни, они закрывают проход на землю дикой Шкапене, которая тысячу лет лежит придавленная тяжёлым охранным камнем. И только сила камня не даёт развеяться охранным чарам. Он и не стал рассказывать про месторождение никому, но нанёс его на карту, назвав «Шкапеня». А в скорости умер, и карты попали в руки его последователей. И вот, в семьдесят шестом году, когда карта Волокуши отыскалась случайно в одной забытой богом уральской деревушке, злополучное месторождение повторно открыли. Отправили туда разведчиков, и на поверхности те обнаружили жеоду, то есть полость, высланную изнутри

кристаллами. Когда они её раскололи – то внутри обнаружили великолепные фиолетовые сверкающие кристаллы аметиста. Но разработать жилу опять не удалось. Они ошиблись с местом. Не попали в жилу. Причём, первоначальное место выбрали правильно, шурф пробили правильно. А потом метров на двести ушли западнее, и промахнулись. А вот какое объяснение по этому поводу написано в отчёте неким Михайловым А.А.: «Шихтмейстер Питин В.К., несмотря на полученные данные и подтверждения, направленные ему, велел разрабатывать ствол не на линии структуры согласного залегания, а на сто саженей на юго-запад, и в итоге целый сезон артель трудилась впустую. А потом и вовсе велел закрыть разработку, не объяснив причин. Сам он уехал, не дождавшись окончания работ».

– То есть камень аметист был там охранным, его там разрушили, а может, и вообще весь извлекли, и эта Шкапеня оттуда вылезла? – Подвела я итог.

– Шкапеня, Скабиня, знаешь, я думаю, что это суть одно существо. Не торопись с выводами. Камень аметист такой необычной расцветки нёс очень ответственную задачу. Подпитывал охранные заклятия, или чары. Поэтому всем, кто пытался достать его из-под земли, шли предупреждения, что, мол, оставьте его в покое, ищите богатство в другом месте.

– То есть, судя по твоему победоносному тону, ты знаешь, как снова Шкапею-Скабинею заточить, чтобы она не утаски-

вала лаборантов в нору, и не плодила тараканов?

– Ты удивишься, но дело совсем не такое, каковым кажется. Скабинея всё так же лежит в своей тюрьме.

– Сакатов, не тяни кота, перестань говорить загадками.

– Я же с чего начал разговор, про этих горных духов, которые и злые и добрые одновременно. Так вот, жилу, несмотря на предостережения этих охранных сил, всё-таки разработали, чары, скорее всего, ослабли. Но те силы, которые заточили Скабинею, они всё так же несут дозор. И если люди по-хорошему не понимают их предостережения, они кардинально отпугивают их. Каким-то образом, горным духам удалось так напугать шахтёров, что шахту закрыли, не выработав всей жилы. Но у нас же не средние века, люди заинтересовались там чем-то, стали изучать. Горным Духам это не понравилось, они утащили одного лаборанта. Люди стали осторожнее, но изучать не перестали. А потом, бац! Что-то такое произошло. И после этого закрыли шахту на замок, и забыли про неё, как будто её и не было. Потом откуда-то некоему колдуну стало известно про Скабинею, что она всё готова отдать за свободу. Не иначе, как преисподняя, опять, подсуетилась. Написали словечки, с помощью которых можно пройти мимо неусыпных страж, но опять что-то не получилось, Духи поняли этот маневр. И превратили особо наглую искательницу в смешного таракашку. Тебе не кажется, у них всё хорошо с чувством юмора.

– Это твоя версия. И не факт, что она правильная.

– Оля, она правильная. Поразмысли над этим, когда трубку положишь. А сейчас нам остаётся только найти Марину, но я абсолютно не представляю, что с ней делать дальше. В той истории, про Сарику, её отвезли к отшельнику, чтобы он отмолил её. А нам что делать?

– Сначала найти. Но мне кажется, что Марина теперь стала не главной задачей. Я всё думаю про эти листики с заговором. Если Венин хозяин выпустит Скабинею, от неё могут быть большие неприятности всем. И не только в Синем.

– И не только от Скабинеи. – Добавил он. – Горным Духам, которые её сторожат, это тоже не понравится. Они тоже не будут церемониться.

– Тогда тебе надо пошустрее искать выход из положения. Не помню случая, чтобы не было выхода.

Вечером Сакатов позвонил снова.

– Знаешь, Оля, что-то мне не нравится, что можно прочитать заветные слова, а потом освободить Скабинею. Я про эти таинственные листки.

– Ты что-то нашёл?

– Нашёл, не совсем то, но из этого тоже можно сделать определённые выводы. Случай тебе сейчас расскажу. Это было в тридцатых годах, перед войной. Тогда много уделяли внимания горному делу. Много печатали интересных статей, чтобы пробудить у молодёжи интерес и подтолкнуть к выбору горных профессий. Так вот, создание разных кружков, типа юных геологов, приветствовалось. В одной Сверд-

ловской школе, как раз такой кружок и был. Вёл его учитель географии Пиканов Самуил Львович, человек не равнодушный и энергичный, хоть и в преклонных годах, но душой молодой и лёгкий на подъём. Приглашал он на заседания этого кружка интересных людей – заслуженных горняков, геологов. И вот собрал он после экзаменов своих восьмиклассников, и пошёл с ними в поход на Волчиху. Гора эта интересная во всех отношениях. Много тайн хранит, и открывать их не спешит. История у неё тоже имеется, то есть место не просто так Самуил Львович выбрал, а с умыслом. Во-первых, природа вокруг Волчихи чудесная, всё-таки Чусовая – одна из самых красивейших рек. Во-вторых, если рассвет на горе встретишь – навсегда его в памяти будешь хранить. Ну и в третьих. Там камушки интересные попадаются. Вот о них он и собирался поговорить. Ребят с ним пошло тринадцать человек. Да, сразу хочу сказать, я тоже, как прочитал, что ребят было тринадцать, как-то сразу насторожился. Поднялись они на Волчиху, поставили палатки, кашу варят, гитару достали, поют. Романтика. А вид с Волчихи красивый! Кругом леса, поля, Чусовая блестит, небо в ней отражается голубое. Возле костра сидят, смотрят, как небо темнеет, звёзды высыпают, время для страшных историй пришло. В группе их был Силантьев Тёма, он на Урал с родителями с Дальнего Востока приехал, они у него геологи. А парнишка такой интересный был, любознательный, историей увлекался. Он с родителями несколько раз в поле ходил, бабушек-дедушек у него

не было, вот родители его летом с собой и таскали в экспедиции, несмотря на то, что там не очень комфортные условия для ребёнка были. Камушки-то он тоже знал, и многое про них мог рассказать, привычное дело это было для него. Вот он ребятам вечером и рассказал, как однажды у них в поле случай странный произошёл. Он со своим отцом, Леонидом Ивановичем, и ещё с одним геологом ушли вперёд от всей группы, чтобы определиться с местом их лагеря. Пешком прошли километров двадцать, а когда сделали привал, то оказалось, что Тёма рюкзак с провизией в лагере оставил, а по ошибке другой рюкзак взял, их лаборантки Анечки. Но геологи готовы к любым испытаниям, на то они и геологи, и не такое случалось у них. Леонид Иванович пробежался вокруг, и принёс целую охапку грибов. Они их почистили, в котелок бросили, сидят, варят. И вдруг собака рядом залаяла. А места там были дикие, необжитые, до ближайшего жилища не меньше трёхсот километров. Так что они совсем не ожидали кого-то из людей встретить. Отец крикнул, что, мол, мы здесь, просим к нашему костру. Одно дело, когда мы в городе мимо людей проходим, не замечая их, другое дело – тайга. Тут проигнорировать встречного не получается, люди как-то ближе друг к другу становятся. Выходит к ним на поляну дед, седой весь, и глаза с внимательным прищуром, одетый в какой-то полушубок, на ногах сапоги кирзовые. С ним собака большая, отец потом Тёме говорил, что если это и собака, то точно, помесь с волком. Дед поздоровался, ме-

шок заплечный на землю скинул, достал из него хлеб и солонину, так что к грибнице это в самый раз пришлось. И, как повелось, разговорились, что да как. Леонид Иванович сказал, что они геологи, их партия уже второй год ведёт разведку в этих краях. Дед представился, как дед Анфим, сказал, что из деревни Поречной, но большую часть времени живёт на заимке, так как один остался, ничего его больше не держит в деревне. Стал спрашивать у них, какие минералы их интересуют, какие планы по освоению месторождений. Так неспешно разговаривают, сидят у огня, а потом дед Анфим достаёт из мешка камень, и протягивает Тёмину отцу. Тот повертел его в руках, передал своему товарищу. Тот его покрутил, тоже покачал головой, отцу обратно отдал. «Так это что за минерал такой, к стыду своему, я не могу распознать в нём ни один знакомый мне, откуда он?» Спросил он деда. Тот ухмыльнулся в бороду и говорит ему: «Конечно, ты не можешь распознать. Это бóлог. Камень-страж. Глубоко он лежит, не для людей он. Оставь его себе и запомни, как только дошли до места, где камень такой встретили, остановитесь. Не будите лиха. Многое, о чём человек даже не догадывается, сокрыто под такими камнями. И лучше вам не знать про то». Попрощался с ними дед и ушёл. А через два дня их экспедиция определилась с новой стоянкой, работы пошли своим чередом. Прошёл месяц, Тёму должны были отправить следующим вертолётom на большую землю, так как время к школе подходило, когда случилось непред-

виденное. В экспедиции уже все плановые работы провели, образцы грунтов и воды отправили на вертолёт в лабораторию, занимались полевыми испытаниями грунтового основания. И в это время случайно на природный пролом наткнулись, и решили, насколько возможно, разведать его. Тем более, по всем приметам он неглубокий был, фонариком они дно видели, метрах в шести от поверхности. Самым ловким и спортивным у них в экспедиции был Павлик Сосновских, вот его-то и решили спустить в провал. Тем более провал был не широкий, а Павлик был очень худого телосложения. Закрепили верёвки, он в каске, с собой маску взял, с фонариком начал спускаться. До дна опустился и крикнул, что в бок уходит пятиметровый коридор, а там снова шахта. Леонид Иванович велел взять образцы и подниматься, так как снаряжение не позволяло спускаться в более глубокие шахты. Они слышали, как Павлик стучит молотком, отбивая куски от породы. Потом он им что-то крикнул, и верёвка ещё натянулась. Раздалось ещё несколько глухих ударов, и верёвка резко дёрнулась. Леонид Иванович крикнул вниз, спрашивая, что случилось. Но оттуда не раздавалось ни одного звука. Они подёргали верёвку, пытаясь тянуть её вверх, но она натянулась и не шевелилась ни в какую сторону. Закрепили ещё одну верёвку, и Леонид Иванович сам полез в провал. Опыт у него был, поэтому он спустился быстро. Внизу, на первой площадке, которую они могли видеть сверху, Павлика не было. Влево уходил узкий коридор, буквально на деся-

ток шагов. Леонид Иванович дёрнул свою верёвку, сверху её ослабили, и он пошёл по коридору. Тот заканчивался огромным валуном прямо посреди прохода, за который и уходила верёвка, которая была закреплена на Павлике. Леонид Иванович позвал Павлика. Тишина. Он заглянул за камень. Там, глубоко вниз, уходил тёмный провал. Леонид Иванович потянул верёвку. Такое впечатление, что верёвка защемлена была камнем. Он осторожно поставил одну ногу на камень и пошевелил его. Камень не шевелился, он устойчиво лежал на полу. Леонид Иванович перегнулся через него и осветил в провал фонариком. Обрывок верёвки был в метре от камня. Павлика там не было. Леонид Иванович осветил в провал фонариком, свет рассеивался где-то в метрах двадцати, даже не дойдя до его дна. Леонид Иванович крикнул. Где-то внизу, его крик подхватило эхо. Он прислушался. Никаких криков в ответ, ни даже стопа. Полная тишина. И вдруг он ясно почувствовал, какое-то движение за своей спиной, только хотел он обернуться, как сильный толчок в спину вынес его на камень, и он чуть не перелетел через него. Леонид Иванович когда-то служил в армии, и сейчас вспомнил своего старшину добрым словом. Он перевернулся на спину, сгруппировавшись за одну секунду, и резко сделал толчок ногами. Если бы за его спиной сейчас был противник, он бы перелетел через него и полетел именно туда, куда только что хотел скинуть самого Леонида Ивановича. Но там никого не было. Была только перерезанная в метрах двух от него его верёв-

ка. Вот значит, как Павлик пропал. Леониду Ивановичу повезло, что весу у него было, как у двух таких Павликов, и поэтому неведомому врагу не удалось одним махом скинуть Леонида Ивановича в провал. Он снова привязался к верёвке, его подняли наверх. Потом собрали спасательную группу из троих человек, и спустились в провал. Когда Леонид Иванович, который шёл первым, увидел то, что лежало на камне, он сразу всё понял. Там лежали три камушка, три болога. Камни-стражи. Павлика они так и не нашли. Они пытались определить глубину шахты, в которую упал Павлик, но несколько верёвок, связанных между собой, а это примерно сто десять метров, так и не дошли до дна. Вот такую историю рассказал Тёма Силантьев. И достал из кармашка чёрный камень, с красными прожилками. Всем, конечно, хотелось поддержать этот таинственный камень в руках. Он был гладкий, приятный на ощупь. Самуил Львович достал из кармашка складную лупу и начал рассматривать камень. «А ведь эти линии не хаотичные, как могло бы сначала показаться» – сказал он. Все начали смотреть через лупу, и точно, они даже угадывали некоторые буквы, образованные линиями. «Папа считает, что раз камень охранный, значит его нельзя было далеко уносить от того места, где его нашли. Но я всё же взял один камень с собой. Папа оказался прав, когда вертолёт поднялся над землёй, в моём рюкзаке что-то вспыхнуло и повалил дым» – сказал Тёма. Вертолёт экстренно совершил посадку. В рюкзаке вокруг камня затлели штаны и футболки

Тёмины. После этого на камне красных линий стало больше. И слушай, Оля, дальше про этот камень. На следующее утро ребята встретили рассвет на самой высокой точке Волчихи. А потом пошли к более скалистому склону горы, чтобы поползать там, посмотреть, как располагаются пласты пород, которые выходят на поверхность земли, и хорошо там видны. Ребята ползают, Самуил Львович следит, чтобы не потерять никого, ну и сам тоже ходит, камушки пинает. Скалы там старые, они все мхом обросли, и цвет можно сказать, что седой, я там не раз тоже был, видел воочию эту красоту. И вдруг Тёма крикнул, чтобы к нему все шли, он что-то там нашёл. Ребята и Самуил Львович к нему подошли, он сидит на выступе, а из-под нависшего над ним камня верёвка сгнившая висит, пеньковая. Он дёрнул её, и она отпала. Они стали заглядывать, откуда она в скале появилась, и заметили, что камень, из-под которого торчала верёвка, слишком какой-то плоский и ровный. И он, словно крышкой, прикрывает большое скопление камней, тоже, достаточно крупных.

Конечно, ребятам не под силу было сдвинуть эту плиту, они её со всех сторон обследовали. Версий было много, что там может перекрывать эта плита, но все сошлись на том, что плита прикрывает лаз, или вход в пещеру, а может и в шахту. И как тут и кому пришла в голову идея, что давайте камень болот положим на плиту. Сказано – сделано. Тёма сбегал в лагерь за камнем своим. И только он с ним приблизился к плите, как закричал и откинул его от себя. Камень буквально

зашипел от высокой температуры, до какой он нагрелся. Тёма ещё и подпнул его поближе к плите. Камень шипел, шипел, а потом исчез. Вообще. Представляешь? Ребята там всё пролазили, да и собственно, что там лазить то было, место, откуда он исчез, всё чёрное было, как остатки от костра. И только позже они всё-таки его нашли. А ночью у них палатка загорелась, в которой спали Тёма и ещё четыре мальчика. Один мальчик дымом задохнулся, и его не удалось спасти. У Тёмы рука была сильно обожжена, и бок. Когда начали разбираться, почему они не выскочили сразу из палатки, Тёма сказал, что ему в тот момент показалось, что вокруг него была не палатка, а тёмное логово, в котором не было никаких проёмов наружу. Посчитали, что у них от дыма галлюцинации начались, поэтому они получили ожоги. А в конце протокола было прямо даже подчёркнуто, что никаких спичек, зажигалок у них с собой не было, и что послужило причиной возгорания, так и не выяснили. От костра уголёк тоже не мог попасть в палатку. Во-первых, она стояла далеко от костра. Во-вторых, они тщательно затушили костёр перед сном. То, что никто в других палатках не учуял дыма, тоже необъяснимо было. Короче, таким вот необъяснимым несчастьем закончился поход на Волчиху.

– Ты что, думаешь, что камень поджжёт Тёму? – Спросила я Сакатова.

– Тебе это тоже первое, что пришло в голову?

– Ну, других объяснений я не вижу.

– Эта история, Оля, в интернете ходит в двух вариантах. Первая, это та, которую рассказал сам участник похода Тёма Силантьев. А вторую историю рассказала дочь учителя географии Самуила Львовича, Софья Самуиловна. Она эмигрировала в Израиль ещё в конце девяностых, сейчас её уже давно нет в живых, да и эмигрировала она уже в почтенном возрасте. А эти воспоминания опубликовали в интернете уже после её смерти, кто-то из её многочисленных внуков.

– Они не отличаются друг от друга?

– Не очень, можно сказать, не отличаются. За одним исключением. Софья Самуиловна вспомнила эту историю, когда наткнулась на один необычный камень, который нашла у отца в коробочке. Понимаешь? Камень оказался у него. А как? Вывод только один – Самуил Львович этот камень припрятал, чтобы не было лишних вопросов. Так он у него и остался.

– Даже в Израиль с собой он взял.

– Нет, он сам не эмигрировал, только его дочь. Но важная для него коробочка в Израиль всё-таки уехала.

– Интересно бы посмотреть на такой камень. Но почему он устроил пожар? И именно у Тёмы в палатке?

– Ты только не смейся, но помнишь, нам с тобой Анна говорила, что камни – они живые, у них есть память. И у меня возникла версия. Этому камню, болоту, не понравилось, что его увезли так далеко от его родного места, даже не просто с родного места, а с той службы, которую он нёс на опреде-

лётном участке. И он знал, кто его увёз. Он потратил, видимо, все силы на то, чтобы первый раз, в вертолёте, просигнализировать Тёме, что его нельзя забирать, что он должен там остаться. Но Тёма его забрал. Вот этот болот и подзарядился от какого-то источника в земле, и снова послал сигнал человеку.

– Ага, а теперь этот камень ещё дальше на шесть тысяч километров от своего родного места. Лежит и думает, что ещё поджечь.

– Может и думает. Я-то тебе это рассказал, чтобы ты поняла, насколько серьёзные стражи бывают у некоторых мест на земле. И тот, то сидит в шахте, тоже не намерен шутить. И то, что на листке написаны какие-то слова, это не значит, что они являются пропуском в комнату исполнения желаний.

– А я наоборот, сейчас уверена в том, что есть такие слова, которые могут усыпить на какое-то время охранных духов. – Возразила я Сакатову – Ты же знаешь силу слова. В волшебном мире они прочнее камня. Так что, надо искать Веню, его хозяина, отбирать у них эти листки, чтобы они не проскользнули мимо стражи к Скабине. Будем сторожить их возле шахты.

– Что теперь толку отбирать листки! Знаешь, сколько копий можно с них наделать и всем раздать! Но, знаешь, с другой стороны, если бы дело было в то, чтобы наделать копий, тогда бы никто даже и не заморачивался поиском их. Просто скопировал и всё. Почему тогда Веня не снял копию и

не вернул на место листки? Нет, тут ещё что-то. Пока мы не увидим их, не поймём. Ладно, спи. Я дальше продолжу свои поиски. Кстати, нигде нет ни одного заговора на усыпление каменного стража. Значит, я прав. Дело не в словах.

– А в чём? Листки приложить к больному месту?

– Ладно, завтра будем думать. Спокойной ночи. А! Подожди. Мне ведь покоя не давали слова вождя из той истории, про Сарикку. Что проклятие не умрёт вместе с ней. Я начал искать историю семьи Кобург-Кохари, к которой она принадлежала. На русском языке историю их семьи не найти, так я, с горем пополам, с помощью интернет-переводчика, нашёл упоминание о них, но имя Сарикки нигде не упоминается. У Кобург-Кохари несколько ветвей, одна из которых, католическая кадетская ветвь Саксен-Кобург-Гота, основанная после брака принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готского и принцессы Мари Антонии Кохари де Чабраг жила в Риме. Так вот, на эту ветвь одно время просто посыпалась череда несчастных случаев. В августе одна тысяча семьсот девяносто третьего года упал с лошади юный Симеон, сын главы дома, через восемь месяцев вспыхнул мятеж крестьян и старшую дочь Фердинанда вместе с семьёй сожгли заживо в их доме, через год на охоте застрелили самого Фердинанда, в том же году умерла его вдова.

– Да, очень похоже на то, что род их, действительно был проклят. И что, никого из их рода не осталось?

– Остались, они спешно переехали в Рим, жили под кры-

лом Папы Римского какое-то время, наверное, вымолили себе прощение. После этого у них всё нормализовалось. Среди их потомков были и четыре короля Португалии: Педру, Луиш, Карлос, Мануэл, и три последних короля Болгарии: Фердинанд, Борис, Симеон. Не скажу, что судьба венценосных потомков была счастливой, но в королевских семьях и так смертность большая, особенно, когда много претендентов на престол. И это не всегда связано с родовым проклятием.

– А Василий? Её муж? На его семью тоже несчастья обрушились?

– Знаешь, мне кажется, что он так и остался при церкви. Потому что в Церкви Сошествия Святого Духа, а именно там оказался Василий, примерно в это же время появился послушник брат Макарий. А про Василия Макаровича Крюкова больше нет никаких упоминаний.

– Понятно. Знаешь, надо поставить охранное заклинание на вход в шахту. Чтобы колдун туда не попал. Если, конечно, ещё не поздно.

– Не поздно. Если бы он выпустил Скабинею, мы бы это уже узнали. С её буйным нравом, она уже бы начала тут горы валить, да леса поджигать. Тем более так долго засиделась, она бы точно размяться захотела. Не знаю, надо ли ставить, её ведь есть, кому охранять.

– Конечно, есть, но ведь батарейки, в смысле, аметист, из пещеры вытащили, и Скабинея, если это поняла, то попытается справиться с духами. А вдруг она сильнее их окажется?

– А твоё заклятие, думаешь, остановит колдуна?

– Но остановило ведь когда-то пещерного демона! Давай завтра прямо с утра съездим? Я прямо как-то враз забеспокоилась.

– Так ты же работаешь, и Илья работает.

– Я отпрошусь, а нас в шахту свозить Игоря попросим. Если он завтра едет на смену в ангар, нас сможет довезти. Ты ему с самого утра позвони. Верёвка нужна пеньковая, метра два, но я думаю, что у них там, в посёлке, такую найдём.

Глава 5. Место исполнения желаний.

В семь утра мы уже мчались с Игорем по трассе к посёлку Синему. Утро было хмурым, ветер гнал из леса целые охапки жёлтых листьев. И мне даже показалось, что на траве я заметила следы первых заморозков.

Игорь остановил машину напротив одного из деревенских домиков, взял из бардачка небольшой складной нож и пошёл во двор. Вернулся он с пеньковой старой верёвкой, которую отдал Сакатову и сказал:

– Я довезу вас до шахты, у меня есть время. Когда закончите, можете посидеть у моей бабки, я ей позвоню. Как получится, я за вами заеду и отвезу в город. Если что, на трассе есть остановка пригородного автобуса. Идти, конечно, далеко, но он каждые два часа ходит. Это на крайний случай.

Он сел в машину, развернулся и свернул на дорогу, которая вела в шахты.

– Игорь, – обратился к нему Сакатов – а у тебя есть ключ от Марининой квартиры?

– У моей бабки есть. Надо проверить там?

– Да, надо посмотреть. Может она там сидит? Только надо тебе самому сходить, бабушке своей ничего не говори. Кто

знает, что там нас ждёт. Марина сейчас не в лучшей форме, так можно напугаться, что до конца дней не оправишься. Да что я тебе говорю, ты и сам видел!

– Тогда меня дождитесь, возьмём ключ и сходим, проверим. Если честно, я не хочу её один увидеть.

Игорь остановил машину возле отвала, мы вышли, а он уехал на работу. Мы пошли по краю отвала, Сакатов внимательно смотрел под ноги.

– Вроде, следов нет.

– А ты как знаешь?

– Камушки заветрены. Смотри, после нас они темнее.

– Следопыт! – Засмеялась я – А он, может, слева отвалы обошёл.

– Нет, слева неудобно, там колючий кустарник. И репёв полно.

Мы вышли к площадке перед шахтой. На первый взгляд, всё было, как в прошлый раз, ничего не изменилось. Только мрачнее стало, но это от серой ненастной погоды.

– Что-нибудь чувствуешь? – Спросил меня Сакатов.

– Холодно.

– Колдовства никакого не чувствуешь?

– Пока нет. Давай верёвку.

Я сжала в руках верёвку, сосредоточилась, дождалась, пока в руках разлилось тепло, потом закрыла глаза и начала читать:

Ты руке моя

Переплелася со мной

Слилась едины

Как ветры скрепило

Слушай и ткликавись

Я подняла верёвку, она гудела в моих руках, а концы её словно опалились. Значит, получилось.

– Оля, ты всё? – Спросил Сакатов – Здесь какие-то чурки валяются. Их, по-моему, в прошлый раз не было.

Я пошла к железным воротам. Взглянула на чурки, на которые мне показывал Сакатов, но не могла вспомнить, были ли они здесь в прошлый раз.

– Надо сгрести верхний слой площадки. Немного, а потом присыпать верёвку песком и мелкими камушками. – Сказала я – Возьми какую-нибудь дощечку, руками не хочется.

Он подобрал доску возле дома и начал осторожно сгребать песок. Потом резко распрямылся и легонько тронул железную дверь. Она приоткрылась. Мы с ним изумлённо уставились друг на друга. Он отбросил доску и открыл дверь. На нас пахло землёй и сыростью. Он заглянул туда, не переступая порог.

– Вот так поворот! – Только и могла проговорить я.

– Он здесь был.

– Марина здесь была. Нам же Игорь говорил, что у них с Веней ключи откуда-то появились. Не иначе им хозяин Венин их дал. Я туда не пойду.

– Так я тоже. Но теперь, если колдун здесь ещё не был,

мы заговорённую верёвку прямо за дверями спрячем. Так надёжнее. Ну что, давай?

– Может всё-таки перед дверями? На улице? – Засомневалась я – Место там не очень. И неизвестно, чем они тут занимались, кого вызывали.

– А если дождь? Он выбьет верёвку.

– Ну да, я не подумала. Хорошо. Только двери пошире откроем, и оба там будем стоять.

Но мы оба не сдвинулись с места, прислушиваясь к звукам в тёмной шахте. Мне казалось, что там кто-то ходит. Но потом я поняла, что это капли падали в какие-то лужи, или на деревянный мокрый наст, или вообще не понятно куда. Но ещё были слышны и какие-то охи, или дыхание. Чем больше я вслушивалась, тем больше странных звуков я слышала. Я уже готова была бросить верёвку и бежать подальше отсюда, домой, под одеяло. И ещё мне казалось, что там мелькал свет по неровным стенам шахты. Сакатов тоже очень внимательно прислушивался и вглядывался.

– Сакатов, я боюсь. – Не выдержала я.

– Я тоже. – Сакатов повернулся ко мне – Но мы ведь не будем заходить далеко, только возле порога. Я встану рядом и буду следить за обстановкой. А пока ты следи. Я расчищу место.

– Подожди минутку, мне надо прийти в себя. Я не могу такая испуганная читать заговор. Мне какие-то звуки там чудятся.

– Ничего тебе не чудится, там на самом деле что-то есть. –

Успокоил меня Сакатов.

– Ладно, скреби. Только быстрее.

Он снова поднял дощечку и начал сгребать в сторону слой земли за порогом. Она была сырая, с каким-то зеленоватым мокрым оттенком. Наконец он распрямился и отступил на шаг в сторону. Я ещё раз оглядела мрачный коридор и присела. Верёвку я сложила петлёй, потом снова сосредоточилась и стала читать:

От видимого и скрытого

От ведомого и неведомого

У двери встанет

Кто перешагнёт

Петлёй зависити

Землей остановиси

Пеплом затянисете

На страже стоити

Отступити злomu

Железная верева

Крепок завяз

Ключ замок земля.

Только я подняла руку, чтобы наложить на верёвку знак замка, как стало светло, всё вокруг меня заискрилось, и раздался звук, словно тысячи мелких камушков пересыпались с одного места на другое. Меня на долю секунды это ослепило. И как будто вихрь подхватил меня и понёс.

Я соскочила на ноги и огляделась. Со всех сторон меня окружали сверкающие розовые, синие, фиолетовые искры. Они играли множеством оттенков, словно разноцветные солнечные зайчики. Как будто яркое солнце вспыхнуло над ними, или драгоценные камни окружили яркую звезду, поворачивая к ней все свои грани разом. Я не могла отвести взгляд от такого дива. Свет от драгоценных камней, то приближался ко мне, мелькая перед самыми глазами, то уносился куда-то очень далеко, но, даже отдалившись, он оставался таким же ярким и слепящим. Нет, не слепящим, я могла спокойно смотреть на их свет, и мне был виден каждый камень, каждая его грань. И в то же время я видела их все. Будто у меня было сотня глаз. И тут меня, словно окатило холодным душем. Сотня глаз. Я не хочу, чтобы у меня была сотня глаз.

В это время раздался смешок. Именно смешок, словно кому-то стало так смешно, что он не смог сдержаться.

– Ну что, загадывай желание! – Раздался вполне человеческий голос рядом со мной, голос принадлежал или ребёнку, или юной девушке.

Я резко повернулась, но никого со мной рядом не было. Я внимательно огляделась, но между камушками не было ни единого просвета. Снова смешок.

– Что, не знаешь с какого начать? – Опять весело спросили меня. – Странно, а те двое только и говорили, какие они будут загадывать желания.

– Вы кто?

– Я хозяин этого места. Места, где исполняются все желания. Так вы это называете? Ты ведь именно сюда хотела попасть?

– Нет, я не хотела сюда попасть. И я не поняла, как здесь очутилась. Я хотела наложить заклятие, чтобы сюда никто не попал.

– Почему? – Голос стал удивлённым – Ты хочешь, чтобы только твоё желание исполнилось?

– Я не хочу, чтобы моё желание кто-то исполнял. Может и хочу, но не здесь, у вас.

– Загадками какими-то говоришь, хочу, не хочу. Загадывай, не стесняйся. Я не буду тебя долго упрашивать.

– А можно узнать Ваше имя?

– Нельзя узнать моё имя. Или у тебя желание узнать моё имя?

– Я не буду загадывать желание.

– А зачем тогда ты пришла ко мне?

– Я не хотела к вам прийти. Вы хранитель Скабинеи или сама Скабинья?

Снова раздался смешок. Со всех сторон слышался гул, или шёпот, камни некоторые гасли, а на их месте начали зиять тёмные дыры, из которых тоже доносился смех. Среди всех этих юных голосов впервые слышался какой-то тяжёлый и сухой монотонный голос, говоривший неразборчиво и тихо.

– Я хотела, чтобы колдун, который хочет освободить Ска-

бинию, сюда не попал. – Громко сказала я – Вы ведь хранители?

– А как ты хотела остановить колдуна? – Снова раздался молодой голос.

– Я верёвку у входа заговорила. – Ответила я.

– И что, это поможет?

– Когда-то помогло. Против пещерного демона.

– Так ты воительница?

– Нет, я не воительница. Просто знаю этот заговор.

– А почему ты не хочешь, чтобы колдун пришёл сюда?

– Он хочет отпустить Скабинию.

– А зачем он хочет её отпустить?

– Чтобы она служила ему. Или чтобы исполнила его желание.

Снова послышались смешки, но тот голос, низкий и тяжёлый, что-то сердито сказал и смех сразу затих. Камни стали блекнуть, схлопываясь, словно мыльные пузыри, оставляя после себя полную темноту. Темнота подступала ко мне всё ближе и ближе. Наконец, со всех сторон, вокруг меня не осталось ни одного сияющего светлого пятна. Вернее остался один огонёк, от которого у меня похолодело всё внутри, и подкосились ноги. Передо мной горел один-единственный голубоватый свет. И свет этот держала тёмная рука.

– Скажи мне, заклинательница, сама ли ты пришла сюда, или по принуждению? – Голос был властный, он словно припечатывал каждое слово прямо в мою голову.

– Сама. – Выдохнула я.

– Разве мы обращались к тебе за помощью? – Голос звучал всё грознее.

– Нет. – Ответила я, мечтая сжаться в маленькую точку, чтобы меня больше никто никогда не нашёл.

– Здесь нет места для людей. – Прогремело у меня над ухом, и я почувствовало, как что-то холодное и чужое заглянуло в мои мысли, и как по-хозяйски начало листать мою жизнь, что-то пробегая быстро, не останавливаясь, а что-то рассматривая и пристально изучая. Я попыталась сопротивляться, но сразу же холод пронзил всю меня, острыми холодными иголками впившись в каждую клеточку моего тела.

Я не могла пошевелиться, не могла сказать ничего, словно я сама стала каменным изваянием, бесчувственным и статичным. Время от времени раздавались какие-то звуки, словно кто-то сбрасывал тяжёлые коробки на пол. Потом я поняла, что это стены пещеры сдвигались с места на место, словно части головоломки. Мне казалось, что проходили дни, недели, а может и годы. Единственное, что было неизменно и постоянно – так это неяркий свет перед моими глазами. Холод понемногу стал отступать, зато налились тяжестью мои руки и повисли вдоль туловища, их будто держали цепкие захваты.

– Это она сама заставила себя закрыть. – Снова раздался голос, и он немного смягчился.

Я вздрогнула и очнулась. Я стояла напротив высокого и

худого старца в тёмном, сливавшимся со стенами длинном плаще. Голова его была полностью укрыта широким капюшоном, и сквозь непроницаемую тень, падающую от капюшона, блестели его глаза, словно два чёрных антрацита, и выделялся длинный острый нос. Плащ полностью закрывал его, и только серая жилистая рука держала перед ним небольшой светлый шар, который освещал пещеру, в которой мы находились, ровным серовато-голубым светом.

– Та, которую ты называешь Скабинеей, она сама добровольно спустилась в узилище и поставила нас стражами у врат своих. Восемь веков мы охраняем её сон. И никому не перешагнуть порог её усыпальницы. Нет крепче сна, чем тот, который навевен на неё. Она – истинная хозяйка этих недр. Хозяйка взращивала самоцветы в них, ради красоты и гармонии. Иногда она открывала людям частички своих богатств, чтобы люди тоже научились ценить и любить красоту. Она никогда не показывалась людям, и только через природу человек мог дотянуться до неё, ощутив себя единым с окружающим миром. Милосердие и созерцание – вот что требует природа от человека. Издревле её семья жила здесь, они ровесники этих гор. Хранители и властители, мудрые, как сама природа. Но и к себе самой природа строга. Те стихии, которые несут вред всему живущему, негативные энергии, которые исходят из чёрного сердца бездны, они противны естеству природы. Но бездна хитра, она расставляет свои ловушки незаметно, улавливая в них ласково и вкрадчиво. Одна-

жды наша хозяйка, увидела, что рядом с входом в её удел сидит на полянке маленький мальчик, держит на коленях синего зайца, гладит его, и звонко смеётся. Залюбовалась она златокудрым голубоглазым ребёнком, забыла про осторожность, подошла к нему и погладила его шелковистые волосы. Мальчик попросил у неё золотой ошейник для зайца, чтобы тот не убежал от него. Она сотворила золотой ошейник, и протянула его мальчику. И вдруг этот золотой ошейник вырвался из её рук, сам затянулся у неё на шее, и на золоте проступило имя демона Бельфегора. А златокудрый ребёнок стал бесом, который разорвал её грудь и запрыгнул в её сердце. Стала она демоницей, несущей огонь только одним своим взглядом, не знающей ни жалости, ни сострадания. Забыла она семью свою, не видела она больше красоты природы, и её зловещий смех наводил ужас на всех, кто его слышал. Стала она слугой Бельфегора, поганого демона, который коварством завлекал людей, заставляя их служить его тёмным замыслам. Долго он подкарауливал её, уже не надеясь получить в услужение Горного Духа, и вот она стала послушной игрушкой в его руках. Чёрной вьюгой падала она на землю, и горели леса, покрывая дымом и пеплом её родной край. Много лет пыталась её семья снять с неё злые заклятия, но всё безуспешно. Тогда старший брат её отрубил себе ногу по колено, сделал из кости стрелу, и сел в засаду, поджидая свою сестру. Ждал он два года, пока снова выпустил её Бельфегор для того, чтобы спалила три деревни, согнала с места

крестьян, выжгла дотла их поля. Прицелился старший брат ей в сердце и пустил стрелу. Прежде, чем стрела долетела до демоницы, обернулась она и сожгла своего брата, не узнав его. Не смог он увернуться от огня её, не смог на одной ноге быстро отскочить. Но долетела пущенная им стрела до её сердца, выбила из него беса и тот час же вспомнила Скаби-нея себя. Увидела она, что натворила и ужаснулась. Ссыпала она пепел, оставшийся от брата в драгоценную раку, прижала её к своему истерзанному сердцу, и сама запечатала себя в самой дальней пещере, подальше от остального мира. Теперь только в своих мыслях она может ходить по милым ей сердцу местам.

– Она никогда не выйдет из своей темницы? – Спросила я, потрясённая его рассказом.

– Выйдет, когда боль отступит от неё, и когда она сможет отсеять зло от добра, научиться видеть истинное, а не поверхностное.

– Как она может научиться этому, если она спит?

– Сон человека и сон Духа – разные сны. Ваш беспокойный ум во сне заносит вас в обрывки событий и историй, которым нет начала и нет конца, и вы блуждаете по ним, не понимая истинного значения сна для вас. Вам не понять состояние покоя и созерцания, которое называем сном мы.

– Значит, если она проснётся, она не будет больше творить зла?

– Нет. Она есть то, кем является на самом деле.

– Значит, кто-то из людей просто придумал, что если её освободить, то можно просить у неё исполнения своих желаний.

– Смотря каких желаний. Чтобы исполнять желания, надо научиться видеть суть их, и к чему они могут привести. Наша хозяйка совершила ошибку, которая очень дорого обошлась не только ей. Дорогая ошибка, и дорогая цена за исправление такой ошибки.

– Если нет опасности разбудить вашу хозяйку, зачем вы превращаете людей в насекомых?

– Ты говоришь про это несчастное существо, которое когда-то было человеком, и которое приползло к нам умирать, прося об исполнении желаний?

Тонкий луч от его светящегося шара полетел сквозь какие-то коридоры, комнаты, пещеры, и упёрся в чёрную блестящую стену, прислонившись к которой, сидело ужасное существо, полужук-получеловек, иссушенное, с подрагивающими лапками, с чёрными бусинками-глазами, в которых застыла такая боль, что у меня дрогнуло сердце.

– Значит, это не вы превратили Марину в таракана?

– Нет, мы никогда этим не занимались. Почему ты подумала на нас?

– Просто в одном сказании говорится, что Горные Духи давали людям волшебного жука Ксхе, который мог доставать драгоценные камни прямо из воздуха. Этого Ксхе хотела украсть одна женщина, но Ксхе её саму превратил в тако-

го же таракана.

– Адская игрушка Ксхе. Слышал я про неё. Да, не только нашу хозяйку обманули демоны, много таких вещей ходят по миру. Если сразу от них не избавиться, они завлекают, становятся необходимыми, и обладатель их уже не может сам разглядеть их дьявольской сути.

– Марине ещё можно помочь?

– Нет, существо умирает. Обратного хода у такого колдовства нет. Жажда богатства толкнула его в руки тёмных сил, и вот теперь он расплачивается за это.

– Но она страдает! – Воскликнула я.

– Я могу облегчить страдания, сделать последние минуты похожими на сказку. – Он снова отправил свой луч к Марине, вернее к тому, что некогда было Мариной. Чёрные глаза удивлённо вспыхнули, будто увидели что-то важное. И хоть это уже не было лицом человека, я уверена, она улыбалась.

– Марина верила, что на старинных листках, которые они украли у колдуна, был написан заговор, позволяющий усыпить стражу и дойти до Скабинеи.

– Скорее всего, на этих листках был написан ритуал, превращающий человека в такую вот тварь. Видимо, чтобы проверить действие этих слов, колдун и выбрал себе жертву.

– Значит, у вас здесь нет ничего, что бы могло повредить людям? Никаких дьявольских игрушек?

– Нет. Но у нас есть кое-что, что в чёрных руках может стать сильным оружием.

– Что это?

– Рака с пеплом старшего брата нашей хозяйки. Когда она очнётся от сна, она окропит своей чистой кровью пепел, и брат её возродится. Но если худая кровь попадёт на пепел, вырвется из раки страшный демон, который будет новым бедствием для нашей земли. Но мы стоим на страже. И никому не отыскать место, где спит наша хозяйка.

– Вы меня отпустите обратно?

– Иди. Ты свободна.

– Простите, я хотела попросить вас, чтобы вы завалили вход сюда. Всегда найдётся желающие проверить ваши недра. Зачем лишние жертвы.

– Разве были здесь жертвы?

– Да. Я, по крайней мере, слышала про одну. Здесь, много лет назад, учёные изучали со своими приборами шахту, и провал, который образовался, так одного лаборанта утащили куда-то, и это видел сторож.

– А, это те люди, которые заставляли разрушаться наши проходы нестерпимыми звуками? И приносили ими сильное беспокойство не только нам, но и нашей хозяйке? Так мы его прочитали, как тебя, и отпустили. Потом мы научились отражать этот звук.

– А камни если снова здесь начнут добывать?

– Да, камни здесь красивые, необычные, больше нигде таких нет, поверь мне. Мы сначала их прятали, а потом решили, что когда хозяйка проснётся, так ещё краше сотворит.

Пусть ходят, собирают.

– Так меня же вы сюда затащили, а я даже камни не брала.

– Ты колдовала.

– Так вы завалите шахту, так, на всякий случай?

– Значит, ты всё-таки пришла со своим желанием. Ну что ж, посмотрим. Тебе пора возвращаться. Хочу тебе на память дать вот это.

Я почувствовала в руке маленький холодный камушек. Я подняла руку, которая снова стала лёгкой, и фиолетовый острый кристалл блеснул, отражаясь на моей коже.

– Спасибо.

Вокруг меня снова начали вспыхивать маленькие звёздочки-камушки, они зажигались с тихим шелестом, с каким-то нежным перезвоном, который радостью откликался в моём сердце. Они отражались друг от друга, загораясь немислимыми цветами. Розовый становился зелёным, потом золотистым, синим, лиловым, фиолетовым, снова розовым. Я не понимала, это я кружусь во все стороны, или камни крутятся вокруг меня. Потом камни исчезли, меня окружила полная темнота, и я услышала голос:

– Господи, она ещё и улыбается!

Это Илья. Откуда он тут? Мы же здесь были вдвоём с Сакатовым. Почему же так темно вокруг? Пятна какие-то зелёные. Нет, синие. Господи, так у меня же глаза закрыты! Я с трудом разлепила веки. В глаза ударил яркий свет.

– Оля, ты нас слышишь? – Сакатов нагнулся надо мной

и пошевелил меня за плечо. Потом подёргал меня за подбородок.

– Да. – Еле слышно проговорила я – Не тряси меня.

– Давай её посадим. – Снова заговорил Илья – Игорь, неси плёнку сюда. Да, вот здесь стели. Нормально.

Они усадили меня, и я снова закрыла глаза. Голова немного кружилась. И неприятный шум, словно работает трансформатор. Я прислушалась. Так это на самом деле трансформатор работает. Свет вокруг яркий.

– Грязная-то какая! – Это снова голос Ильи – Шахтёр, чёрт бы её побрал.

– Я долго там была? – Я шептала, громче говорить не получалось, сразу гудела голова.

– Двенадцать часов.

Они ещё что-то там говорили, а я провалилась в сон. Даже успели присниться какие-то бабушки, которые пытались прочитать рецепт. Через некоторое время в голове у меня прояснилось, я открыла глаза и сказала:

– Марина там, у них внизу. Она умирает. Но это не хранители её превратили в таракана, это на листках было написано. Колдун специально им подсунул этот заговор, обманул их, а они поверили, что можно разбогатеть. А там спит Горный Дух. Она уже не является демоницей, она теперь пытается научиться распознавать зло.

– Ну, тогда ей ещё долго не проснуться! – С оптимизмом воскликнул Илья – А ты как у них оказалась? И как они тебя

выпустили?

– Они меня к себе взяли, потому что я колдовала, даже сначала мне руки держали. В голове у меня порылись.

– Представляю, в каком они сейчас состоянии. – Ввернул Илья.

– А потом рассказали о Горном Духе, который спит. – Продолжила я – Потом показали Марину, боже, это так страшно! Но один из хранителей пожалел её, она сейчас не чувствует боли. Они не затаскивают к себе и не убивают людей. И лаборанта того они на самом деле отпустили, просто сторож об этом не знал. Там у них так красиво! Камни драгоценные везде, светятся, как радуга. Вот, мне один на память дали. – Я разжала руку и показала фиолетовый кристалл, он правда, был необычным, цвет очень глубокий, а внутри его словно звёздочки рассыпаны.

– Оля, так нам что теперь, можно колдуна здесь не карать? – Спросил Сакатов.

– Хранители, скорее всего, завалят шахту. Но надо подумать.

– А что, Марине уже никак не помочь? – Спросил меня Игорь.

– Нет, Игорь, обратного хода у колдовства нет. – Повторила я слова, сказанные мне – И самое главное, она ни за что пострадала, просто зря погубили женщину. Никаких желаний там, внизу, не исполняется, и не понятно, откуда они взяли это с Веней. Вернее понятно, колдун этим двум легко-

верным дурачкам листки и подкинул. Но там, где находится спящий Горный Дух, то есть Скабинья, есть кое-что. Рака с пеплом другого Горного Духа, её брата, и это может быть целью для того, кто хочет власти. Наверное, у колдуна есть свой план, раз он направил к хранителям Марину. Игорь, может ты про Веню этого ещё что-нибудь вспомнишь? Наверняка тебе Марина про него ещё какие-нибудь подробности рассказывала. Ты же сам говорил, что она только про него и говорила. Где они, кстати, познакомились?

– Так, надо вспомнить. Это она мне точно рассказывала. – Он задумался – Он её до города подвёз на своей машине.

– Откуда?

– Из Синего. Она на остановке стояла, автобус ждала. Он ехал по трассе, остановился и предложил довезти до города.

– И она села к незнакомому парню в машину?

– Да что ей! Она ведь отмороженная на всю голову.

– Значит, он знал, что она из горняцкого посёлка? Так?

– Получается, что да.

– Так не было ли это им спланировано заранее?

– Не знаю.

– Хорошо, вспоминай ещё. Про какие ещё поездки или случаи она тебе рассказывала. И позвони своим друзьям. Подумайте вместе.

– Он им пообещал исполнение желаний, а у самого у него были другие планы насчет этого места. Хитрый. – Сказал Сакатов. – Значит, ему так и нужно было, изначально, чтобы

она умирала в пещере, где рядом спит Скабиinea! Что-то в этом есть, пока не могу ухватить, но ... – Он наморщил лоб, а потом хлопнул по нему ладонью – Знаешь, в квантовой физике есть уравнение, суть которого заключается в том, что если две системы взаимодействовали друг с другом длительное время, а потом отдалились друг от друга, они хоть и считаются разными системами, но продолжают влиять друг на друга, даже на расстоянии многих световых лет. У этого колдуна хитрый многоходовый план. Может он как-то пытается действовать через Марину? Я предлагаю заговорённую верёвку здесь всё-таки оставить. И проверять наши силки, не залетит ли сюда птичка.

– Да Вы, сударь, поэт! – Усмехнулся Илья.

– Я такой! – Подхватил Сакатов – И так, объявляется вторая часть операции. Выявить и обезвредить таинственную личность, которую мы пока называем «колдун». Нам срочно надо узнать, кто он и где он. Пока мы можем его караулить только здесь, пока не найдём того, с кем он общался. Веню. Где этот неудачный искатель сокровищ, мы тоже пока не знаем.

– Так мы пока вообще ничего не знаем. – Сказала я – Единственная ниточка к Вене оборвалась вместе с Мариной. А если он ещё, к тому же, и настоящий сильный колдун, та верёвка, которую мы здесь запрячем, надолго его не удержит.

– Давайте сегодня оставим всё как есть, отдохнём... – Начал Сакатов.

– Отмоемся! – Подмигнул мне Илья.

– Да, и завтра с новыми силами возьмёмся за колдуна.

Глава 6. Ким.

Мы спрятали верёвку под слой песка и земли, прикрыли ворота шахты, как и было раньше, причём сразу и не поймёшь, что двери не закрыты на замок, так как створки очень плотно примыкали друг к другу. Игорь нам обещал хотя бы раз в день, а если получится, то и два, проверять, не попал ли кто в нашу ловушку. В квартире Марининой, в Синем, они с Ильёй побывали, там всё разбросано, листков тех старых сговором нигде нет. Илья нас повёз с Сакатовым по домам, а Игорь пообещал завтра с самого утра, до работы, заехать к Вене домой, узнать, вернулся он или нет. Если он дома, он нас с Сакатовым вызовет, и мы пытаемся у Вени узнать всё про колдуна.

Я зашла домой, прошла сразу в ванну, наполнила её горячей водой, всякими маслами и солями и погрузилась в ласковое тепло воды. Я дремала в ванной, а сама всё думала о Маринке, бедной несчастной Маринке, так и не догнавшей своё счастье. Бежала, бежала она за ним, а оказывается, совсем в другом направлении бежала. Теперь даже могилки от неё не останутся. Когда я вспомнила это чудище в углу пещеры, дрожь пробежала по моему телу.

На следующее утро я уже бодро шагала на работу, вспоминая вчерашний странный день, как сон. Открыв аптеку,

я машинально разложила коробочки с витаминами, которые Наташа получила ещё вчера, но на витрину не выставила. И только тут я увидела, что у дальней витрины с эфирными маслами, стоит ко мне спиной невысокий мужчина в длинном пальто, и делает вид, что разглядывает продукцию, а сам наблюдает за мной через отражение в стекле. Я не подала виду, что заметила, но высунула из окошечка кассы руку с салфеткой, якобы протирала снаружи стекло, чтобы почувствовать, колдует дяденька, или так стоит. Не хочу как-то себя принизить, но за мной, обычно, мужчины не наблюдают, поэтому романтика сразу, как вариант, отпала.

Я усиленно протираю стекло, а он усиленно разглядывал меня в витрине. Я не выдержала первая.

– Вам что-то подсказать? – Спросила я.

Он переступил несколько раз на одном месте, потом повернулся ко мне, и мы оба поняли, что знаем, кто мы, и ломать комедию нет смысла. Ко мне явился колдун собственной персоной.

– Вы встречались с ними? – Спросил он, повернувшись ко мне, к окошку он не торопился подойти.

– Да. И я совсем не понимаю, зачем Вы так рвётесь туда, это бессмысленно.

– Не понимаете, так не рассуждайте об этом. Избавьте меня от своих комментариев. – Зло сказал он.

– А зачем тогда Вы пришли сюда?

– Чтобы Вы убрали свой охранный знак.

– Быстро же Вы среагировали. А как Вы меня нашли?

– Я Вас и не терял. Так когда Вы его уберёте? Сегодня сможете? Я могу отвезти Вас туда.

– Я Вам не наивная девочка Марина. Я не собираюсь с Вами никуда ехать, тем более, чтобы знак убирать. Не знаю, на что Вы надеялись, когда шли сюда.

– На то, что Вы всё-таки разумный человек, и догадаетесь, что я не пришёл бы к Вам просто так. У меня к Вам деловое предложение.

– Желание моё исполнить? Это глупо. Я же Вам сказала, что была там, у хранителей, и теперь имею представление, чего Вы добиваетесь. И, кстати, одно моё желание они обещали выполнить.

– Повезло. Вы молодец. Нет, я не собираюсь Ваши желания выполнять. Но я могу Вам помочь обрести ценный дар, а он очень дорогого стоит, тем более, что Вы хотите помогать людям. Это дар поможет Вам отыскивать пропавших людей. Причём не важно, чем Вы будете пользоваться, картой, фотографией, какой-то вещью человека, или воспоминаниями ищущего индивида. Согласитесь, достойная цена. У Вас ведь, как я понимаю, нет никаких особых талантов. Ну, чувствуете Вы, что рядом творится колдовство, ну, чужие заговоры читаете, заклятия накладываете, тоже готовые. Так это даже на троечку не тянет. По десятибалльной шкале. А тут такое ценное качество. Поверьте, после этого Вам не придётся в аптеке бутылки переставлять.

– Откуда Вы про меня всё знаете? – Удивилась я.

– Потому что у меня десятка по десятибалльной шкале.

Поверьте, я не хвастаюсь.

– Так если Вы такой ас, что же тогда охрану мою не можете просто перешагнуть?

– Потому что это заклинание Вам досталась от человека, у которого по десятибалльной шкале – двадцать. Не знаю, почему он с Вами поделился таким ценным ритуалом, очень опрометчиво, я считаю. Профаны не должны обладать такими серьёзными знаниями.

– Потому что есть светлые колдуны, которые не о своих выгодах пекутся, а чтобы добро восторжествовало, а есть тёмные, такие как Вы, которые, точно, никогда не помогут никому, а если будет возможность, ещё и толкнут в пропасть.

– Я же Вам тоже сейчас предлагаю хорошую полезную способность.

– Вы не делитесь со мной, чтобы я помогала людям, а с помощью её пытаетесь выторговать себе выгоду.

– Это просто разовая услуга с Вашей стороны, а отыскивать людей Вы сможете всю жизнь.

– Я не хочу с Вами иметь дело. Вы Марину погубили, с Веней неизвестно что, и где он. И если Вы рвётесь в шахту, значит, замыслили, что-то дурное. Вы – зло.

– Марину погубил? – Он посмотрел на меня удивлённо – Ну-ну. Ад пуст. Все бесы здесь. Это не я сказал, а Шекспир. Подумайте, зачем сразу говорите «нет», для меня это просто

вопрос времени.

– Учтите, я предупредила хранителей, что Вы хотите попасть к ним. Они сейчас настороже. А у них Ваша десятибалльная система, скорее всего, вызовет только смех. Вам и не снились такие силы.

– Так мне и не к ним, собственно, надо. У меня нет желания с ними встречаться.

– Тогда скажите цель, и я, может быть, открою Вам ход.

– Ха, остроумно.

– Вы даже имя своё мне не сказали, это значит, что собирались меня банально обмануть.

– Ну, скажу Вам, что я Иван Иванович, что Вам это даст?

Вы же понимаете, что истинное имя я Вам не скажу.

В аптеку зашла молодая мама с ребёнком лет четырёх. Ребёнок заревел на всю аптеку, потянув женщину обратно на улицу.

– Так что? – Нетерпеливо спросил колдун.

– Нет.

Он развернулся и быстро вышел из аптеки. Зачем, спрашивается, приходил, вряд ли он рассчитывал на то, что я ему зажгу зелёный свет в шахте. Один плюс – я теперь знаю, как он выглядит. Другой вопрос, зачем мне это. После того, как я отпустила покупательницу с орущим ребёнком, я сразу позвонила Сакатову. Он, оказывается, всю ночь работал, поэтому так рано не планировал просыпаться. Услышав, что ко мне приходил колдун, сон с него моментально слетел. Вы-

слушав меня, он сказал:

– Знаешь, Оля, как правильно сказал этот таинственный Иван Иванович, чтобы снять с верёвки замок, это вопрос времени, поэтому совсем не понятно, зачем он приходил. Нет, правда, зачем ему нужно было светиться перед тобой? Какая-то комедия. Для одного зрителя, для тебя. Где-то фальшь, а где, не пойму. Ладно, пойду, умоюсь, позавтракаю, голова включится, подумаю, тогда и перезвоню.

Вечером он мне позвонил уже поздно, и признался, что его заинтересовала совсем другая история. Вроде и нет ничего общего с нашей, но почему-то она ему зашла, и он не может её отпустить из головы. Бесполезно ему было говорить, что я его историй уже наслушалась, поэтому разрешила мне её рассказать.

– Она короткая, не волнуйся. Меня заинтересовала судьба одного мастера, он умер лет двадцать назад, ему тогда было лет восемьдесят. Владимиром его звали. Он в войну работал на военном заводе, потом на пенсии с женой переехали в деревню, где-то под Камышловом. Руки у него были золотые, он всю жизнь у станка стоял, детали точил. И по дереву у него получалось, разные там нужные вещи в хозяйстве вытачивал. И плотницкое дело знал, и с металлом тоже проблем не было. И всё с душой, и вещи получались оттого у него хорошие, качественные, служили долго. Всё хорошо он делал. Только характер у него был тяжёлый. Неуживчивый, всё он в словах людей подвох какой-то искал. Поэтому и друзей у

него никогда не было. Не верил никому. Жена у него была смиренная, тихая, никогда с ним не спорила, поэтому и жили вместе долго. А дети даже в гости не хотели ехать к нему. Достал он их всех. Так вот, переехали они в ту деревню, а там, напротив их дома, соседка жила. Не простая, сразу скажу, лечила немного, что-то там гадала, люди её знахаркой называли. Она было женщина отзывчивая, сразу по-соседски знакомиться пришла, спросила, чем помочь. В деревне ведь, знаешь, всё по-простому. А прежний хозяин, когда Владимиру дом продавал, предупредил, что напротив гадалка живёт. Вот Владимир и ответил ей грубо, чтобы она не путалась под ногами, а шла бы к себе домой, да карты раскладывала, людей морочила. Ей, понятное дело, это не понравилось, она смолчала, но запомнила. А дело ведь такое, соседское, совсем не проигнорируешь друг друга. Вечером того же дня у него лампочка перегорела в доме, а искать новую в коробках не распакованных в темноте, сама понимаешь, как это. Владимир к ней, а она в ответ фыркнула, мол, зачем ко мне ходить, коли вам я мешаю, сижу вот тут, карты раскладываю, никому не мешаю, и мне не мешайте. Вот так, как клубок, и пошли наматываться обида на обиду, грубость на грубость. Началось между соседями то, что особенно бесы любят – вражда. И начали бесы нашептывать каждой стороне, распалять, не давая затухнуть злобе и недовольству. Знахарка эта тоже с характером была, только до поры до времени никто не шевелил её, вот она и не показывала свой но-

ров. Талантов к колдовству у неё не было, так ведь на то, чтобы навредить кому, их много и не нужно. В такие минуты бесы очень помогают, усиливают, как могут. Кинет знахарка слово какое, смотришь, у соседей уже куры все пали, головой мотнёт недовольно – неделю хозяин проваляется в лихорадке. Сосед тоже от неё не отставал. Она за порог – а он полил чем-то яблоньки у неё перед домом, и всё, почернели, бедные. Или провод выдернул с антенны, ей пришлось на крышу лезть. В петли песка насыпал, еле ворота стали открываться. Вот так, сначала мелкие неприятности они друг другу насылали, а потом дошло до того, что у знахарки дом загорелся ночью, а она сама еле успела выбежать на улицу. Тушили всей деревней, остался от дома один угол да печка. Сидит знахарка на чёрной обгоревшей балке, слёзы по лицу катятся. И так ей горько и обидно стало, что она всем сердцем возжелала, чтобы соседа её кондрашкахватила, чтобы не мог он пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы только лежал и глазами хлопал. А время было перед самым рассветом, сумерки. И выплывает перед ней рожа, вся чёрная, рогатая, она сначала даже вздрогнула, испугавшись. А рожа её спрашивает: «Ты точно решила, что именно кондрашка его должна хватить? А может пусть молния лучше его убьёт?» Знахарку оторопь прихватила, а рожа ухмыляется, дальше её подначивает: «Можно его, знаешь, как сильно напугать, до полусмерти, а? Он трястись до конца дней своих будет, или штаны свои будет мочить при каждом стуке, хе-хе, вот

потеха-то!» Знахарка вдруг поняла, что они с соседом тут натворили, кому на откуп свои жизни заложили, и говорит ему: «Сгинь, нечистый! И не приходи больше ко мне! Чёртово отродье!» Встала она, пошла к соседу, и попросила прощения за всё, что сама творила. Да только сосед её, видимо, не понял ещё, куда дорожка его ведёт. Начал ей выговаривать, мол, за дело её так жизнь наказала, то да сё. Знахарка ничего ему на его проповеди не ответила, повернулась, и пошла на свои головёшки. Дом ей помогли отстроить этим же летом, всем миром строили, она ведь к людям добра была, вот и вернулось ей всё её добро, хоть она и не ждала того. И вот, прошло время, сидит она в своём новом доме, чай пьёт, в окошечко смотрит. Видит, сосед ворота открыл, на своём мотоцикле с коляской выезжает, в лес собрался. Она поздоровалась с ним, а он голову отвернул от неё, будто не видит. Она ему и говорит: «Владимир, ты на меня зла не держи, и если тебе какая помощь будет нужна, обращайся». А он ей отвечает: «Да я лучше к чёрту лысому обращусь за помощью, чем к тебе!» Уехал. День копалась она в своём огороде, к вечеру пошла к колодцу по воду, а там соседка, жена Владимира стоит. Увидела её и запричитала, что муж должен был вернуться после обеда, а всё нет его, она не знает, что и думать. И к ночи Владимир не вернулся домой. Утром к знахарке стучится соседка, ревёт в голос, надо, говорит, людей собирать да искать Владимира, чует её сердце, что беда с ним приключилась. Собрали они всех, кого нашли, да и пошли

в лес. Целый день искали, а следов его нет. На следующий день снова пошли, тоже безрезультатно. Неделю так искали, а потом, у всех ведь свои дела, остались искать его только жена его да знахарка. Каждое утро они собирались, и шли в лес. Но он как сквозь землю провалился. Потом надоумили их, что надо в контору позвонить, пусть милицию вызовут. Но и милиция не нашла его. Так прошёл год. Никто уж и не надеялся, что найдут Владимира живым. И вдруг под вечер, когда народ, после своих трудов крестьянских, выполз на улицу, чтобы с соседями на лавочке покалякать, смотрят, а по улице Владимир идёт. Жив-здоров, только худой такой, и одежда вся в лохмотьях. Народ затих, никто с места не двинется, так все обомлели. А Владимир подошёл к знахарке, поклонился ей и сказал, положив руку на сердце: «Прости ты меня, соседка моя милая, дурака старого, за всё прости, и вы все простите меня, люди добрые!» И рассказал им, что в тот день, год назад, поехал он по лесной дороге, а она от дождя вся размокла, по колено месиво. Вот и застрял он, ни взад, ни вперёд, словно в резине завяз. Сам весь в грязи, мотоцикл весь в грязи. И так засосало, что он решил мотоцикл бросить и с трактором за ним вернуться. Да только хлоп, хлоп, а ноги в сапогах он тоже не может из грязи вытащить. Он так намаялся, что решил ноги из сапог вытащить, и босиком до сухого места дойти. Но ноги так разбухли, что он их из сапог никак вытащить не смог. Умаялся весь. И вдруг видит, что на пассажирском сиденье чёрт сидит. Именно такой, каким

его на картинках рисуют – мохнатый, с хвостом, с рогами, копытами, глаза адским огнём горят. Говорит ему чёрт: «Ну что, проси помощи у меня, или тут сгинуть хочешь?» Владимир на него плюнул, креститься начал, а тот только посмеивается: « Да хоть лоб расшиби, я ведь знаю, что ты неверующий. Помочь тебе? Что ты боишься? Если бога нет, так и меня, значит, нет. Или ты веришь, что я есть?» А Владимир уже так обессилел, что пот градом с него льётся, ноги ломит от холодной жижи, того и гляди рухнет в грязь. Он держится одной рукой за мотоцикл и говорит чёрту: « Ну, ладно, помоги, чего ждёшь?» Только он успел этот сказать, мотоцикл как рванёт из грязи, и Владимир вслед за ним из грязи вылетел. Смотрит, а чёрта нигде нет. Усмехнулся он про себя, думает, чего только от усталости не почудится! Почистился немного, руки о траву вытер, попробовал включить зажигание, всё нормально, мотоцикл работает. Он сел и поехал. Едет, а сам дорогу не узнаёт. Вроде и знакомо всё, а как-то по-другому. Только подумал так, как лес внезапно кончился и выехал он на пустое место. Трава там чёрная, и вроде немного дымится, небеса хмурые, большие камни раскиданы кругом, и на самом большом валуне чёрт сидит. Увидел Владимира и говорит ему: «Вот видишь равнину? Надо все камни на границу её перетаскать, начинай прямо сейчас, да смотри, чтобы ровненько они лежали, иначе я снова их раскидаю». Владимир хотел сразу же развернуть мотоцикл, чтобы обратно уехать, но тот больше не завёлся. Владимир соскочил с него

и кинулся по дороге обратно в лес, откуда приехал. Бежал, бежал, задыхаться начал, смотрит, уже просвет, выбегает, а там снова это чёрное поле, и чёрт на валуне сидит. Говорит снова ему чёрт: «Бегай, сколько хочешь, если времени тебе не жалко. Если до следующей луны не успеешь, камни раскидаю, и снова их собирать будешь. Да, ещё, чуть не забыл тебе сказать, я ведь кормить тебя не собираюсь, так что работай, пока не проголодался». Первый раз Владимир до полной луны только половину камней стаскал к границе, поэтому на следующее утро камни снова лежали на своих местах, словно он и не трогал их, как и предупреждал его чёрт. К следующей луне он уже больше половины камней растаскал, но опять всё повторилось, как и первый раз, камни на новую луну снова лежали по всей поляне. Чёрт его не кормил, но Владимир выкапывал корешки из земли, трава хоть и была сгоревшая, но коренья у неё были сочные. Иголки сосновые ел, шишки пытался сосновые глотать, но они горькие, с них пить хотелось, а воды там вообще не было. Просто чудом можно назвать то, что он от голода и от жажды не умер. А ещё и камни таскал целыми днями. Но, раз за разом, он всё больше камней растаскивал. А предпоследний раз только один камень остался лежать на поляне, но на него не хватило сил, и Владимир рухнул рядом с ним, глядя вверх на безразличную луну. И только на двенадцатый раз он убрал все камни с поляны. Утром проснулся, смотрит, а он лежит в своём родном лесу, солнышко встаёт, небо голубое над го-

ловой. От всего сердца он поблагодарил Бога, что целым и невредимым из этой заварушки вышел. Мотоцикл свой он не нашёл, видать, на той чёртовой поляне остался. Но он даже не расстроился, а быстрее в деревню свою пошёл. Вот такую историю рассказал им Владимир. Конечно, народ верил и не верил ей. Но то, что он пришёл только через год домой, это даже в протоколе милицейском есть. Другое дело, что он не сказал в милиции, что на чёрта целый год работал.

– Как я понимаю, мораль такова: в кабалу к чёрту можно попасть незаметно для себя, если с людьми плохо обращаешься. – Вздохнула я – Но ты ведь понимаешь, на самом деле нет такого поля, где чёрт заставляет камни носить. Это аллегория.

– Я знаешь, о чём подумал. Может, этот Иван Иванович и не был раньше плохим человеком. А был просто любопытным. А сейчас его кто-то толкает к тому, чтобы он совершил определённое злое действие. Мы ведь не знаем, что именно он хочет сделать. То, что ему нужна волшебная рака с пеплом, так это тоже только наше предположение.

– Так у тебя есть какое-то конкретное решение?

– В общем, да.

– Какое?

– Ловушка для демона.

– А не мелковат ли наш с тобой масштаб против демона?

И не придётся ли нам с тобой после этого самим камни таскать по полянкам.

– Я нашёл обряд изгнания демона из человека.

– В интернете? Поздравляю! Этот обряд, скорее всего, сам демон и написал. Похохотать. Предлагаю, лучше Анне позвонить, и у неё спросить, как можно у колдуна его способности отобрать. Это будет надёжнее.

– Я позвоню, если ты настаиваешь. Но обряд изгнания демона написан одним человеком, которого близко знал мой товарищ, Лапшин, я тебе про него говорил. У него там была история...

– Алексей Александрович, на сегодня хватит историй. Всё. Спи спокойно, дорогой товарищ, до завтра.

Я положила трубку, но уснуть сразу не получилось. Тоже думала про Ивана Ивановича. Совсем не колдовская у него внешность. Не похож он на злодея. Но ведь мне и Аня часто говорила, что зло не обязательно должно выглядеть киношному.

Только я начала засыпать, раздался телефонный звонок. Звонил Сакатов. Причём так настойчиво, что я поняла, что это не очередная его история не даёт ему спать.

– Оля, Марина домой вернулась! – Оглушил он меня криком.

– Марина? Как ей удалось доползти? Она же там умирала! Они что, её вылечили?

– Нет, она человек! Она только что была у бабушки Игоря, говорит, ключи потеряла, запасные у неё взяла, вся худая и замученная, но она человек!

– Ничего не понимаю. А кто тогда в шахте сидит? Веня?

– Скорее всего. Раз Марина не превратилась в таракана, значит, это произошло с Веней. Если у них ещё одного участника не было. Надо будет прямо с утра к ней ехать. Игорь сказал, что заедет часам к семи за мной, потом мы за тобой заедем.

– Так, и где она была эти дни? Телефон был недоступен.

– Вот завтра всё и узнаем.

Я положила трубку, но сон как рукой сняло. Так что же у них там произошло? Не знаю, во сколько уж я там уснула, но проснулась я оттого, что в домофон мне звонил Сакатов.

День опять был хмурый, мы ехали по почти пустой трассе, на окне машины была мокрая пыль, то ли дождь, то ли туман.

– Я сегодня почти не спал. – Сакатов повернулся ко мне – Сначала думал, как нам избавить хранителей от домоганий демона, потому что тот не успокоится, пока ракой не завладеет. Вдруг хранители не смогут её защитить. Они ведь не так сильны, как Горные Духи, они просто его слуги. А демоны очень хитры. И даже, если мы у колдуна его силы отберём, демон-то останется. Что ему стоит нового исполнителя найти? Потом, когда узнал, что Марина вернулась, всё ещё больше запуталось в голове. Мы топчемся на месте. Да, Оля, в этот раз мы никому не помогли, никого не спасли. Просто ездим и разговоры разговариваем.

Я не выспалась, поэтому на его слова я никак не отреагировала, а просто отвернулась к окну и сделала вид, что сплю.

Сакатов прав. Мы никому не помогли.

Дверь открыла невысокая женщина, с всклокоченными короткими волосами, в растянутой длинной футболке, и с опухшими глазами. Она удивлённо оглядела нас, и что-то хотела спросить, но Игорь отодвинул её рукой, делая шаг в коридор, и спросил:

– Что, допрыгались? Это Веня сейчас в костюме засушенного таракана в шахте сидит?

Марина отступила и испуганно спросила его, голос у неё был хриплый, и она немного растягивала слова, будто заикаясь:

– Где он? Он в шахте?

– А где ты его потеряла? – Серdito спросил он её, потом махнул рукой нам, приглашая зайти – Это Марина. Собственной персоной. Жива-здоровая, две руки, две ноги, голова. Или опять стала человеком, или благополучно избежала тараканью стадию. Сейчас расскажет. А это Алексей Александрович и Ольга Ивановна. Они специалисты по таким вот нестандартным ситуациям.

Мы прошли в квартиру, в которой был полный бедлам. Шкафы открыты, на полу валялись вещи, какие-то книги, журналы, даже столовые приборы. Марина надела тапки, прошлёпала на кухню, там налила воды в чайник и поставила его греться. Мы расселись вокруг стола, Марина сгребла с него всё, чем он был завален, и перекинула это на диван.

– Марина, я видела Веню в шахте. – Начала я, когда Ма-

рина села рядом – Правда, я сначала думала, что это ты. Он умирает, а может уже умер. Мы знаем, что он и в ангар к Игорю забирался недавно. Хозяина Вениного я тоже видела. Он тебе никаких приказаний не давал? Расскажи нам, что у вас произошло.

– Это какой-то ужас. – Марина закрыла ладонями глаза – Я три дня сидела в Вениной квартире, ждала, когда он вернётся. Что мы наделали! Как я буду жить без Вени! Я же поняла тогда, что всё это только уловки его проклятого хозяина, но не смогла остановить Веню. Нам хозяин сказал, что такое его состояние временное, Скабиней ему поможет. Веня не хотел в шахту спускаться, мы его связали, довезли до неё, но как только остановились, он выпрыгнул из машины и побежал в лес. Ким сначала кинулся его догонять, потом вернулся, сказал, что потерял его из виду, даже не знает, в какую сторону он побежал.

– Кто такой Ким, это хозяин Вени? – спросил Сакатов.

– Да. – Кивнула Марина – Ким сказал, что раз Веня убежал, теперь мне самой придётся в шахту подклад нести. Но я уже видела, во что превратился Веня, поэтому я, конечно, отказалась. Но Ким меня убеждал, что если мы хотим хорошо жить и ни в чём не нуждаться, то надо приложить к этому усилия. Я тогда спросила, а почему он сам не прочитает скоп, и не отнесёт подклад в шахту. Но он сказал, что прочитать скоп и отнести подклад это полдела, главное, это справиться со Скабинеей, пленить её. Тогда она и будет выполнять все

наши приказы, в смысле, желания.

– А что за подклад надо было отнести? И почему его нельзя было отнести в своём нормальном облике, в человеческом?

– Подклад у Кима остался. Это цепочка железная, а к ней прикреплены острые звёздочки. А человека туда не пустят. Там есть какая-то блазнь, через которую человек дальше не может пройти без разрешения хранителей того места. А любое другое существо может.

– Блазнь, значит обман. – Пояснил Сакатов. – Вполне возможно, что ты, Оля в этой блазни и была тогда. Сверкающая комната с алмазными стенами. Похоже, она и является ловушкой. Интересно. Продолжай, Марина.

– Я всё равно отказалась, он разозлился, я листки эти со скопом, когда он мне их совал, откинула, их ветром раздуло, он их начал собирать, а я убежала. Сначала я один день сидела здесь, в Синем. А потом уехала в город. Веню ждала. Он слышал, как Ким говорил, что в шахте можно вернуть человеческий облик, поэтому я надеялась, что он вернётся в шахту, и сделает это. А вчера вечером сижу там дома, слышу, ключ в двери поворачивается, я поняла, что это Ким. Я под диван залезла. Слышала, как он по всем комнатам прошёл, потом зашёл к Вене в кабинет, минут пять там пробыл и ушёл. Я вечером сюда поехала.

– А телефон зачем отключила? – Серdito спросил Игорь.

– Потому что мы с Веней купили другие номера, чтобы

только мы про них знали. Я симку в телефоне поменяла.

– Марина, так я не поняла, как так получилось, что твой Веня жуком стал? – Снова спросила я Марину – Вы знали, что это за заговор на листках, который ты называешь скоп, знали, к чему он приведёт?

– Сначала нет. – Она вздохнула – Да разве бы мы прочитали этот проклятый скоп, если бы знали, что потом случится! Веня, когда принёс эти листки со скопом домой, сразу замашки у него появились, будто он уже миллионер, мы с ним даже поссорились из-за этого. Я потом незаметно вытащила у него листочки, и уехала сюда. Думала, что сама разбогатею, без него, и ещё подумаю, мириться ли с ним потом. Одна я боялась это делать, да и в шахту одной страшно было идти. Вон Игоря позвала, он отказался. Никто не захотел со мной идти. Веня мне позвонил, мы с ним помирились, я вернулась домой. Мы с Веней выставили квартиру на продажу, загранпаспорт мне начали оформлять, думали, как всё получится, быстро свалим за границу, чтобы Ким нас не сцапал. Веня его очень боялся. А потом сам хозяин вечером неожиданно появился у нас. Для Вени это тоже было большой неожиданностью, когда Ким зашёл к нам в гостиную, открыв своим ключом входную дверь. Мы, конечно, испугались. Я думала, он нас убьёт. Веню он скрутил в три погибели, хотя и пальцем к нему не прикоснулся. На меня взглянул так, что меня всю заколотило. Помучил нас так, потом смилостивился, сказал, что ему нас жалко, он к Вене уже привык, чуть ли не

сыном своим его считает. Бла-бла-бла. И сказал, что мы не совсем правильно понимаем, что это за скоп, и как им надо пользоваться. Сказал, чтобы получить богатство, надо сначала пройти через блазнь, а человек не может, ну, я вам это уже говорила. И что если и станешь существом, так ненадолго. И существо это волшебное, ничего страшного в таком превращении нет. Веня разомлел, я видела, что он поверил ему. Но я уже не верила Киму, ни единому его слову. Когда Ким ушёл, я Вене сказала, чтобы он ничего не делал, что у меня внутреннее чутьё подсказывает, что это приведёт только к несчастьям. Веня надо мной только смеялся. Опять мечтал, что работать не будем, а на нас будут работать. Бесплезно его было переубеждать. И как только настал день, в который можно было проводить скоп, Веня его и провёл. Сначала мы ничего не поняли, потому что ничего не произошло, ничего не изменилось. – Она обхватила голову руками и заплакала.

– Он в городе был, когда скоп проводил? – Спросил Сакатов.

– Конечно. В своей квартире. – Ответила Марина, вытирая слёзы – Просто сел на диван, и начал читать. Я сидела рядом. И так это было обыденно, что я подумала, что ничего не выйдет у него. И вообще, я думала, что если делают какой-то колдовской обряд, так и атмосфера должна быть другая, особенная. Прочитал он скоп, отложил листки, сидит, молчит. А листки эти со скопом вдруг начали заворачиваться, сами собой, и шипели. И тогда мы поняли, что всё произошло.

Потом мы спать легли. Утром он встал позже меня, ходит по квартире, поёт. Пошёл в душ. И как там закричит! Я забежала туда, он лежит на полу, мокрый, а кожа вся в красных точках, словно сосуды полопались. Глаза тоже. И холодный такой. Я хотела его поднять, но он закричал на меня, чтобы я его не трогала. Ему было больно. Он ревел. Потом немного успокоился, вышел, лёг на диван. Вроде и кожа у него перестала болеть. Только к вечеру он уже буквально на стены от боли лез. Красный опять стал, дышать громко стал, выгибается, всего его скрутило. И в течение следующих трёх дней такие припадки всё повторялись и повторялись. Я позвонила Киму. Он ответил, чтобы Веня терпел, это всё нормально, и спросил меня, как он выглядит. А с Вени кожа клочками начала сходить. И похудел он очень. Совсем ничего не ел, только пил. Он сохнуть начал. А потом начал кутаться, всё мёрз. Я начала его бояться. Руки у него вытянулись, голова тоже, кожа у него стала, будто клеёнка. Щёлкать стал между словами. Я снова позвонила Киму. Он приехал, посмотрел, сказал, чтобы я его не боялась. Что уже скоро всё закончится. Я хотела уехать сюда, но он сказал, что если я уеду, все мучения Вени будут зря. Я снова осталась с Веней. Он перестал кричать от боли, уполз в свой кабинет, и дверь закрыл, не пускал меня. И тихо так в кабинете стало. На следующий день я решила заглянуть, посмотреть, что с ним. Когда я открыла дверь, у меня подкосились ноги. В углу, в бумагах, сидел огромный жук. Я закрыла дверь и позвонила Киму. Ким

приехал к нам этой же ночью, и мы стали собираться в шахту. Но Веня не хотел ехать, он упирался. Тогда Ким сказал, что надо его связать. Заставил меня его держать, а сам стал его верёвкой опутывать. У Вени что-то хрустнуло, и он упал. И на меня посмотрел, так жалобно! Я поняла, что мы ему больно сделали. Даже заревела. Ким на меня кричал, чтобы я не раскисала. Потом мы его в простынь закутали, Ким его взял на руки, и мы пошли к его машине. Веня перегрыз верёвку за дорогу, и когда мы до отвалов доехали, он сразу же побежал в лес, пока Ким доставал из багажника подклад и был занят. Он хотел его Вене на шею повесить.

– Он приходил ко мне в ангар. – Сказал Игорь – Перепугал нас до чёртиков.

– Я ему этот твой ангар несколько раз показывала, когда мы мимо него по трассе проезжали, по пути в Синий. Наверное, он хотел, чтобы ты меня нашёл.

– И как бы я это понял? – Игорь помотал головой – Что же вы натворили!

– А что Ким тебе говорил про этот подклад? – Спросил Сакатов.

– Только то, что его надо в шахту пронести, туда, к Скабене. И что человек это не сможет сделать.

– Караулить у шахты Кима бесполезно. – Сказал Сакатов – Теперь он будет новую жертву себе искать, чтобы подклад на шею повесить. А для этого нужно время.

– Так может он сам теперь жуком станет? – Спросил

Игорь.

– Сомневаюсь, – покачал головой Сакатов – после того, что он видел, каким стал Веня, он точно не решится на это. К Марине он вряд ли обратится. Тоже понимает, через что она прошла.

– И что нам делать? – Спросила я – Ждать, когда новый таракан появится? Так мы можем это и не увидеть. Теперь он умнее будет, где-нибудь в укромном месте нового таракана сделает, и охранять его будет тщательнее.

– Мы можем узнать, где он живёт. По номеру его машины. Марина, ты номер её запомнила?

– Да. Только у него на одной машине оба раза, когда он приезжал, были разные номера.

– Хитрый, собака. – Игорь задумался – Марина, придётся тебе ему позвонить и сказать, что ты согласна.

– Как я позвоню, если его номера не знаю? – Марина развела руками – Я же с Вениного телефона звонила!

– А где Венин телефон?

– В квартире у него остался. Но потом Ким же туда приходил, он мог забрать телефон.

– Поехали, собирайся. – Игорь встал – Не будем терять времени. Вдруг телефон ещё там. А новые симки вы на чей паспорт оформили?

– На мой.

– Прекрасно, если телефона нет, тогда распечатку возьми.

Мы вышли на улицу, пока Марина собиралась. Посёлок ещё спал, или просто, люди не спешили выходить на улицу, в серую холодную морось.

– Не представляю, что будем делать. – Обречённо проговорил Сакатов – Ким может и не клюнуть на Маринин звонок.

– Интересно, а на расстоянии можно его силы забрать? – Спросила я.

– Нет, конечно. Мы и рядом с ним, скорее всего, не сможем это сделать. Оля, а позвони-ка ты Анне, спроси, что за подклад такой, цепь со звездочками, может и беспокоиться не о чём.

Аня ответила сразу же. Выслушав меня, она сказала:

– Есть о чём беспокоиться. Это действительно, очень сильный подклад. Называется крестец. Развеять может любого, против которого будет подкинут. Именно развеять, а не перенести, не заморочить. Это если он против человека работает. А против Духа, там другое действие, не могу сказать какое, но вполне возможно, что это полное подчинение. Единственные его минусы, как артефакта, это не большой радиус, который он охватывает. В вашем случае, это хорошо, вам только играет на руку. Поэтому, Киму надо как можно ближе подобраться к крестцом к усыпальнице Горного Духа. И в это же время самому неподалёку от него находиться. Если у него это получится, он без труда заберёт стрелу.

– Стрелу? Какую стрелу? Ты имеешь в виду раку?

– Нет, я имею в виду стрелу. Ту, которой беса вышибло из сердца Скабинеи.

– Ничего не понимаю. А то, что если в пепел Горного Духа каплю крови капнуть, и себе слугу-демона можно получить? Разве не за этим Ким спускается к усыпальнице?

– Это настолько всё сложно, насколько и невыполнимо. Кто сделал Горного Духа Скабинеей, заставив себе служить? Верховный демон. То же самое и с пеплом Горного духа. Предположим на минутку, у Кима получилось, и он завладел ракой. Ему надо с ней прямиком в преисподнюю спускаться, на поклон к великим герцогам ада. Чтобы они своей кровью сотворили очередное чудовище. И скажи мне, какой интерес у Кима от этого? Неужели, ад, получив ещё одного демона, уступит его Киму для услужения? То-то и оно. Ким, наверняка, не дурак, и понимает, что в этом случае ему ничего не светит. Другое дело стрела. Она волшебна сама по себе, по сути своей. Вот тебе и древняя легенда об исполнении желаний. Загадал желание, и пустил стрелу. Всё. И не надо подключать адских помощников. И демоны побоятся сунуться. Одного стрела уже ликвидировала. Очень сильный артефакт. Поэтому, скорее всего, Ким именно к ней и рвётся.

– Но эта стрела всё равно ведь закрыта в усыпальнице рядом со спящим Горным Духом.

– Конечно. Но она не прижата к сердцу Горного Духа, как рака. Она парит в пещере. И если открыть проход в усыпальницу, заморочить крестцом Скабинею, остаётся только руку

протянуть за стрелой.

– У нас большая проблема с поиском колдуна, мы не знаем, где он обитает. И не знаем, когда он следующую попытку сделает проникнуть в шахту. Мы же не можем обеспечить круглосуточное дежурство. У меня там, конечно, верёвка. Но и она надолго не задержит колдуна.

– Оля, так у колдуна сейчас сильнейший артефакт, ты можешь его просто по карте отыскать. Попробуй. Сосредоточься.

– Так я не знаю, как выглядит артефакт. Как я могу на нём сосредоточиться?

– Ты сосредоточься на колдуне. Как он выглядит, ты знаешь. А у него рядом очень заряженная вещь. Вот и отследи, где он. Плюс-минус, какая-то погрешность будет. Но когда вы подъедите поближе, ты там уже скорректируешь свои поиски. Настройся на него. Как только почувствуешь, тебе будет легче его отслеживать.

Только я положила трубку, Сакатов уже звонил Илье, чтобы тот приехал ко мне с подробной картой области. Он чуть ли не плясал от радости. Почему-то он подумал, что я быстро найду Кима, мы к нему поедем, отберём крестец, листки, и всё будет хорошо. Я не очень была в этом уверена. Я только один раз искала по карте, и то, объектом поиска была моя дочь, на которую мне было легко настроиться.

Вышла Марина, в джинсах и короткой курточке, чуть подкрасилась, и уже не выглядела такой крайне несчастной, ка-

кой была ещё полчаса назад. Настроение у неё тоже заметно улучшилось. Она села на переднее сидение, рядом с Игорем, и всю дорогу трещала обо всём. Игорь, по-моему, не особо её и слушал. Игорь довёз нас с Сакатовым до аптеки. Время было около девяти, и Наташа уже без меня открыла аптеку. Я провела Сакатова до подсобки, чтобы он там дождался Илью. Они там сидели вдвоём с Наташей, пили чай, обсуждали погоду. Илья приехал только в двенадцать, привёз карту, по размеру которая была больше нашей подсобки. Мы пошли ко мне домой, потому как так и не придумали, где разложить такую большую карту.

Я уже целый час ползала по карте, вода над ней руками. У меня болели колени, отнималась спина. Я ничего не понимала. Мои пальцы вообще никак не реагировали. Сакатов сидел рядом и постоянно пытался мне показать направление, которое я должна была обследовать.

– Не расстраивайся, Оля. – Утешал он меня, но я видела, что он тоже расстроен – Давай ещё попробуй, вот здесь, проведи рукой над этой частью города.

Он ткнул пальцем куда-то в сторону Виза и я снова начала ползать. Над озером со смешным названием «Здохня», рядом с Верх-Исетским водохранилищем, у меня закололо пальцы, и очень сильно. Я отпустилась, пошла попила воды, вымыла руки, села над картой, вспомнила колдуна, и снова поставила руки над озером Здохня. Снова закололо пальцы, и даже больше скажу, у меня начали трястись руки.

– А это ещё что с тобой? – Удивлённо уставился на мои руки Сакатов.

– Не знаю, никогда такого не было. Аня сказала, что это может артефакт усиливать моё восприятие.

– Странно, возле озера нет ни одного жилого дома, нет садов. Одни леса.

– Зато название говорит само за себя.

– Конечно, необычное название. Надо ехать туда. И лучше до вечера, а то темнеет рано. Что мы там, в лесу, в темноте делать будем.

Позвонил Игорь, сказал, что телефона Вениного они не нашли в квартире. Сакатов попросил, чтобы они просмотрели Венины бумаги, и если что интересное или странное найдут, то пусть везут к нам.

Илья сказал нам, что раньше трёх не освободится, поэтому я пошла на работу, а Сакатов остался у меня, домой не поехал, сказал, что лучше в интернете покопается, на дорогу ему жаль времени.

Илья приехал в половине четвёртого, забрал нас с Сакатовым и мы поехали к таинственному озеру Здохня, про которое никогда и ничего никто из нас не слышал. Хорошо, что хоть дорога прямо к этому озеру шла, а не по лесу пешком идти. И вообще, это озеро больше напоминало большое болото. Берега были заросшие, там или трава высокая торчала, или кусты прямо в воде, кругом кочки, ил, камни.

– И куда дальше? – спросил Илья, остановившись возле

огромной ржавой трубы – Похоже, озеро чистят иногда, чтобы оно не затягивалось. Мелкое, наверное.

– Тут раньше недалеко электростанция была. – Сказал Сакатов – У меня там друг институтский жил. Сейчас я карту разложу, ещё раз попробуй определить, куда нам дальше идти. Вон какие-то постройки есть, как сарайки. Может там пройтись?

Глава 7. Озеро Здохня.

– Ну и названьице у озера! – Проговорил Илья, вылезая из машины – Не удивлюсь, если где-нибудь рядом будет деревня Мертвяки. Возле горы Виселицы.

Мы вышли из машины, и пошли по илистому берегу. Поверхность озера была торжественно неподвижна. Серое небо, отражённое в озере, казалось в воде почти чёрным. Я почувствовала хоть и не сильный, но достаточно холодный ветер, дующий с озера.

– Да, любит народ что-нибудь эдакое придумать! – Сака-тов засмеялся – В Архангельской области есть деревня Погост. А у нас на Урале есть две реки Шайтанки, скала Могильная. Вообще-то, народ больше любит давать смешные или похабные названия. А здесь, первооткрывателю озера, наверное, ночью страшно стало, вот и придумал такое название.

– Тише! – Вскрикнул Илья – Стойте, где стоите.

Он остановился и стал всматриваться себе под ноги. Мы тоже остановились. На поверхности ила, схлопывались пузырьки воздуха. Казалось, что берег шевелится, ворочаясь и ворча. Под нашими ногами, где-то там глубоко, будто кипел невидимый котелок с водой.

– Это воздух выходит из-под земли. – Сказал Сака-тов –

Ничего опасного тут нет.

– Откуда там воздух? – Недоверчиво спросил Илья.

– Какие-нибудь воздушные карманы. – Сакатов пошёл дальше – Основой ила являются массы микроорганизмов бактериально-грибковой флоры. А верхний слой представляет собой рыхлую полужидкую массу, легко измучиваемую. В нижних слоях происходят различные процессы гниения, вот и появляется свободный кислород от них. И вообще, у ила не однородная структура, как может показаться на первый взгляд. Даже сезонные изменения нарушают спокойствие в них. Земля остывает, всё-таки осень, и это тоже влияет на стадию илообразования.

– Мне кажется, что кто-то стонет. – Сказала я, прислушиваясь – И этот звук идёт не от ила.

Мы снова все остановились. Тихий стон доносился со стороны озера, но поверхность его была чиста, а ветер был слабый, чтобы породить такие звуки.

– Да, но это может быть ветер. – Опять попытался успокоить нас Сакатов – Где-нибудь может стоять сухой камыш, и ветер играет на нём, словно на дудочке.

– Надо пройти вот туда. Похоже, что там или строят что, или разбирают. – Илья указал рукой на пригорок, у подножия которого лежали доски, камни, какие-то ржавые бочки – И мне тоже кажется, что это на самом деле стон, а никакая не дудочка.

До места, на которое указывал Илья, было метров пятьсот.

Мы молча пошли туда. Стон, или что там это было, был постоянен, не становилось ни громче, ни тише. И я всё больше убеждалась, что этот стон шёл от противоположного берега.

– Может, там плавает какая пустая деревяшка, просто её не видно, она и издаёт такой звук. – Ответил мне Сакатов, когда я поделилась с ним своими наблюдениями.

Ил под нами уже не просто шевелился, а ходил ходуном, выход на поверхность подземного воздуха здесь был более активным.

– Говорю тебе, это потому, что масса ила не однородна! – Сакатов отмахнулся от моих слов – Вполне возможно, что ил в месте, где мы вышли на берег, скорее остыл, чем здесь, поэтому все процессы в нём замедлились быстрее!

– Странно. – Меня не покидало тревожное чувство – Здесь есть какое-то напряжение, в воздухе. Вы чувствуете?

– Я ничего не чувствую. – Сакатов огляделся – Озеро, как озеро. Ты просто ассоциируешь его с не совсем обычным его названием. Я же тебе уже не раз говорил, что не надо демонизировать природу. Она такая, как есть. Ты же не в средние века живёшь, наука сейчас может объяснить все явления природы, не привязывая их к каким-то потусторонним силам.

– А это ещё что? – Илья опять опустил голову и посмотрел себе под ноги – Не надо, значит, демонизировать?

В это время под моим ботинком что-то скрипнуло, и я опустила глаза. И не смогла их отвести от того, что выпол-

зало из-под ила. Сначала показались какие-то отростки, похожие на бледные пальцы, потом они стали выкручиваться из грязи, поднимаясь всё выше и выше, пока не доросли до моих коленей. Они дотрагивались до моих ног, и меня сразу захватывала волна отвращения. Они издавали звук, похожий на то, как скулит собака. Я попыталась откинуть их от себя, но лучше бы я этого не делала. Пока я стояла спокойно, они просто колыхались возле меня, но стоило мне только сделать движение, отодвигая их, они со всех сторон облепила мои ноги, и я упала, пытаясь сделать шаг. В ту же минуту отростки начали скользить по мне, задевая противным холодом лицо, руки, шею. Они напоминали больших гусениц, только обжигали и охладили кожу одновременно. Я закричала, но тут же сжала губы сильнее, так как на них почувствовала холодное прикосновение. Отростки потащили меня куда-то в темноту, больно выворачивая мне все суставы.

– Оля, Оля, да очнись же! – Услышала я далёкий голос.

Меня всю трясло, я с трудом разлепила глаза и увидела склонившегося надо мной Сакатова.

– Ну всё, сядь, всё нормально. – Сказал он мне, и я увидела за ним стоявшего на коленках Илью, которого выворачивало так, что он хрипел.

Я села и посмотрела на берег. Он был пуст. Никаких гусениц нигде не было видно.

– Куда они делись? – Спросила я, еле ворочая языком.

– Кто?

– Гусеницы, они повалили меня на землю и тащили меня.

– Это я тебя тащил. Вы оба с Ильёй упали на берег и начали кататься по нему, крича. Я понял, что тут что-то не то, и оттащил вас к дороге.

– Чёрт! – Захрипел Илья – Что это была? Откуда эти насекомые здесь появились?

– Не было здесь ничего. – Ответил Сакатов – Я думаю, что это газ, который выходит из земли, он на вас так подействовал. Видимо, он какой-то галлюциногенный.

– А почему он на тебя не подействовал? – Спросил Илья.

– Не знаю. Может, у меня к нему иммунитет.

– Если это галлюцинация, то почему у меня во рту привкус каких-то клопов? – Илья сплюнул.

– Надо идти по дороге, не будем идти по илу. – Сакатов встал и отряхнул брюки – Я теперь понимаю, что название этому озеру не просто так дали. Ничего, впредь будем осмотрительнее, собственно, ничего страшного не произошло.

– Ага, с тобой! – Илья тоже встал, слегка шатаясь – Напишешь мне своё меню.

– Чтобы там не произошло, это не было колдовством. – Сказала я – Я не почувствовала своими пальцами ничего.

– Всё экологически чистое, природное. – Опять недовольно добавил Илья – Сколько раз я себе давал слово, что перестану с вами таскаться по всяким злачным местам!

– Эй! У вас всё нормально? – Раздался крик.

Мы повернули голову в сторону кричавшего, и увидели

на самой кромке леса парня, лет двадцати, в выдавшей вида фуфайке и в смешной красно-зелёной шапке, похожей на почтовый конверт. Вид у него был, как у заплутавшего партизана.

– Сейчас да. – Ответил ему Илья – А до этого нас чуть не съели.

Парень хохотнул и направился к нам. Он шёл размашистым шагом, за плечами у него висел полупустой рюкзак, кирзовые сапоги его бодро скрипели. Я подумала, что это может быть ещё одна моя галлюцинация. Он подошёл к нам и протянул руку сначала Илье, потом Сакатову, кивнул мне.

– А я слышу, вроде кричит кто. Я и подумал, опять близко подошли к вонючке. Суббота Олег. – Представился он.

Сакатов с Ильёй тоже представились и Сакатов спросил:

– Вонючкой, я полагаю, вы называете эту часть берега, откуда мы только что выползли.

– Ну да. – Кивнул он головой – Иногда здесь бывает такое. Местные сюда не ходят, а вот случайные туристы, бывает, что и нарвутся на выброс.

– Так что же вы не огородите территорию? – Спросил Илья – Так и до беды недолго. Или у вас тут сервис организован? Спасения неосведомлённых туристов.

– Так ведь не всегда такое бывает. В сезон один-два раза. А иногда и вообще все спокойно.

– А ещё есть какие-нибудь неожиданности? – Снова спросил Илья – Мы тут собирались дальше пройтись.

– А что вы тут ищите? На туристов вы не похожи. – Критически оглядел нас Суббота.

– Мы приехали посмотреть как раз вот на такие аномалии. – Поспешил ответить Сакатов, видя, что Илья ещё что-то хочет сказать – Название у озера необычное, можно сразу настроиться на разные странности.

– Ничего тут необычного нет, кроме этой вонючки. – Ответил Суббота, критически оглядев нас – А вы кто такие?

– Мы изучаем всё, что невозможно объяснить с точки зрения науки.

– Да, у нас тут есть что изучать. – Суббота посмотрел на небо – Например, вы ночью тут прогуляйтесь. Иногда с неба такой шум идёт, будто луна падает. Или холодно станет, окна изморозью покроются. Потом ничего, оттают к утру.

– Да, место у вас тут невесёлое. – Вздохнул Сакатов.

– Согласно названию. – Добавил Илья.

– А я вот в магазин пошёл. – Суббота кивнул куда-то вперёд – Макароны кончились.

– А вы где живёте? – Спросила я – Недалеко отсюда?

– Так вот ведь наша общага, – Суббота показал рукой на сваленную кучу досок, куда мы и направлялись – второе окно справа. Заходите в гости.

Мы переглянулись. Творится что-то непонятное, но мои пальцы молчат, я не чувствую никакого колдовства. Илья присвистнул.

– А давно вы тут живёте? – Спросил Сакатов – В обще-

житии?

– Второй год. Как в депо устроился, мне сразу дали койку. Нас там трое в комнате. Я в очередь на квартиру сразу стал. Вдруг жениться соберусь! – Он подмигнул мне – Девахи в городе красивые. Найду, поди, одну-то. Ладно, пойду.

– Простите, Олег, можно ещё вопрос? – Окликнула я его, когда он бодро зашагал к лесу – А в каком году вы школу окончили?

– В шестьдесят шестом, два года назад. – Откликнулся он – А что?

– А где? В Екатеринбурге?

– Нет, в Свердловске.

Он махнул нам рукой и скрылся между деревьями. Я поднялась с травы. Весь бок у меня был грязный и мокрый, руки в липком иле. Идти к озеру мыть руки и чиститься мне совсем не хотелось.

– Ну что, есть желание в общежитие сходить? – Илья оглядел нас, потом обратился к Сакатову – Давай, объясняй нам, как здесь всё нормально.

– Нет, конечно, я сам ничего не пойму! – Сакатов развёл руками – Временной коллапс какой-то. Если бы кто один из нас его видел, это одно. Но я пожал ему руку, и рука была тёплая, живая! Илья, позвони своей Татьяне, пусть узнает, работал ли в депо в шестьдесят восьмом году Суббота Олег.

– Зачем это нам? – Спросил Илья – Мне, знаешь ли, к своей бывшей не очень хочется обращаться.

– А затем, что нам надо понять, или это просто непонятный фантом, наведённый на нас каким-то колдуном, или действительно, реальное прошлое тут всплыло.

Илья отошёл от нас и достал телефон. Все джинсы у него были в такой же чёрной грязи, в какой была я.

– Надо домой ехать, переодеться. – Сказала я – То простынем.

– А ночью вернуться сюда. – Сакатов смотрел на меня, видимо ожидая возражений.

– Да, надо. – Согласилась я – Хоть и признаюсь, что мне совсем не хочется снова сюда возвращаться. Знаешь, я так ни разу и не почувствовала, что тут есть колдовство. Тебе не кажется это странным?

– Оля, тут всё до последней молекулы странное. Я думаю, сейчас мы всё-таки дойдём до общежития, ненадолго. И ещё мне интересно узнать, этот Суббота, если вернётся из магазина, как заходить будет в эту кучу лома.

– Я не думаю, что он вернётся. Я тогда ещё, когда его увидела, очень удивилась, как-то он странно выглядит. – И вдруг мне пришла в голову одна мысль – Послушай, а может в этом общежитии кое-кто, кто нас интересуется, до сих пор живёт? Спрятался там, в шестьдесят восьмом году. Поэтому мы не можем его отыскать. Поэтому и возник этот временной коллапс, как побочное действие от его колдовства.

– Ну, не знаю! – Сакатов задумался – Возможно ли такое? С другой стороны, чего только не бывает на белом свете! То-

гда надо просто караулить его здесь. По-другому его не поймаешь.

– Танька сказала, что если будет у неё свободная минута, тогда посмотрит. Но как-то не особенно охотно она мне это пообещала, наверное, не будет она узнавать. Пообещала только, чтобы я от неё отстал. – Илья подошёл к нам. – Вы что такие оба обомлевшие? Опять что не так?

– Оля считает, что колдун спрятался в шестьдесят восьмом году, в этой таинственной общаге. – Ответил ему Сакастов, и они оба посмотрели на меня – Наверное, я тоже бы не исключил такую вероятность. Если на миг поверить Киму, что он по десятибалльной системе десять баллов весит, то такое вполне может сотворить. Вспомни, Оля, как Феломена сотворила себе отдельное время в отдельном мире. Ну почему такие мощные способности обязательно используются только против людей?

– Потому что такие мощные способности именно для этого и даются. Сам знаешь от кого. – Ответила я – Ладно, пошли к общежитию, пока я совсем не околела. Илья, потом съездим домой ко мне, я переоденусь?

– Вы что, правда, при луне на всё это ещё хотите взглянуть? – Илья остановился – А вы готовы? С вашими ноль целых ноль пятых сотых баллов? Вы хотите до конца жизни с Субботой за макаронами тут ходить?

– Мы сначала должны убедиться, что общежитие на самом деле здесь. – Сказала я – Если колдун тоже здесь, значит надо

подумать о том, чтобы его нейтрализовать. А если его нет, значит надо искать его дальше. Я уверена, что он здесь. Не спрашивайте меня почему, ничего не знаю. Просто чутьё.

Мы пошли по кромке леса к куче лома, которую называли не иначе, как общежитие. На месте оказалось, что от общежития сохранился только полурассыпавшийся фундамент, несколько плиток от крыльца, доски со следами дранки и штукатурки, гнилые провода, раздавленные деревянные и металлические бочки. Мы ходили вокруг, попинали ногой мусор. Я трогала руками всю эту пыльную и грязную кучу, благо я и так была уже грязная, и испачкаться уже не боялась. Но под руками я опять ничего не почувствовала. Я села на толстую деревянную балку, и смотрела, как Сакатов развернул жёлтый старый журнал, с интересом разглядывая его. Видя, что я наблюдаю за ним, он сказал:

– Это журнал «Крокодил» за семьдесят шестой год. Значит, в семьдесят шестом году сюда ещё ходила почта. Суббота вполне мог здесь жить в шестьдесят восьмом году. И на последней странице карандашом сделана пометка почтальона – «Общеж». Всё говорит о том, что это реальный жилец этого общежития. Илья, что, Татьяна тебе всё ещё не позволила?

– Нет. – Ответил Илья, тоже вытащив палкой какую-то толстую тетрадь из-под завала и разглядывая её – Ты что думаешь, это просто? Это сейчас все данные в сети. А раньше всё на бумаге было. Слушайте, тут выдача постельного белья

записана, год не понял какой. Так тут Суббота есть. Каждые две недели ему чистое бельё выдавали, и он за него расписывался. Всё честь по чести. Можно было Таньку не мучить, и так понятно уже, что он здесь жил. Вот, март, апрель. А год, видимо, был на обложке написан, но она вся стёрлась и сгнила.

– Ну, если нет больше ничего интересного, поехали домой съездим. – Сакатов откинул журнал и отряхнул руки – Оля переоденется, ты, Илья тоже. Подкрепимся, как следует, и будем здесь ночью караулить. На пустой желудок грустно будет сидеть в засаде. А нам обязательно надо будет сюда вернуться. Раз нам сказали, что ночью тут самое интересное происходит. Причём заметьте, сказал сам призрак. Я позволю мамуле, чтобы нам приготовила покушать, мы у меня и поужинаем.

Илья сначала поворчал немного, но потом тоже согласился, что надо ночью последить за общежитием. Мы заехали сначала к нему, подождали его в машине, он вернулся в чистых джинсах и тёплой куртке. Потом заехали к Сакатову. Его мама, Лидия Афанасьевна, покормила нас тушёной курицей с рисом, довольно вкусно. Я думала, что она снова приготовит полезный шпинат, но она меня очень удивила, приготовив обыкновенную человеческую пищу.

Ко мне заехали в последнюю очередь, они даже не стали подниматься в квартиру, а сидели и переваривали ужин в машине. Я быстро переоделась, с сожалением глянув на свой

любимый диван, и понимая, что сегодня я к нему не вернусь.

К озеру мы приехали в половине десятого. Но было на удивление светло, в отличие от той темноты, через которую мы проехали в лесу. Свет лился от двух лун – одна была на небе, почти полная, а другая отражалась в спокойных водах озера, и обе были достаточно яркими. Машину мы оставили там же, где и в первый раз, и пошли по направлению к общежитию по траве, не подходя близко к иловому берегу. Метрах в пятидесяти об общежития, над землёй возвышался крупный камень, окружённый мелкими елями. Для нашей засады место вполне нам подходило. Мы расселись на камень, у средней ёлки я поясом привязала её лапы к стволу, чтобы был полный обзор, и мы устали на кучу мусора. Илья достал наушники, подключил их к телефону и стал смотреть какой-то футбольный матч. Сакатов тоже листал что-то в телефоне. Только я добросовестно и неотрывно смотрела на предмет нашей разведки.

Время тянулось медленно. Было, конечно, не жарко, всё-таки сентябрь это не лето. Но ветра не было, кругом были густые лапы елей, поэтому я не мёрзла. Рядом со мной слышалось громкое сопение. Это сопел Илья, он заснул, привалившись к Сакатову. Я подтолкнула его локтем, и он моментально открыл глаза. И тоже устал на кучу мусора. Время шло к двенадцати ночи. И внутри меня с каждой минутой разливалась тревога. Когда рядом упала шишка с сосны, я вся так дёрнулась, что Илья и Сакатов одновременно по-

смотрели на меня.

Илья показал мне экран своего телефона. Время показывало ноль-ноль. Но вокруг ничего не изменилось. Мы насто-роженно крутили головами, прислушиваясь к каждому шороху. А возле озера шорохов было достаточно. Потом мы опять успокоились, и Илья с Сакатовым снова уткнулись в телефоны. Луна, которая сначала висела над озером, уплыла вправо, озеро сразу стало тёмным, зато стало светлеть наше общежитие. Я моргнула. Боже! Так это на самом деле обще-житие!

Я снова толкнула Илью, и мы все трое молча уставились на прозрачное, голубовато-серое одноэтажное здание, которое оказалось на том месте, где только что была куча хлама. Оно прямо на глазах уплотнялось, и буквально через минуту оно было настолько явственным, деревянным, что разум не ве-рил рассудку, утверждающему, что это просто мираж. Свет в окнах общежития горел во всех окнах. На козырьке над входной дверью тоже висела лампочка, и она покачивалась, бросая на землю тусклый свет. И вокруг неё летали мошки! Вот уж, поистине, чудеса!

– Надо подойти поближе и заглянуть в окна, заходить в него не будем, оно в любой момент может снова пропасть, и мы там останемся. – Зашептал Сакатов.

– Я категорически против. – Сказала я – Вспугнём ещё. Мы ведь не готовы встретиться с колдуном. Просто наблюдаем. Наверное, он может входить и выходить именно тогда,

когда общежитие материализуется.

– А материализуется оно только при определённом местоположении луны. – Закивал Сакатов, показывая пальцем на луну – Ладно, давайте посмотрим, хоть узнаем, сколько времени это общежитие будет стоять. И ещё, жаль, что небо без туч, а то интересно, если луна не будет освещать, то оно исчезнет?

Никто не входил и не выходил из здания. Никаких звуков оттуда не доносилось. Мы, как зачарованные смотрели на сияющие жёлтым светом окна, на качающуюся из стороны в стороны лапочку на козырьке. Я заметила, что кончики моих пальцев покалывает, значит, это точно никакая не аномалия, а самое настоящее колдовство. Я подумала: «Если Ким на самом деле живёт здесь, значит, есть на то причина. Кого он так боится, что создал себе такое невообразимое логово?» Прошло минут двадцать, и вдруг дверь открылась и из неё вышмыгнула фигура, закутанная в длинное пальто, и поспешила по тропе, которая вела мимо нас. Мы даже перестали дышать. Но он прошёл быстрым шагом мимо нас и скрылся в тёмном лесу. Здание общежития начало светлеть, истощаться, и вскоре снова вместо него лежала большая груда лома. Я не почувствовала никакого колдовства, когда он проходил мимо, и сделала вывод, что крестец не с ним, о чём и сказала Сакатову.

– Он машину нашу увидит. – Прошептал Илья.

– Надо было её спрятать! – С сожалением ответил Сака-

тов.

– Значит, он поймёт, что мы рассекретили его тайник. – Ответила я – Если у него крестец не с собой, значит, ему всё равно придётся возвращаться сюда. Это он сможет сделать только при луне, а это будет только следующей ночью. А мы за это время поймём, как с ним справиться.

– У луны эллипсоидная орбита, а это значит, что она проходит по своей орбите со смещением, а не по идеальному кругу. – Сакатов прыгнул с камня и размял ноги – Лунная орбита не постоянна. Вы заметили, что общежитие показалось лишь тогда, когда луна оказалась в определённой точке? Значит, завтра ночью это будет не двенадцать часов пятьдесят две минуты, как сегодня, а позже. Он просто бесстрашный, скажу я вам. Нет, правда, я его не хвалю, но привязаться к нашей непостоянной небесной соседке! На это надо решиться!

– Я подумала, что он очень боится кого-то. Иначе зачем такие сложности?

– Вполне возможно. От людей можно и не так тщательно прятаться. – Согласился со мной Сакатов – Но он ведь всё равно выходит, с Веней сколько раз встречался. Теперь мне понятны его поручения Вене, при его засекреченной жизни ему нужен был помощник.

– А если это дело не в его страхе, а в том, что он не может здесь долго находиться? А вдруг он именно из того времени, из шестидесятых? – Спросил Илья.

– Нет, это совсем фантастическое предположение! – Отрицательно покачал головой Сакатов – Он не может жить в другом времени. Потому что общежития там уже тоже нет. Он каким-то образом преобразует материю, делает её невидимой для нас. Версия Ольги о том, что он прячется от кого-то, мне больше нравится. Странно, что ты вообще нашла это озеро. Никто никогда не догадается, что здесь происходит ночью. Это место совсем не туристическое, народ сюда не ходит.

– Значит, он не хвастался, что является сильным колдуном. – С сожалением сказала я – Вероятность нашей победы очень невелика.

– Посмотрите на озеро! – Вдруг воскликнул Илья.

Мы повернули головы к озеру. В его спокойных водах всё так же отражалась луна, но она была красная, большая, и по краям её блестели осколки разных форм. Они закручивались вокруг красной луны, и луна сжималась, красный цвет покидал её, возвращая ей свой извечный жёлтый цвет. И всё это сопровождалось неясным гулом. Ещё миг – и снова одинокая небесная луна смотрела на своё отражение в чёрной воде.

– Ну и озеро! – Выдохнул Сакатов – Да оно волшебное! Сколько ещё загадок оно хранит?

– Красиво! Но я чувствую от него опасность. – Сказала я – Мне кажется, что это озеро-ловушка. Самые свирепые хищники бывают прекрасны, их природа специально делает такими, чтобы заманивать свои жертвы. И это озеро тоже. И

наш колдун к этому не имеет никакого отношения. Он нашёл это озеро, понял его хищную суть, поэтому и поселился тут. В другом месте у него, наверное, не получилось бы сделать общежитие, которое проявляется только при луне.

– Озеро для него может быть источником энергии, как батарейка для фонарика, подпитывает его. – Предположил Илья.

Мы стояли и смотрели на озеро, как зачарованные. Что-то манящее было в нём, чёрная красота, которая расплескалась у наших ног, но готовая в любую минуту превратиться из ласкового щенка в свирепого хищника.

– Всё, едем домой. – Сказал Илья – Я сейчас вот подумал, а Суббота не сказал Киму о том, что нас видел?

– Я думаю, что они даже и не встречались с Кимом. – Ответил Сакатов – Наш фантомный Суббота – это как эхо от настоящего Субботы. Мне даже интересно встретить настоящего Субботу, если он ещё жив. Спросить, а не встречал ли он, когда ему было двадцать лет, троих туристов возле своего общежития, когда он за макаронами ходил.

– Полсотни лет прошло. – Засомневалась я – Даже если он нас и на самом деле видел, за столько лет он мог всё позабыть. И потом, ты же сам говоришь, что это эхо.

– Да это я так. – Засмеялся Сакатов – Конечно, он даже не знает о нашем существовании, и в своё время нас не встречал.

Мы пошли к машине. Илья открыл её и хотел сесть, но

я схватила его за руку. Он удивлённо обернулся ко мне. В мои пальцы отчаянно впились сотни иголок. И я явственно почувствовала тревогу.

– Он что-то здесь сделал. Подожди, я проверю. – Сказала я.

Илья и Сакатов отступили от машины. Я водила над ней руками, и чужое колдовство было везде. Я несколько раз обошла машину.

– Я не знаю, что он сделал. – Честно призналась я – Но садиться в неё нам сегодня нельзя. Здесь мощный заговор. Надо сначала снять его.

– И что нам делать?

– Я Анне позвоню, проконсультируюсь. – Сказал Сакатов и достал телефон.

– Ночь на дворе, не лучшее время для звонка. – Нерешительно остановила я его.

– Она поймёт.

Анна ему ответила, он сказал ей о нашей проблеме, выслушал её ответ и передал мне телефон.

– Оля, – услышала я заспанный голос Анны – сейчас уезжайте на такси, а завтра на соль наговоришь охранное заклинание. Я тебе его утром по телефону продиктую. Прежде чем уйдёте, сломи ветку с ёлки, положи её под колесо и скажи: «Мыло с омывания, свечу с покаяния, на себя возьмёт, с меня перекинёт». А когда завтра заговорённую соль бросишь на машину, сразу найдёшь, что он вам подложил.

– Колдун совсем не прост. – Сказала я ей. – Он себе и логово устроил в доме, который появляется только под луной, и только в определённое время. А днём на том месте просто куча мусора, которая осталась от этого общежития.

– Зарубка. Это так называется. Надо отыскать предмет в этой куче мусора, который и привязал его зарубку. Но сейчас отдыхайте. Завтра поговорим об этом.

Илья расстроился, конечно, очень. Но мы с ним договорились, что с самого утра поедем сюда сначала за машиной, я сниму с неё проклятие, а потом уже на работу. На такси нам уехать не получилось, поэтому Илья позвонил своему другу, тот приехал почти в три часа, долго нас искал, и дома я появилась только в четыре утра. Три часа, которые мне достались для сна, не принесли полноценного отдыха, как и предполагалось. Я позвонила утром Наташе, и предупредила, что на работу я сегодня не выйду. На её вопрос, что со мной случилось, я сказала, что не спала всю ночь. Наташа хмыкнула, но больше спрашивать меня не стала.

В восемь утра ко мне приехал Илья. Если учесть, что он ещё позже меня добрался к себе домой, то он выглядел вполне нормально. Пока мы завтракали, я позвонила Анне, и она мне надиктовала заговор-оберег, который должен был снять с машины проклятие. Я высыпала соль на тарелку, прикрыла её руками и зачитала заговор:

Заговариваю от колдуна

Ворона- ведуна,

*Не коснись ни огнём
Ни людом, ни мечом,
Ни словом, ни делом,
Ни днём, ни ночью.
Не запнусь, не остановлюсь,
Ни первому роду,
ни последнему.
Покровом неизносимым,
Защитой неистребимой.
Ключ, замок.*

Я произнесла три раза слова оберега. Пальцы мои жгло, словно я их держала не над солью, а над открытым огнём. Я пересыпала соль в мешочек, и Илья вызвал такси. Через полчаса мы уже топали лесной дорогой к озеру.

Глава 8. Дом, которого нет.

Днём картина вокруг нас была куда радостней, чем вчера ночью. Всё казалось обыденным, родным, земным, вплоть до последней травинки. Озеро сонно блестело под скудным осенним солнцем. Пейзаж мирный, словно это было совсем другое место. А ночное приключение, наоборот, казалось чем-то далёким и нереальным.

– Может, у нас было коллективное помешательство? – Илья, похоже, подумал о том же, о чём и я – Лес, как лес, озеро, как озеро. Может чертовщина была в только наших головах? Продолжение действия газов болотных.

– Хочется так думать, но вся эта чертовщина с нами на самом деле случилось. Анна сказала, что в куче мусора есть предмет, который и держит этот призрачный дом на этом самом месте. Надо найти его, и тогда колдун из общежития больше не выйдет.

– Ты имеешь в виду, что он туда не зайдёт? – Уточнил Илья – Ты этот таинственный предмет можешь найти только днём. Мы в этой куче будем искать то, не знаю что. А сам колдун вчера ушёл из общежития, мы это своими глазами видели, и его там нет.

– Мы ведь можем дожждаться, когда он снова зайдёт туда. Предмет можно найти сегодня, а если он придёт, например,

только завтра, тогда завтра его и уничтожить. Вот он и останется в своём ирреальном доме.

– Так ведь надо у него забрать цепочку со звёздочками сначала.

– Да. – Вздохнула я – Как это сделать, я даже представить себе не могу.

– Надо дать ему выбор. Или он отдаёт цепочку нам, или навеки остаётся в общезитии.

– Тоже вариант. – Согласилась я – Но это совсем не просто. Он хитрый, и нас обмануть ему не составит особого труда. Он знает своё колдовство, как свои пять пальцев, и обязательно у него есть какие-нибудь хитрости для таких, как мы.

Мы дошли до машины, на которую лес сбросил несколько своих прощальных бурых листьев, я протянула над ней руки, и снова почувствовала, как колет мои пальцы.

– Ну что, всё ещё она заколдована? – Поинтересовался Илья.

– Конечно, без нас её никто и не собирался расколдовывать. – Ответила я – Слушай, о чём я подумала сейчас. Ким же мне сам сказал, когда пришёл в аптеку, что он знает, что я чувствую колдовство. И наверняка он знал, что я увижу на машине проклятие. Зачем тогда он это сделал?

– Просто, чтобы кровь нам попортить. Давай, снимай скорее, то я на работу опоздаю.

Я достала мешочек и прошла вокруг машины, словно се-

атель, осыпая её солью. На полированном капоте выступил символ, напоминающий ромб, зачёркнутый зигзагообразными линиями, напоминающими молнии. Знак был начертан прямо пальцем, поэтому он выглядел, будто по пыльному зеркалу провели рукой. Илья достал мне какую-то тряпку из багажника, и я убрала знак. Я ещё два раза обошла машину, но, похоже, проклятие и вправду исчезло.

– Ты со мной, или здесь останешься, предмет в куче будешь искать? – Спросил Илья.

– Домой, посплю несколько часов, потом с Сакатовым со звонимся и приедем оба сюда. Ты нас вечером заберёшь?

– Как хочется сказать «нет» и послать вас ко всем чертям! – Илья выехал на лесную дорогу – Конечно заберу. Я тебя не до дома довезу, до транспорта только, иначе на работу не успею.

Добравшись до дома, я отключила телефон и, закрывшись тёплым пледом, легла на диван. Проснулась я в два часа дня. День снова был серый, в комнате полумрак, видимо дождь идёт. Я не включала телефон, пока не умылась и не поела. Зато, как только я его включила, через полминуты уже звонил Сакатов:

– Ну ты даёшь! Сколько можно спать, Оля, у нас же дело! Я тебя потерял. Илье звонил, он так и предположил, что ты пока не выспишься, на связь не выйдешь.

– Я, между прочим, всю ночь не спала.

– Звонила Анна. Сказала про этот предмет, который удер-

живает общежитие. В общем, если в двух словах, то это может быть что угодно. Хоть гвоздь.

– Значит, это небольшой предмет?

– Говорю тебе, это может быть чем угодно, и любого размера. Но самое главное, мы его сразу можем узнать, он особенный, он будет держаться хоть где, где ты его оставишь. Хоть в воздухе, хоть в воде. Поняла? Если, например, простой гвоздь ты попытаешься положить на невидимую полку, он, конечно, свалится на землю, так как у него такой фантазии, как у тебя, нет. А у этой волшебной зарубки нет представления о законах природы, и особенно, о гравитации. Поэтому он будет находиться там, где ты от него отпустишься.

– Это хорошо, но вдруг он подчиняется только своему хозяину? Тому, кто сделал его зарубкой? – Уточнила я – Я смогу его в руки взять?

– Да, и он не подчиняется определённому человеку, он просто приобретает такое вот космическое свойство. Ты можешь его переставить, перевесить.

– А если его в другое место переставить, то и общежитие тоже будет в другом месте появляться?

– Нет. Оля, ты лучше давай выдвигайся из дома, встретимся с тобой на автобусной остановке. Там и поговорим. Пешочком по лесу пройдемся, воздухом подышим.

– Я вчера ночью надышалась так, что до следующей весны мне хватит.

Я быстро собралась, доехала до вокзала, и там встала в

центральном подъезде, дожидаясь Сакатова. На улице дождя не было, но он мог начаться в любую минуту. Тучи были низкие и тяжёлые. Пришёл Сакатов и мы с ним пошли на автобусную остановку. Ехать было далеко, мы с ним забралась на последнее сиденье, и я даже снова задремала. Сквозь сон я услышала голос водителя: «Конечная, все выходим». Значит и Сакатов тоже уснул. Мы с ним вышли из тёплого автобуса и огляделись. Сакатов махнул рукой:

– Туда, это не очень далеко. До леса километр, по лесу километра три, ну, или около того.

Мы зашагали к лесу по совершенно пустой дороге. У Сакатова был на плечах новенький рюкзак. Он потрянул им и сказал мне:

– Термос с горячим чаем взял и бутербродов. И ещё репиратор нашёл, сам не знаю, откуда он. Взял, на всякий случай. И плащ-дождевик. Илья сказал, что машину оставит на улице, рядом с домами, а к нам придёт пешком.

– Так что с зарубкой? Если мы её найдём, как её уничтожить? – Спросила я его.

– Нам её пока не надо уничтожать. Надо нам самим попасть в общежитие.

– А это зачем? Мало нам неприятностей, надо ещё застрять в непонятно каком месте? Я даже слышать не хочу об этом, не то, чтобы сунуться в это общежитие. – Твёрдо сказала я – Я же понимаю, что от меня мало проку, я не умею колдовать. И помочь не смогу. Ни себе, ни тебе. Нет, сразу

её уничтожим и всё. Так как это сделать?

– Аня говорит, что у неё надо порвать нить. Нить невидимая. Но надо её разглядеть.

– А что, она просто рукой рвётся?

– Наверное.

– То есть, как я поняла, об этом ты спросить не догадался.

– Оля, пока мы идём, я хочу тебе рассказать, о чём я прочитал вчера, после того, как мы приехали домой. Про такие вот фантомные дома. Они горят. Да, они горят! Вроде бы они из воздуха, но если их поджечь, когда они материализуются, то они горят не хуже, чем остальные деревянные дома.

– Тогда смысл искать предмет, если можно общежитие поджечь. Проще и быстрее.

– Проще и быстрее, согласен. Но тогда на этом месте всегда будет зона, куда при луне можно будет нечаянно провалиться. И это очень опасно для людей. Представь, кто-то поставил палатку на том месте, где появится заколдованный дом. Дом, предположим, сгорел, и больше никогда не появился, а после того как луна встала на своё место, палатка с людьми исчезнет. И никто никогда не поймёт, что с ними случилось. Или путник идёт себе, идёт, а потом вдруг оказывается в какой-то зоне неживой, из которой нет выхода.

– Ты хочешь сказать, что если поставим палатку на этом проклятом месте, а при луне на том же месте проявится дом, то с палаткой ничего не произойдёт? А что, люди не заметят, что они в доме оказались?

– То-то и оно! Ты же помнишь ту кучу мусора, над которым появляется дом? Он ведь никуда не девается, никуда не проваливается, не исчезает. А в том месте, где куча соприкасается с фантомом, она существует в параллельном пространстве. И получается, когда дом становится на место, мусор спокойненько лежит внутри помещения, только на другом плане, на нашем. А когда сгорит дом, и остаётся от него только пустота, там непонятно, куда проваливаются все вещи и люди, которые окажутся в этом пятне при нужной луне.

– Так всё-таки, если дом мы не сожжем, заметят люди, что они уже вместе с палаткой не в лесу, а в каком-то неожиданном месте? – Упорно допытывалась я.

– Я понял, что люди будут как бы в мороке. Если они и заметят что, так потом об этом не вспомнят. Короче, я и сам не очень понял.

– Хорошо, что в нашей обычной жизни всё гораздо проще. И такие вот выкрутасы встречаются крайне редко.

Мы прошли краем леса, стараясь не подходить близко к озеру, и подошли к куче мусора. Сакатов достал из рюкзака две пары перчаток. Я похвалила его за предусмотрительность.

– Оля, давай с одной стороны будем начинать перебирать. Откладывать вот сюда. Чтобы не сто раз одно и то же смотреть.

– Колдун увидит, что мы рылись здесь. – Предупредила я.

– Так он и так понял, что место у него расскрещено, когда

машину нашу увидел. А то, что мы тут рылись, он не видит, так как он сюда приходит, когда общежитие закрывает от него эту кучу лома. Просто теперь надо сделать это всё за один раз. Я всё-таки надеюсь, что крестец остался у него в тайнике, раз ты его не почувствовала, когда колдун проходил мимо нас.

Мы с ним взялись перебирать весь этот хлам. Приходилось перекидывать все доски, палочки, тряпочки, и смотреть, не зависла ли одна из них. Пыль поднялась до неба, и это не смотря на то, что погода хоть была и без дождя, но достаточно сырая. У Сакатова брови и ресницы стали седыми, как у профессионального Деда Мороза. Подразумеваю, что я выгляжу так же. Когда мы всю кучу перекинули в другое место, уже начало смеркаться. Сейчас нам придётся ещё и просеивать всё, что осталось на земле, и было покрыто толстым слоем песка, побелки и пыли. Перчатки мои уже давно порвались, ещё и руки были в крови, видимо где-то я зацепилась за гвоздь.

– Бог помощь! – Это пришёл Илья – Я смотрю, работа у вас кипит не на шутку. С другого берега видать. Выглядит всё так, будто дружная бригада из ближнего зарубежья работает. Ничего подозрительного. Так ничего и не нашли?

– Раз всё ещё ищем, значит, не нашли! – Ответила я.

– А может не в куче лежит? Общага больше этой кучи. Ольга, походи, посмотри вокруг, пока не стало совсем темно. Рукой поводи.

– Где ты был раньше! – Воскликнула я и встала.

– Иди, иди. Я тоже взял перчатки. И ещё я переоделся возле машины. А вас я к себе в машину не пущу. Мне уже надоело после ваших пенных вечеринок салон пылесосить.

Я медленно пошла от кучи по предполагаемому контуру общежития. Я поднимала каждую веточку, каждую шишку. Ничего из того, что я поднимала с земли, не зависало в воздухе. Я разогнулась и огляделась. А потом увидела, что между чешуйками коры одинокой сосны, которую я уже прошла, на уровне примерно полметра от земли, была зажата пуговица. Простая пуговица. Тёмно-синяя, с четырьмя дырками. Я протянула к ней руку, и у меня кольнуло палец. Она заговорённая! Это зарубка! Я взяла её в руки, подняла к глазам, и сразу отпустила. Она повисла в воздухе. Если бы я случайно не разогнулась, мы бы ни за что не нашли её, так как осматривали только те предметы, которые лежали на земле. Нет, конечно, мы её бы когда-нибудь нашли, но точно не сегодня.

Я издала победный крик. И поспешила с пуговицей к своим. Сакатов долго разглядывал её, потом передал Илье. Мы её крутили и так и сяк. И где тут у неё невидимая нить?

– Оля, неужели ты её не чувствуешь? – Уже в пятый раз спрашивал меня Сакатов.

– Как я могу почувствовать какую-то там нить, если я чувствую всю пуговицу? Откуда я знаю, какая именно часть у неё привязана? Такая маленькая, мы ведь её уже сто раз в руках перекрутили, даже волосинку можно было бы почувство-

вать, если бы она тут имелась. Странное колдовство. Значит, получается, случайно ту нить не порвать, а надо её сначала увидеть.

– Давайте её подожжём. – Предложил Илья – Нить вспыхнет, и мы увидим её. Или звоните Анне.

– В воду попробуйте её опустить, и посветите на неё, пока она мокрая. Она должна быть тоньше паутинки. – Посоветовала мне Анна, когда я позвонила ей.

На берег мы отправили Сакатова, как наиболее стойкого к одурманивающему газу. Он долго возился там, потом вернулся к нам, взял раздавленный ковшик из кучи мусора, принёс в нём воды. Мы опускали пуговку в воду, потом с трёх сторон подсвечивали её фонариками. Всё тщетно.

– А что будет, если мы эту пуговицу достаточно далеко отнесём от общежития? – Спросил Илья – Дом появится или нет?

Мы снова набрали Анну.

– Ещё есть один вариант, почему вы не увидели, где зарубка привязана. Вероятно, это будет видно, когда дом покажется. Именно свет луны может высветить ту нить, которая их связывает. – Слышно было, как Анна листает страницы – Вообще-то, если уехать достаточно далеко, всё-таки связь прервётся. Но это может быть километров десять или сто. А вот, тут написано, что дом только поднимется выше от земли.

Рисковать нам не хотелось. Если колдун увидит, что мы

тут натворили, он просто заберёт из общежития крестец и уйдёт с ним в другое место. Потом у нас возник план. Мы решили, что Илья уедет с пуговицей километров на десять, а мы с Сакатовым останемся здесь, караулить колдуна.

– Хорошо, если этого расстояния будет достаточно, и дом не появится. – Илья, который сначала с восторгом принял наш план, вдруг засомневался – А если расстояния не хватит, чтобы связь дома с пуговицей порвать, и дом всё равно появится, и одновременно появится возле него в это время колдун, то как вы его остановите? Он вас в порошок сотрёт. Вы же не придумали, как его нейтрализовать. Или хотя бы защититься от него. Он может заскочить в общежитие, взять крестец, и исчезнуть, предварительно с вами разделавшись.

– Я предлагаю простой выход. – Сакатов поднял руку, словно школьник на уроке – Дождаться, когда колдун зайдёт в общежитие. А потом быстро отыскать и порвать эту нить. Пусть он останется в том небытии, которое он сам себе и создал. Я вижу, Оля, что ты думаешь, что это жестоко, но он не пожалел своего помощника. И будет пробовать снова и снова пытаться попасть в эту чёртову пещеру к Скабине, и неизвестно, сколько ещё невинных людей пострадает.

– Я даже и не подумала его жалеть. – Возразила я – Но я и не считаю, что страдают невинные люди. Очень даже виновные, так как сами хотят ему помогать, даже если чувствуют, что делают что-то нехорошее. Раз больше нет никаких других мыслей, значит, опять остаёмся здесь возле дома дежу-

рить. И мне кажется, колдуна нельзя оставлять в доме вместе с крестцом, даже если мы нарушим его зарубку.

Мы всё-таки рискнули и пошли к озеру умыться, правда, прошли подальше от того места, где нас с Ильёй свалили галлюцинации. Было уже темно, и луна висела над нами, хитро поглядывая на нас, так как знала, что мы ждём её определённого местоположения на небосклоне, куда она не очень торопилась попасть. После того, как мы умылись, мы нашли открытое светлое место у самого леса, и перекусили тем, что припас Сакатов. Ветра не было, чай был горячий, поэтому мы не спешили возвращаться к этому чёртову общежитию. Мы просидели почти час, пока Сакатов не заторопил нас на место нашего дозора. На этот раз мы прошли подальше в ельник, притащив с собой пару досок, чтобы не сидеть на сырой земле. Место для наблюдения мы выбрали, можно сказать, комфортное. Во-первых, мы были далеко от дорожки, по которой мог пройти мимо нас Ким. Во-вторых, место у нас было повыше, чем мусорная куча, поэтому обзор был лучше, не смотря на то, что перед нами были густые невысокие ели.

Мы долго спорили, но так и не пришли к единому мнению о времени появления призрачного общежития. Сакатов считал, что разница буквально в минутах. А Илья вдруг решил, что появление дома может зависеть ещё и от фазы луны. По его версии, мы можем прождать появления дома ещё месяц. Этим он нам, конечно, немного испортил ожидание. Потом решили, что скоро всё и так будет ясно, к чему спорить. До

часа ночи оставалось тридцать минут. Я заметила, что здесь, в лесу, намного тише, чем в других местах, птиц почти не слышно. И это не умиротворяющая тишина, а настороженная.

Воздух перед нами засветился. Первые лучи уже стали вырисовываться прямыми конструкциями крыши, стен. Зрелище просто великолепное. Сказочное. Лучи торопятся, обгоняют друг друга, складываясь в сияющий дом. Потом дом начинает темнеть, начинает различаться структура материалов, из которых он сделан, вспыхивают жёлтым светом окна. И тут мы понимаем, какую ошибку мы сделали, сев позади дома. Место, конечно, хорошее, но видна только задняя часть дома, а крыльца не видно. Дом ведь стал плотный, деревянный. Я ойкнула, Илья понял первый нашу ошибку, потому что заскользил, прячась за ветками, к углу дома, откуда он сможет увидеть крыльцо и дорогу, ведущую к нему.

А я вдруг почувствовала, что тоже продвигаюсь к дому, вернее он меня затягивает. Хоть я и поняла, что это только мысленно, но всё равно, у меня не было желания подлетать к нему, а тем более попасть внутрь его. Я попыталась сопротивляться, но всё равно летела к нему, словно мотылёк на огонь. Я перелетела через крышу, по пути заметив, что крыша была худая, и почти на половине одного её ската отсутствовал рубероид, потом я пролетела мимо ржавого козырька, и очутилась внутри общежития.

Свет в общежитии был тусклый, но ровный, нигде не было

тёмных углов. А чем, собственно, освещается длинный коридор? Лампочки, без плафонов, свисали с потолка, но они не давали света. Свет вокруг меня просто был. Желтоватый. Да, мрачно здесь. Деревянный пол был сколочен из широких досок, с облезшей краской, из-под которой выглядывало грязно—коричневое дерево. Стены коридора до уровня глаз были окрашены синей краской, которая в некоторых местах облупилась, из сколов виднелись белые пятна шпатлёвки. Верх стен и потолок были жёлтые, и было непонятно, то ли побелка стала жёлтой от старости, или это освещение его так выкрасило. Коридор шёл в обе стороны от тамбура, и в нём было двенадцать дверей, по шесть с каждой стороны. Двери располагались по обеим стенам коридора, по три вдоль стены. Прямо напротив входной двери стоял старый облезлый письменный стол с одной тумбой. А рядом стоял круглый деревянный стул. Стоял, это не совсем верно сказано. Стул лавировал всего на одной передней левой ножке, а остальные три ножки висели в воздухе. Будто кто-то его держал. А ещё, в воздухе точно так же висели некоторые мелкие предметы, один карандаш, насколько бумажных листков из отрывного календаря, ключ, тапок, газета. Мне казалось, что я попала в невесомость, например, на космический корабль, хотя интерьер был чересчур убогий. И ещё, все контуры предметов казались немного размытыми, словно художник написал картину акварельными красками. Я медленно свернула в левый коридор и поплыла вдоль закрытых дверей. Надо бы посмот-

реть, что за ними.

Я очутилась в первой комнате, которая у меня была по пути. И мне стало страшно. В коридоре вся обстановка воспринимается как какая-то необычная, загадочная, но от неё мурашки по телу не ползут. А в комнате странность этого места переросла в настоящую жуть. Во-первых, что вначале приковывает взгляд, это окна. За ними не просто темнота, это человеческий взгляд может принять нормально, нас же не пугает ночь за окнами. Но там был яркий красный свет, который горел только за окнами, и стёкла его отсекали! В комнате, как и во всём здании, просто присутствовал жёлтый тусклый свет, и никакого красного отсвета в комнате от окон не наблюдалось. Эта краснота, что буйствовала за стеклом, она не была статична, а закручивалась в водоворот. Словно кто-то размешивал яркую красную краску в банке, и она морщилась, раскручивалась, что-то в ней всплывало яркое, потом оно тускнело, и уходило вглубь. Я еле оторвала взгляд от окон. С обеих сторон окна, вдоль глухих стен, стояли железные койки без матрасов, все покорёженные, с вывернутыми ножками и вздувшимися панцирными сетками. А на стенке, к которой примыкали кровати, были тени от кроватей. И не только от них. На тенях от кроватей кто-то ползал и шевелился! Или лежал, или сидел, или вставал. Я отпрыгнула обратно в коридор. Так как я понимала, что мне нельзя здесь задерживаться, я быстро заскользила по коридору, заглядывая в комнаты лишь для того, чтобы найти то, зачем

я сюда пришла. Я заметила, что на кроватях не во всех комнатах были шевелящиеся тени. Я старалась не задерживать на них взгляд, понимая, что, скорее всего, они совершенно безобидны. В комнатах левого коридора крестца я не нашла.

Я перелетела в правый коридор. Снова начала заглядывать в комнаты. Они были совершенно идентичны комнатам левого коридора, но две комнаты были совершенно пусты. Вернее, в них не было кроватей, но они были в какой-то паутине. Паутина была редкая, и сквозь неё просвечивали только стены. Я не хотела узнавать, для кого сплетены эти паучьи ловушки. Я вернулась в коридор. И тут мой взгляд упал на письменный стол. Я сосредоточилась и сотворила себе руку, которой открыла дверку тумбы. Там лежала только одна вещь – цепочка с двумя остроугольными звёздочками. Я потянулась к ней, но меня сначала обожгло, причём всю сразу, а потом оттолкнуло вверх, почти под самый потолок. Такое впечатление, что я задела своей невидимой рукой оголённые провода. Такой опыт у меня был недавно, дома, когда я меняла перегоревшую лампочку в люстре. Я снова опустилась, и направилась к выходу, решив, что видела достаточно, теперь надо быстрее улетать, коли я уж не могу взять крестец.

– Очень торопишься? – Раздался рядом голос – Может погостишь ещё?

Мой полёт к двери закончился. Меня словно пригвоздили к этому месту. Голос был не колдуна, то есть, не мужской. И не очень женский, разве что очень старая женщина со мной

говорила.

– Вы кто? – Только и смогла проговорить я.

– А ты готова это узнать? Мою историю в двух словах не скажешь, а ты вон как торопишься. – В голосе я почувствовала какие-то жалостливые нотки.

– Я хочу успеть вылететь отсюда, пока дом не исчез.

– Никуда он не исчезнет, не бойся. Я уже двенадцать лет здесь.

– У меня нет столько времени. Я могу завтра прийти снова, и вы мне расскажете свою историю. А Ким не рассердится на Вас за то, что вы приглашаете незнакомку к себе в дом? – Осторожно попыталась я выпытать у неё про колдуна.

– Какой такой Ким? Кто это? – Голос искренне был удивлён.

– Может его зовут и не Ким, он просто представился так. Он вчера ночью вышел из этого дома.

– Отсюда много кто выходит, потом снова приходит.

– Много? Я где они все теперь? – Теперь подошла моя очередь удивляться.

– Кто всё ещё здесь, кто ушёл. Ты же сама только что видела их, когда заглядывала в комнаты.

– А вы знаете, что за предмет лежит у вас в столе? Цепочка с двумя звёздочками? – Спросила я её напрямую.

– Знаю. А ты за ней приходила?

– В общем-то, да. Но я её взять не смогла.

– Так не ты же её туда положила. Или ты не знаешь, что

чужое брать нельзя? – И тут я заметила небольшую скрюченную тень, которая скользнула из левого коридора к письменному столу – Тебя родители не учили этому?

– Учили, конечно. Но это плохая вещь, один колдун хочет этой вещью подчинить Горного Духа. А этого допустить никак нельзя.

Стены дома мелко задрожали, и стало светлее. Я скользнула к двери и спросила маленькую тень, которая теперь сидела на письменном столе:

– Я завтра к вам приду, можно? Мы с вами обязательно поговорим, и вы мне расскажите свою историю, а теперь мне нужно уйти отсюда.

Тень ничего мне не ответила, а я стремглав вылетела из дома, который прямо на глазах начал истончаться, светлеть, и я уже видела контуры деревьев, на которые падал свет от исчезающего дома.

Я очнулась и открыла глаза, когда дом уже совсем исчез, и вокруг было темно. Ильи не было видно, рядом сидел только Сакатов.

– Я так и думал, что ты сегодня туда полетишь. – Сказал он мне, когда я села – Ну, и что там? Хорошо, что колдуна сегодня не было.

В это время послышался шум ломающихся веток, шаги, это вернулся Илья. Он покачал головой:

– Он может завтра прийти, а может и через год. Что делать будем? Я не собираюсь тут каждую ночь луну ждать.

– Я была сейчас внутри дома. И познакомилась ещё с одним жильцом этого таинственного общежития. Кстати, тебе Татьяна не передавала список жильцов общежития?

– Пока нет. И не звонила. То есть, кроме Субботы там ещё кто-то обитает?

Я им рассказала о том, как выглядит этот дом-фантом изнутри, про футуристический свет за окнами, про таинственные живые тени, и про голос, который услышала там. Рассказ произвёл на них сильное впечатление. Они даже первое время не задавали мне никаких вопросов.

– Поэтому завтра я должна вернуться в общежитие. Надо поговорить с этой тенью, раз уж она меня заметила. И ещё, надо подумать, как я смогу забрать крестец. – Подвела я итог.

– Слушай, я если просто зайти в своём нормальном виде и взять крестец из тумбочки? – Спросил Илья – Колдун ведь входит туда в своём физическом теле.

– Я думаю, что он, когда входит, тоже становится одной из этих тёмных теней. Человека дом не примет. Там законы природы искажены. Там предметы парят, словно вокруг невесомость. И предметы не имеют чётких очертаний.

– Домой? – Спросил Илья, а потом добавил – Интересно бы посмотреть на этот цирк изнутри.

Воспоминания о доме не отпускали меня ни на минуту. Перед моими глазами стоял жёлтый коридор, красный свет за окнами, шевелящиеся на стене тени. Я думала об этом всю

обратную дорогу из леса, потом думала о нём дома, пока не заснула. Утром первая моя мысль была тоже о призрачном доме. Дом меня притягивал, звал, я быстрее снова хотела по-пасть туда.

– Ты работать будешь, или так и будешь стоять с мечтательным выражением на лице? – Подозрительно спросила меня Наташа, отодвигая меня от кассы – Иди, чайку крепкого попей, и приди в себя.

Я зашла в подсобку, машинально вскипятила чайник, налила чаю, но так к нему и не притронулась. Вместо этого я взяла телефон и позвонила Сакатову.

– Может это какое-то колдовство? – Размышлял Сакатов, когда я поделилась с ним своими мыслями – Сама говоришь, что там жутко. И снова хочешь вернуться. Сие очень странно. Надо мне с Анной посоветоваться, может тебе не стоит второй раз туда возвращаться. Может именно так и собрали там команду жильцов? Вполне допускаю, что дом их тоже манил к себе.

– Очень хочу послушать историю призрака. Жаль, что она не назвала мне своего имени.

– Она его может и не помнить. Она ведь уже не человек.

– Ага, историю свою помнит, а имя нет?

Он перезвонил мне через пару часов, после того, как со-звонился с Анной и проконсультировался с ней.

– Оля, ты оказалась права, в дом живому человеку не зайти. Колдун должен ещё на пороге трансформироваться в

ть. И вещь никакую оттуда не вынести, если ты её сам туда не положил. А про жильцов общежития Аня сказала, что колдун не специально их там поместил. Просто он не позаботился, чтобы при его колдовстве обезопасить других людей. И те люди, чьи проекции попали в этот заколдованный дом, хоть и живут среди нас, но всю жизнь страдают от того, что не находят себе места. Это в прямом смысле. Им постоянно куда-то хочется уехать, они словно что-то забыли, и не могут это вспомнить. Они, конечно, живут своей жизнью, работают, у них есть семьи. Но они склонны к душевной тоске, хандре. Аня предлагает отпустить те тени из дома. Это не сложно, если уж ты там появилась. Но надо, чтобы они тебе поверили, и сами захотели за тобой выйти.

– Так они, значит, могут навсегда покинуть дом? – Поразила я его словам.

– Да, только, прежде чем выйти, им надо забрать свою вещь, которая привязала их к этому гиблому месту. Она для них дороже всех богатств мира. Это потому, что колдун создал этот дом, как тайник для своей вещи, поэтому и все остальные жильцы живут с такими же бессознательными мыслями, что у них тоже есть что-то очень ценное.

– Мне призрак сказала, что другие призраки то приходят, то уходят. Скажи на милость, куда они могут исчезать из дома? Какие у них дела среди людей?

– Это может означать лишь то, что они иногда вырываются из дома к своему физическому телу, но всегда возвраща-

ются назад, раз они привязаны к дому этой своей вещью.

– Получается, теоретически, что я, если бы тоже была тенью, смогла бы навсегда покинуть призрачный дом, если бы у меня не было никакой вещи?

– Получается, что да. А для тебя доступ в дом открыт только тогда, когда ты его видишь, раз никакой другой привязки к нему нет. Видимо, и колдун поэтому приходит только тогда, когда дом здесь материализовался, так как вещь у него волшебная, и к ней нет такой привязки.

– Ладно, это касается призраков. А как быть с крестцом? Ждать, когда колдун сам заберёт его и потом отобрать у него?

– Аня предлагает эту цепочку расколдовать. Пусть она там лежит, раз ты не можешь к ней прикоснуться. Но её нужно лишить силы.

– Правда? А, ну да, я же суперсильная колдунья, я просто забыла!

– Не кипятись. Дослушай до конца. Ты, понимаешь, что другое измерение, где находится общежитие с его жильцами, является чистой энергией? Там нет ничего, и там есть всё. И там образовался диссонанс – этот крестец. То есть, это явное противоречие. Колдовская суть крестца там искривлена, и мы не знаем как. Поэтому его надо сломать энергетически. Или просто порвать.

– Просто порвать? – Моему негодованиею не было предела – Я только руку к ней протянула, как тут же оказалась под

потолком. И ещё будто током ударило. Тоже, заметь, диссонанс! Тела с собой нет, а током долбануло! И больно, скажу тебе.

– А порвать можно её очень оригинальным способом. – Продолжал Сакатов, не обращая внимания на мои слова – Не надо к ней тянуть руки, а мысленно пододвинь её на край полки, чтобы она свесилась из тумбы. И закрой дверку.

– Ты сам придумал? – Скептически спросила я.

– Да! – Гордо ответил он – Когда Аня мне сказала, что нужно повредить цепочку, чтобы круг разомкнулся, я вспомнил, как на юге потерял цепочку, зацепившись за железную лесенку на пирсе.

– Это не одно и то же.

– Знаю, но ты не можешь взять с собой никаких инструментов, и там их нет. Ты же не сможешь деревянным карандашом порвать цепочку! А впрочем, если её закрутить, тьфу, ты! Опять забыл, что у тебя не получится прикоснуться к цепочке, и к остальным предметам в этом доме тоже. Значит, остаётся один способ – порвать её в притворе дверки.

– У меня там рук нет! Если ты этого не помнишь.

– Не получится первый раз, будем пробовать снова и снова. Ты же смогла открыть дверцу, вот и откроешь её снова, спустишь с полки цепочку, сосредоточившись на ней, и закроешь дверь. Цепочка, по моим подсчётам, должна порваться. Надеюсь.

– Мы уже начали ездить на озеро, как на работу – Вздох-

нула я.

–Если ты всё сделаешь, как надо, то сегодняшней ночью всё и закончится. – Успокоил меня Сакатов.

Илья тоже не хотел ехать вечером к озеру, но упирался так, для порядка. Я думаю, что его тоже очень заинтересовал этот таинственный полуночный дом. В одиннадцать вечера мы уже снова были на своём боевом посту, сидели на камне. Сакатов опять захватил с собой термос, поэтому в полночь мы попили чайку, словно у нас была экстравагантная традиция ночных чаепитий. Небо над нами сегодня было не такое звёздное, как предыдущие две ночи, но луна медленно и важно плыла к нам по небосклону, и мы не отрывали от неё взгляда. Когда поляну снова осветили лучи стремительно проявляющегося дома, я уже была настроена на вторжение в него. Мне показалось, что дом сегодня намного активнее и охотнее втягивает меня в своё нутро, или просто я быстрее лечу, потому как уже знаю, что там меня ждёт.

Я влетела в дом и остановилась напротив тумбочки. Оглядевшись, я не заметила ни одной тени. Это хорошо. Я снова представила, что у меня есть рука, вернее две, и открыла дверку тумбы. Цепочка так же лежала на нижней полке. Выглядела она блекло, словно была покрыта толстым слоем пыли. Как только я представила, что пытаюсь подвинуть её к краю полки, рядом снова раздался голос, дверь тумбочки захлопнулась, и тень скользнула по стене, у которой стоял стол, замерев напротив меня. Я почувствовала, как неведомая си-

ла отодвинула меня от стола. А тень, как и та, вчерашняя, села на стол. Я вгляделась в неё. Сегодняшняя тень была гораздо крупнее вчерашней, а та её часть, где предполагалась голова, была лохматая и кудрявая.

– Зачем ты это делаешь? – Голос был мужской, немного сипловатый, это точно не вчерашняя старушка.

– Я хочу его уничтожить, это плохая вещь. – Ответила я.

– Нельзя. Это не твоё. – Строго сказала мне тень – Ты хочешь, чтобы тебя сожрал чернозоб?

– Какой чернозоб? – Спросила я.

– Который плетёт свои сети, чтобы таких как ты ловить.

Я вспомнила две пустые комнаты и паутину на стенах. Так, получается, что тени и какой-то там чернозоб против того, чтобы я забрала крестец. Неожиданная помеха.

– Ты не похожа на нас. – Сказала тень.

– Потому что я не живу здесь в этом унылом доме. – Ответила я.

– Ты хочешь услышать мою историю? – Голос тени стал печальный – А потом я выслушаю твою.

– Послушай, здесь нельзя жить, это плохое место. Отсюда можно выйти совсем. – Сказала я – Это очень просто. Не надо бояться. Ты ведь не хочешь больше здесь оставаться? Здесь так уныло. Там, за стенами, другая жизнь, она идёт вперёд, а не топчется на месте, как здесь.

– А ты тогда зачем здесь? Если там хорошо, зачем ты снова вернулась сюда? – Послышался рядом вчерашний голос,

и ещё одна тень скользнула к столу.

– Я уйду, я просто хочу сломать эту вещь, я не буду её брать. Вы позволите?

– Нет. Нельзя. Это не твоя. – Снова ответила тень, говорящая мужским голосом.

– Ты знаешь, что такое зло? – Спросила я.

– Наверное. Но здесь нет зла. Здесь покой. – Торжественно ответила тень.

– Нет, здесь есть зло. Оно сотворило эту ловушку, куда вы попали много лет назад. А если быть точнее, то пятьдесят лет. И сотворило оно её только для того, чтобы спрятать вот эту вещь, которая сейчас находится в тумбочке.

В коридор стали выползать ещё тени. Кто-то шептал: «Пятьдесят лет? Что она говорит? Не может того быть!» Тени сливались в одно сплошное тёмное пятно, я чувствовала их настороженность, и это меня очень тревожило.

– Я уже знаю, как сделать так, чтобы этот дом больше не появлялся на земле. – Продолжила я – Но тогда у вас больше не останется шанса выйти отсюда.

Опять со всех сторон слышался шепот: «Зачем нам выходить отсюда? Кто она такая? Не надо её слушать!»

– А что мы будем делать там, за стенами? – Спросила тень.

– Каждый из вас является частью чьей-то жизни. Вы – это малая часть большой мозаики, и пока вы не встанете на своё место, вашей истинная жизнь не будет полной. Не буду скрывать, прошло много лет, и вполне возможно, что те из вас,

кому больше некуда возвращаться, просто исчезнут. А может, вы исчезните только в нашем мире, но вы найдёте себя в другом месте, я этого не знаю. Одно я точно знаю, что этот иллюзорный и страшный дом отпустит вас. Что бы вас там не ожидало, это будет настоящее.

– Но мы всегда сюда возвращаемся, куда бы ни уходили от него, дом зовёт нас, мы не можем долго находиться вдали от него. – Раздался другой голос, тоже мужской, но более молодой.

– Да, потому что у вас у каждого здесь есть какая-то привязка, и она, словно якорь, вас не отпускает. Вам надо просто взять её и вместе с ней выйти из дома.

– Тогда мы можем потерять это, а оно нам очень дорого! – Зазвучал другой голос.

– На самом деле эти вещи не имеют той цены, которую вы придумали для них, это всё вам внушило колдовство. – Сказала я – Они вообще пустяк, безделицы, которые вас держат здесь. Колдун, который оставил здесь свою вещь, очень дорожит ею, и она может принести ему власть над могучим существом, и эта вещь по-настоящему волшебная. И эта проекция его мыслей нашла отголосок и в ваших мыслях. Но у вас на самом деле нет таких волшебных и сильных вещей. Взгляните на них по-другому. Если не сможете, то просто поверьте мне и вынесите их за стены этого дома. Как только вы с ними переступите порог, вы увидите истинную сущность такой дорогой для вас вещи.

– Может, ты пришла отобрать у нас то, что нам дорого? Ты ведь уже хотела взять чужую вещь, как мы может верить тебе? – Это говорила вчерашняя старушка.

– Я Вам вчера честно сказала, что пришла за единственной вещью, которая мне нужна. Это вещь принадлежит не мне, это правда. Но нельзя, чтобы она снова оказалась в руках колдуна. Он уже погубил одного человека, добиваясь своей цели.

– Может, она говорит правду? – Раздался голос кудрявой тени.

– Так что же ты тогда ждёшь? Выходи отсюда со своей кладью, а мы посмотрим. – Раздались голоса со всех сторон от меня.

– Я выйду. – Твёрдо сказала кудрявая тень и дёрнулась в левый коридор.

И сразу же вернулась с ножницами. Я была крайне удивлена. Просто ножницы? Тень проскользнула мимо меня, отразилась на входной двери, и исчезла. Вместе с ножницами. Я просто глазом не успела моргнуть.

Остальные тени зашевелились. Ну, давайте же думайте быстрее! И вдруг входная дверь открылась и в неё шмыгнула тень. Только не кудрявая, а широкоплечая, с маленькой головой. Это колдун? Или очередной жилец возвращается с прогулки? Тень доползла до стола, дверь тумбочки открылась, тёмная рука скользнула к цепочке, и цепочка повисла в воздухе. Потом тень вместе с цепочкой вернулась к двери,

дверь открылась и за порогом тень превратилась в колдуна и скрылась в темноте. Я тоже поплыла к дверям, и в это время все остальные тени закружились по коридору, заметались по комнатам, и к дверям в окружении теней полетели расчёски, значки, носки, ложки, конверты, часы, и даже один полупустой флакончик с одеколоном.

Общежитие опустело. Буквально нескольких минут мне не хватило для того, чтобы первой добраться до крестца. Я выплыла из дверей и очнулась на камне. Я открыла глаза и увидела, как Сакатов поднёс близко к глазам пуговицу, и сквозь неё посмотрел на начинающий уже светлеть дом. Даже издалека я увидела тонкую паутинку, которая протянулась от пуговицы к дому. Сакатов резко подцепил паутинку рукой, и она заискрилась, задрожала. Он её дёрнул, но она только сильнее задрожала. Он ещё сильнее напрягся и начал её разрывать, но она только растягивалась. Илья тоже, увидев в воздухе тонкую нить, попытался её порвать, но тоже безрезультатно. Тогда Илья нагнулся к ней и перекусил. И сам засмеялся. Нить исчезла, и в то же мгновение дом, который уже понемногу и так растворялся в воздухе, взорвался серыми рваными световыми облачками, которые полетели в разные стороны, темнея на ходу.

– Вот и всё. – Тихо сказал Сакатов – Как там жильцы?

– А нет там больше жильцов. – Ответила я – И крестца там нет. Опоздали мы с разрушением дома. Всего на минуты. Вы видели колдуна?

– Конечно. – Сакатов размахнулся и выкинул пуговицу в тёмные кусты – Он, как ошпаренный, бежал тут по тропе в дом. И через минуту обратно выбежал. Мы подумали, что он тебя увидел и ушёл.

– Нет, он схватил крестец из стола и вышел. Не знаю, понял ли он, что там посторонний находится, или нет. Не представляю, что делать будем.

– Спать ночью дома будем, и перестанем под окнами общежития караулить. – Ответил Илья – Придётся тебе искать его новую берлогу.

– Завтра, всё завтра. – Сказала я, и мы потопали через лес к машине.

Глава 9. Разорванная цепь.

– Молодцы, всё успели, и жильцов отпустили, и аномальное место закрыли. – Похвалила нас Анна, когда на следующий день с утра я ей позвонила – Крестец сейчас ищите. Он на поверхности, значит, ты уже сможешь его почувствовать, тем более, ты хорошо теперь знаешь, как он выглядит. Тебе проще будет на нём сконцентрироваться. Эту цепь, тоже, как и нить от заклада, надо просто порвать. Цепь хоть и железная, но звенья при соответствующем усилии поддадутся, не сомневайся. Даже твоей силы хватит. Самое главное, надо круг разомкнуть, я уже говорила об этом Алексею Александровичу. Разомкнёшь круг – и уже не восстановить будет его первооснову, он перестанет существовать как колдовской артефакт. Хотя сразу тебя хочу предупредить, цепь может очень сильно сопротивляться твоему воздействию. Может, это будет огонь, может, будут разряды в тебя лететь, или просто в руки не будет даваться, смотря, что колдун в неё заложил.

– Даже если я порву цепь, колдун новую сделает. – Слабо возразила я – Что ему стоит!

– Так не он же сам этот крестец сделал. Это опять подарок оттуда. Только в адской кузнице куют такие цепочки. Вряд ли колдун придёт к ним снова с заявкой на повторение зака-

за. Там этого очень не любят.

– А что за звёздочки на цепи? Для чего они?

– Звёздочки, это мешочки энергии, стартёры, если говорить понятным для нас языком. Они и запускают процесс формации, который заключён в цепи.

– А звёздочки как уничтожить?

– Надо только цепь разорвать. Звёздочки являются однократным исполнительным механизмом.

– Понятно. Аня, как нам защититься от колдуна? Вдруг он нас так заморочит, что мы и не вспомним, зачем к нему пришли.

– Да, вы его разозлили, это точно. И он уже понял, что так просто от вас ему не отделаться. У тебя есть оберег, поэтому колдун и поговорил с тобой достаточно мирно, когда в аптеку к тебе приходил. А вот на своих помощников тебе надо будет каждый раз охранное заклинание накладывать, когда на поиски колдуна будете отправляться.

– Ты хочешь сказать, что когда он ко мне приходил в аптеку, у него на меня были другие планы? – Удивилась я.

– Неужели ты наивно думаешь, что он просто пришёл к тебе поговорить? Вернее уговорить? Что-то не похоже на того, кто привык командовать.

– Он предложил научить меня разыскивать пропавших людей. Так сказать, услуга за услугу.

– Экспромт, чистой воды экспромт. Он хотел заставить тебя поехать с ним и убрать ловушку. И на ходу понял, что это-

го сделать у него не получится. Но сейчас, я думаю, это уже не является для него препятствием. За это время он нашёл метод обезвредить ловушку. Вам надо поспешить. У него, мне кажется, был запасной план после неудачи с жуком. То есть, у него есть тот, кто донесёт крестец до усыпальницы Духа, поэтому он и достал его из своего тайника.

– А охранники Духа не смогут с ним справиться?

– Крестец сам по себе очень сильный артефакт, и если он способен саму Скабинею выманить к демону, то хранители для него не являются большой помехой. Самое главное, это попасть с крестцом в тайную пещеру. Как только объект попал в тайное место, всё, крестец уже не даст никому против себя действовать, хранители будут бессильны его нейтрализовать. Крестец начинает призывать Скабинею, которая бессознательно будет тянуться к нему, и не будет сопротивляться, когда цепь будет накинута на неё. Хранители может и будут пытаться её остановить, но это всё равно, что муравью хвататься за ноги слона. Поэтому колдуну важно послать туда того, кого стража не увидит, как он проберётся в это тайное место. Крестец будет направлять его путь, потому что демонское оружие избирательно. Оно изготовлено конкретно под порабощение Скабинеи, этот интерес у демонов с колдуном обоюдный. Колдун получает стрелу, а демон – Скабинею.

– Слушай, Аня, мы тут с Сакатовым порассуждали, и пришли к выводу, что колдун очень боится кого-то, раз сам пря-

чется, и свой артефакт держал в том исчезнувшем общежитии, подальше от любопытных глаз. Как ты думаешь, от кого это он так тщательно скрывался? Может это наш потенциальный компаньон?

– Необходимость так хорошо устроить себе убежище возникает тогда, когда тот, кто преследует тебя, намного изощрённее и сильнее. Вполне возможно, что ещё кто-то пытается получить сокровище Горного Духа. А может, колдун сам по себе такой осторожный, очень основательно всё про себя скрывает, чтобы никто даже не смог и предположить, что он не простой человек. Мне кажется, что это не первая его попытка, поэтому он так и осторожничает. И ещё, Оля, не хочется тебя пугать, но ваш колдун некромант. Вы мне рассказывали, что он стружки заставлял своего помощника жечь. Стружки подбирают в том месте, где гробы изготавливают, это старые колдовские уловки. Так вот, такие стружки берут некроманты с собой на кладбище, когда слугу себе выбирают из тех жильцов. Так что будьте готовы ко всему. Когда придёшь с работы, позвони мне, я тебя научу делать венки для оживлённых.

– Что за венки для оживлённых?

– Такие обручи из верёвки на ожившие головы, чтобы они снова стали просто покойниками.

– О, только не это! – Взмолилась я – Я не знаю, смогу ли я вообще приблизиться к такому существу! И запах я этот не переношу!

– Надо быть готовой. Колдун на этот раз может послать неживого. Раз эти жуки такие непослушные и самостоятельные, и не дают себя эксплуатировать так, как хочет колдун. Он больше не будет рисковать. Тем более, что его неудача с жуком принесла ему столько свидетелей и преследователей.

– Ты думаешь, что он больше не сотворит себе жука?

– Я думаю, что нет. Но не бойся, с оживлённым справиться проще, чем с другими его помощниками.

– Да, если он выберет скелет для этого дела, а если оживит недавно умершего, у которого всё нормально с мышцами, и который нас раскидает до того, как я ему венюк надену на голову?

– Это в фильмах только зомби сильные и свирепые. А на самом деле оживляется только плоть, а мёртвой плоти, сама понимаешь, очень далеко до живой. Дух, который в людях поддерживает волю к победе, а также разогревает их ненависть, у оживлённого отсутствует. Он просто пройдёт туда, куда ему укажет хозяин, и сделает то, что ему было велено. Безэмоционально. Головой он уже не соображает, какие-то новые решения тоже не в силах принять. Такой оживлённый чем удобен для колдуна – его не сможет обнаружить стража Духа. Он уже является частью земли, как корешки, камушки. Он – тлен.

Хоть Аня и попыталась меня успокоить несёт оживлённых, и вроде сначала у неё это получилось, но через некоторое время, после того как я положила трубку, по мне

несколько раз прошла волна отвращения, от одной только мысли о мёртвых. После работы я позвонила Ане, и она мне объяснила, как делается веночек для повторного упокоения покойников. Илья привёз Сакатова в семь вечера ко мне, мы снова разложили карту, и я начала водить над нею руками, ясно представляя перед собою крестец. В районе трассы, которая вела к посёлку Синему, пальцы у меня начало колоть иголками.

– Надо ехать к Синему. Он едет туда. А я ещё не сделала веночек для ожившего.

Я открыла шкаф и достала пояс от своего любимого нарядного платья. Что делать, других верёвок у меня нет. Разложила его на полу, и стала читать над ним заговор, который написала мне Анна.

Станет верёвка виться

Кровушка перестанет литься

Поищи чёртов исток

С ним ложись головой на восток

Иди, не спотыкайся,

Обратно не возвращайся

Со скорбями со стылами

Пал пади

В землю верни

Прах остынь

На зов смерти отзовись

Прочитала трижды, потом завязала на поясе узел, кото-

рый научила меня делать Анна. И мы поехали к шахте. Уже по дороге я вспомнила, что не сотворила охранных заклинаний для Ильи и Сакатова. Ладно, придётся это сделать на ходу прямо перед шахтой.

– Оля, если на самом деле нам встретится оживлённый, ты не бойся, просто его воспринимай как объект. – Советовал мне Сакатов спокойным голосом, чем злил меня ещё больше.

– Ну да, мне же надо просто подойти к этому объекту и надеть на его голову верёвку, что в этом такого? – Язвительно сказала я.

– Ты губы покрась и улыбайся пошире, мужиков это обезоруживает. – Подначил меня Илья.

Мы очень спешили, поэтому нас на трассе остановили патрульные. Мы потеряли минут пятнадцать. Илья сел в машину злой, и с нами до самого посёлка не разговаривал.

Зато Сакатов не замолкал ни на минуту всю дорогу, стараясь меня подбодрить.

– Все судят об оживлённых только по страшным фильмам, про всяких там зомби. Я понимаю, людям нужны яркие эмоции в дополнение к своей пресной жизни. Чтобы обязательно жуткий кто-то гнался, рвал зубами, кровь во все стороны. А ты сидишь в мягком кресле с попкорном и радостно закрываешь глаза с мыслью: «Слава богу, это не со мной!» А вот я как-то читал про интересный случай, который произошёл в конце девятнадцатого века. То есть не так и давно это было. Название деревни не помню, но это было где-

то здесь, на Урале. Там у них в деревне женщина одна жила, Дарьей звали, такая рукодельница, что в округе все про неё знали. Дарьей – искусницей называли. Вышивала так, что настоящие картины у неё получались, словно живые. Барыня ей из Петербурга разноцветные нитки привозила целыми возами, и Дарья сидела днями и вечерами, вышивая райских птиц и дивные цветы. Одна такая её картина даже царице Александре Федоровне была подарена на её именины. Так получилось, что пока молодухой была, Дарью замуж барыня не пустила, работы много было, а потом уж никто и не сватался больше. Так и жили они вдвоём со своей старой матерью. Пришло время матери помирать. Дарья плачет, совсем одна-одинёшенька остаётся на земле. А тут вечером стук в дверь раздался. Стоит на пороге старушонка сухонькая, в шаль замотанная, просится переночевать, мол, ей идти ещё далеко, до соседней деревни, а она ногу подвернула, не успела засветло, не в лесу же ей на ночь оставаться. Дарья её запустила, стол накрыла. Старушонка поела хлеба да молока, поблагодарила Дарью, а потом смотрит, у Дарьи на лавке лежит вышивка, незаконченная, один уголок всего остался дошить. Старушонка вышивку развернула и ахнула – там, на голубом васильковом поле, расцвели красные маки и жёлтые одуванчики, и бабочки среди них порхают. Старушонка глаз не может оторвать от картины, так она ей приглянулась. Просит Дарью, продай, мол, есть у меня золотая монета на чёрный день, отдам за такую картину, не пожалею. Дарья по-

качала головой, не могу, говорит, эту вышивку я подарю моим соседям, которые гроб для матушки сделают, и помогут её упокоить. Старушонка взглянула на мать Дарьи, и говорит ей, что, мол, недолго та на земле загостится. Дарья смахнула слезу, и сказала, что знает про то. Тогда старушонка и говорит ей, могу, говорит, так сделать, что мать не покинет тебя. Дарья сначала недоверчиво посмотрела на старушонку, а потом как-то сразу ей поверила. Вот и договорились, что Дарья ей картину дарит, а та наколдует ей, чтобы мать не покидала Дарью. Дарья до утра картину вышила, старушонке её с поклоном отдала, та достала из наплечного мешка верёвочку, завязала её вокруг шеи матушки, а на узелочек поплевала и пошептала что-то. И ушла. Дарья радуется, говорю тебе, Оля, она поверила той старушонке! А через два дня матушка Дарьиная померла, пока Дарья сено корове давала вечером. Ох и убивалась Дарья! Она ведь понадеялась на слово старушонки, и не сидела последние минуты рядом с матушкой. Соседи помогли похоронить её матушку, и гроб сделали, и крест, могилку выкопали. Дарья ей подушечку красивую вышила, чтобы лежала её матушка в цветах. Вернулась Дарья с похорон в пустой дом, села к столу, положила голову на стол, да так и уснула. А ночью будто кто ткнул её под бок. И голос в голове она слышала матушкин, что, мол, ты, доченька моя милая, меня в сырой земле-то оставила, я отсюда и выйти не могу. Дарья так до конца ночи и не заснула больше. Сначала думала, что с ума сходит от горя, а к утру взя-

ла лопату и пошла на кладбище, никому слова не сказав. До самого вечера раскапывала она могилу, а когда подцепила крышку гроба лопатой, её мать открыла глаза и вздохнула. Дарья упала возле гроба без чувств. Очнулась она оттого, что матушка гладила её по голове. Вот так она привела обратно свою матушку в деревню. А доктор, когда приехал к барыне и услышал об этом счастливом воскрешении, ничуть не удивился, сказав, что такие случаи бывали, когда человек засыпал летаргическим сном, а его хоронили. И это ещё повезло женщине, что её дочь почувствовала сердцем, что совершена чудовищная ошибка. А Дарьяна матушка снова вернулась к своим делам – ходила за скотиной, копалась на огороде, пекла ароматные лепешки. Только всё больше молча, верёвочку заговорённую с шеи не снимала, и из дома редко выходила. И только одна Дарья знала, что это она выкупила свою матушку у самой смерти.

– Так может и правда, она просто впала в летаргический сон? – Спросила я.

– Не знаю, Оля, я прочитал такую вот версию оживления человека.

Мы повернули на дорогу, ведущую в шахту, и мне показалось, что как-то потемнело вокруг, даже помрачнело, если точнее сказать. Откуда-то налетел порывистый ветер, с силой полоскал тонкие ветки берёзок, почти уже голых, отрывая с них последние листья. Листья неслись перед машиной, будто показывая нам дорогу, завихряясь в небольшие смер-

чики.

Возле отвала стояла коричневая большая Тойота, заехав на край кучи, поэтому смотрелась так, будто укладывалась на бок.

– Как аккуратно поставил! – Усмехнулся Илья – Нам даже тут место осталось. Будто знал, что ещё и мы приедем.

– Выходите быстрее, я охранное заклинание на вас обоих поставлю. – Сказала я, первой выйдя из машины.

Илья надел куртку, убрал портфель Сакатова в багажник и оба стали ко мне лицом, наклонив головы. Я положила каждому на голову свою руку и прочитала три раза:

Тавень-травень

Уйми нечистого

Беса отгоняти

Тебя в охранение

Загороди железными копьями

Острыми итьяками

Тяжистыми замками

От осуда и пересуда

От стрешника и поперешиника

От скверности и прокосейности

Добрый дух на землю

Злой под землю

– Пошли. – Илья повернулся и пошёл вдоль отвала.

Мы с Сакатовым заспешили за ним, причём я с собой взяла только венки для оживлённого. Завидя между деревьями

шахтёрскую контору, Илья поднял руку, останавливая нас и шмыгнул к толстой сосне, прячась за ней. Мы с Сакатовым присели под небольшую ёлку. Илья тихо скользнул к следующей сосне, словно разведчик. Мы сидели молча, Сакатов следил за дорогой. Илья вернулся минут через десять и шёпотом сказал:

– Двери в шахту прикрыты, наш колдун что-то рисует палкой перед дверями шахты. Один.

– Значит, он отправил в шахту своего нового помощника, а сам помогает ему колдовством. Или с верёвки так и не смог снять заклятье. – Кивнул Сакатов – Ну что ж, надо идти. Мы с тобой, Илья, отвлечём колдуна от двери, а Ольга пойдёт в шахту.

– Как мы с тобой его отвлечём? – Спросил Илья – Я предлагаю, просто оттащить силой его подальше от двери, а лучше всего, связать подлеца и закрыть в машине. По возможности в его личной машине. Потом ты, например, останешься его караулить, а я пойду Ольге помогать.

– Ну да, хороший план. – Согласился Сакатов – Мы же с тобой сейчас с оберегами, колдануть на нас он не сможет, а побить нас двоих у него здоровья не хватит.

– Я что, одна пойду в шахту? – Спросила я – Я боюсь.

– Я приду туда, как только колдуна в машине закроем. – Успокоил меня Илья.

– Я тогда дождусь, когда вы его закроете, и мы сразу вместе туда пойдём. – Сказала я.

– Нет, Оля. – Возразил Сакатов – Время дорого. Если активируют эту цепочку и пробудят Скабинею, можно хоть армией идти, толку от этого мало будет.

– Ты не сразу за нами иди, а спрячься вон за тем бетонным кубом.– Илья показал мне зеленоватую конструкцию непонятного предназначения – Как только мы потащим колдуна, сразу же беги в шахту. Ладно, не бойся, я постараюсь побыстрее его дотащить и вернусь сразу же.

Они перебежками, от дерева к дереву, добежали до края леса. Я старалась от них не отставать, продралась через колючие кусты шиповника и спряталась за бетонный куб. Илья дождался, пока я спряталась за куб, вышел из-за своего укрытия и пошёл к двери шахты. Я высунулась подальше, чтобы видеть старую дорогу на шахту. Сакатов шёл на некотором расстоянии от Ильи, и в руках у него была большая палка. Я удивилась такой воинственности всегда мирного Сакатова. Видимо, колдун не сразу их заметил, потому что сначала Сакатов шёл крадучись, а после какого-то вскрика он побежал к шахте. Раздались громкие возгласы, а потом мне показалось, что запахло палёным. Хорошо, что и Илья и Сакатов были защищены охранными заклинаниями, иначе колдун бы их поджарил. Время шло, но я не видела, чтобы побеждённого колдуна тащили к машине.

Из-за угла выглянул Сакатов, весь измазанный серой грязью, и крикнул, увидев выглядывающую меня:

– Оля, иди, мы его держим!

Я побежала к нему, завернула за угол, и увидела молча копошащихся на земле Илью и колдуна. Илья прижал его к земле лицом вниз, но колдун изворачивался, стараясь схватить Илью за шею. Сакатов схватил колдуна за руки, стараясь завести их ему за спину, но в это время колдун щёлкнул пальцами, и возле лица Сакатова вспыхнул яркий снопискр. Сакатов зажмурился, но рук колдуна не отпустил. Я побежала к двери, пока колдун не повернулся в мою сторону, открыла одну створку, забежала внутрь и прикрыла её за собой. Полная темнота. Я включила фонарик на телефоне и огляделась. По крайней мере, здесь я была одна. Я откинула охранную верёвку подальше и пошла по коридору шахты, ежесекундно оглядываясь и прислушиваясь.

Дойдя до конца шахты, я встала возле стены, и не знала, что мне теперь делать. Никто меня не останавливал, но и не приглашал, как в первый раз. Я мысленно обратилась к хранителю со светящимся шаром, но не слышала ответа. В это же время я слышала какой-то неясный шум, похожий или на бормотание, или просто гул.

Сверху на меня посыпались мелкие камушки, и я подняла голову вверх, и тут же отпрыгнула к стене. Наверху что-то шевелилось, тонкое и длинное. За спиной была мокрая стена, и меня начал бить озноб.

Краем глаза я увидела шевеление внизу слева от себя. Я осветила туда и попыталась разглядеть то, что было у меня возле ноги. Такое впечатление, что это блестящий и чёрный

корень от большого растения, например, сосны. Он колыхался и, похоже, тянулся ко мне. Я отступила от него на шаг. Конечно, на такой глубине уже нет корней, но я решила, что пусть это будет корень. Корешок припал к полу, но потом задрожал, и снова стал тянуться ко мне своими антрацитовым тоненькими отростками. Странно, но страха именно к нему у меня не было. Более того, я почему-то решила, что будет лучше, если он прикоснётся ко мне. И я подвинула ногу по направлению к нему. И как только я почувствовала его лёгкое касание, тут же вывалилась из этого тёмного и пустого коридора и понеслась в какой-то чёрной трубе вниз, потом вверх, словно это были безумные горки.

Моё падение прекратилось так резко, что я дёрнула головой, и сильная боль в шее буквально скрутила меня. Но жалеть себя было уже некогда, потому что там, куда я попала, я была уже не одна. Напротив меня стояло жуткое существо, которое когда-то было человеком, в сером грязном плаще и смотрело поверх моей головы безучастными и пустыми глазами. И оно не было живо очень давно. Я это по запаху поняла. Свет в помещении был тусклый, немного пульсировал, поэтому казалось, что глаза и рот у покойника шевелятся. У меня от этого зрелища волосы на голове тоже зашевелились. Я даже не успела испугаться по-настоящему, так как в воздухе, в метре над нашими головами, висела, ярко отбрасывая от себя во все стороны светлые блики, железная цепь. Две звезды, а это они и освещали пещеру неровным пульсирую-

щим светом, медленно тянули вверх цепь и гудели, словно внутри них переговаривались с десятков людей. Потом цепь поплыла влево. Неживое существо в сером плаще безучастно отнёсся к моему появлению, даже не пошевелился. Видимо, цепь висела на нём, когда он здесь появился, а потом её каким-то волшебным образом привели в действие, и она стала подниматься от него вверх. И этого, скорее всего, он тоже не заметил. Я подбежала к висящей в воздухе цепи, которая продвинулась влево ещё на пару сантиметров и хотела схватить её. Но не тут-то было. Воздух вокруг неё разогрелся, как будто цепь только что вышла из горнила вулкана. И даже это можно было бы вытерпеть. Но мою руку не пустило к ней мощное силовое поле, оно просто откинуло её с такой силой, что я не удержалась и пошатнулась в сторону серого плаща. Он хоть и был сосредоточен на своей медитации, но тут же отступил на один шаг назад. Значит, он всё-таки умеет реагировать на ситуацию.

Я огляделась. Это была достаточно просторная пещера, над которой не было видно свода, просто темнота, уходящая куда-то высоко. И ни одного предмета, ни одного камня. Гладкий пол, не совсем гладкие стены, это существо, стоявшее посреди пещеры, и всё, больше ничего здесь не было. Я скинула куртку, размахнулась ею и закинула её на цепочку, и это у меня получилось. Теперь моя курточка болталась, подвешенная одним плечом на обе звёздочки, словно на плечиках в шкафу. Слегка запахло палёным, и я впервые обрадо-

валась этому запаху.

Я потянула курточку за рукава вниз, и она вместе с цепью опустилась сначала до уровня моих глаз, потом я изловчилась и положила курточку чуть ли не на пол. Она достаточно легко опустилась вниз, но через секунду снова начала подниматься вверх и влево. Чёрт бы побрал эти неугомонные звёздочки. Я хотела наступить ногой на свою курточку, и соответственно, и на цепочку, раз она была внутри неё, но после того, как я почти запрыгнула на них, меня снова отшвырнуло, и я упала на пол. А курточка, как ни в чём не бывало, медленно потянулась в выбранном ею направлении. Мне надо зафиксировать курточку в одном положении, желательно возле самого пола, и начать думать, как разорвать эту чёртову цепочку. Но как? И где хранители? Почему вокруг никого нет? Я заметила, что после того, как я накинула свою куртку на цепочку, звёзды стали гудеть громче. Может им тяжело подниматься ещё и с моей курточкой. Она у меня не лёгкая, так как в кармане целая связка ключей от дома и телефон. И ещё в боковом кармане венчик для серого плаща. Но так как он не выказывал агрессии в мою сторону, мне было жаль тратить время на него. Я снова притянула курточку вниз, и мне пришла безумная идея. Я подошла сзади к серому плащу, дотянула свою курточку с цепочкой до его ног, и другой рукой стукнула его по коленке. Он снова сделал шаг назад, но я не успела подсунуть под его ногу край куртки. Пришлось повторить. В следующий раз я уже

намного ловчее подложила куртку прямо под его ботинок, и он остановился, прижав ногой край куртки. Дело сделано, но что дальше делать я не знала.

Мне пришла в голову мысль, что этот крестец уже сделал часть своей работы, а именно, он отключил хранителей со своего пути. Может тот чёрный корешок и есть один из них. Я начала вспоминать все заговоры, которые знала, но они даже близко не предполагали снятие заклятия с предмета.

Я на всякий случай пнула ещё раз по своей топорищившейся куртке, но, как и следовало ожидать, я просто отлетела от неё. Ну ладно, я могу подождать, когда-то зарядка у этих стартёров закончится. Лет через сто. Я оглянулась, такое впечатление, что последнюю фразу мне кто-то подсказал.

Я осторожно достала из кармана куртки свой телефон. Связи нет. Прекрасно. Полнейшая моя неспособность решить эту проблему меня выбила из сил. Я прислушалась. Опять вокруг какой-то гул, но через подошвы кроссовок я ещё почувствовала и слабую вибрацию. Это было похоже на то, будто целая бригада горняков прорубает шахту, монотонно ударяя по породе молотками, как раз с той стороны, куда так стремится крестец. Я какую-то минуту не двигалась, но потом отошла к стене, за которой слышались удары. Кто-то очень серьёзно решил пробиться к нашей пещере. Надо быстрее думать. И ещё, я как будто пропустила какую-то здравую мысль, и теперь это не давало мне покоя. Ага, так

и есть! У меня в кармане ключи. Один из ключей – длинный стержень без бородки, от аптечной двери, и им можно попробовать разомкнуть цепь. Я быстро подошла к куртке, достала из неё ключи и задумалась, как мне совместить два действия – оставить куртку на цепочке, чтобы она больше не поднималась вверх, и в это же время попытаться намотать на ключ цепочку. А удары тем временем становились всё ближе и ближе. Я отогнула в сторону край курточки и мне стала видна часть цепочки, которая спускалась до пола. И самое главное – серый плащ стоял на цепочке, и ему это совершенно не мешало, и цепочка его не скидывала, как меня.

Позади меня с той стены, где только что я стояла, стали отлетать камни на пол и раздался треск. Я подцепила ключом цепочку, руку мою обожгло, но не откинуло. Я повернула ключ, наматывая цепочку на него, и дёрнула его к себе. Серый плащ переставил ногу, шагнув от меня, и цепочка освободилась. Чёрт бы его побрал! Чувствительный какой! Теперь цепочка снова устремилась к стене, курточка соскользнула с неё и у меня в руке, обжигая мои пальцы, оказалась намотанная на ключ цепочка. И в это время с хрустом и грохотом позади меня обвалилась часть стены. Я обернулась, и увидела, как коричневая плотная пыль, словно гигантский осьминог, нащупывая перед собой путь, начала вываливаться из пролома. Внутри этой коричневой пыли блесло что-то, похожее на чешуйки слюды. Несколько щупалец ползло по земле, словно приюхиваясь к ней, а одно шу-

пальце, сформировавшись из нескольких тоненьких, стало тянуться к цепочке, вытягиваясь при каждом движении. Позади этого осьминога из провала показались тонкие антрацитовые веточки, похожие на тот отросток, который перенёс меня сюда. Они старались зацепить щупальца, но дотронувшись до него, моментально усыхали и съёживались. На их месте отрастали другие, но они были настолько тонки, что осьминог нисколько не замедлил своё продвижение к цепочке. Когда щупальце было в метрах трёх от меня, цепочка с силой дёрнулась, и звёздочки потянулись к нему, мелко задрожав. Пальцы, которыми я держала ключ, пронизывала боль, но я не опустила от ключа, побоявшись даже перехватить его в другую руку, чтобы нечаянно не выронить из рук. Меня тоже потянуло вслед за цепочкой, я не удержалась и сделала один шаг к осьминогу. Между звёздочкой и щупальцем расстояние сократилось до метра. И в это время щупальце стало светлеть, уплотняться, и вот уже это и не щупальце вовсе, а ... рука! С длинными пальцами, на запястье браслет из синего камня, с вкраплениями кристаллов. Звёздочки стукнулись друг о друга и с силой сделали рывок к руке с браслетом. У меня вырвало ключ из руки, но один из корешков подхватил его, крепко обвившись вокруг горячего железа. И в это время рука с браслетом тоже зажала цепочку с другой стороны. Я замерла. Но один из корешков всё-таки пробился вперёд и зацепился за руку с браслетом, и оба корешка дёрнули цепочку каждый в свою сторону. Раздался звук по-

рванной струны, меня с силой отбросило на серый плащ, я буквально подмяла его под собой, почувствовав под спиной мерзкое сухое и противно пахнувшее тело. Я соскочила так быстро, будто акробат на арене цирка, и на коленях отползла от него. И тут же присела прямо на пол, так как на миг меня окружила полная темнота, что-то со свистом пролетело возле меня. Потом стало светлеть, и я увидела, что пещера выглядела так, словно ещё минуту назад не было провала в стене и коричневого тумана-осьминога. На полу валялась порванная серая цепочка, но звёздочек на ней не было. Позади меня заворочался серый плащ. Я достала венец, чтобы надеть ему на голову, но в это время в коридоре, который вёл в пещеру, я заметила неяркий голубоватый свет, в пещеру вышел хранитель со светящимся шаром в руке.

– Мы благодарим тебя, человек. – Он помолчал – Хозяйку разбудили, но она ещё не готова. Ей нужен покой. Мы уходим отсюда. Дальше, в холодные горы, покрытые толстыми снегами. Мы любили эти места, мы будем скучать о них.

– И сколько она ещё будет спать?

– Пока рана не затянется на её сердце. Время для неё не важно. Она так же вечна, как и эти горы. Но наши горы не останутся без хозяина. Хозяйка открыла раку и новый Горный Дух уже зародился в этих горах. Молодой и неутомимый. Теперь он будет хранить их покой и безмятежность, создаст новые каменные чудеса, рассыплет сияющие живые огни в подземных пещерах, распустит хрустальные пещерные

цветы. Прощай человек, тебе надо спешить на воздух. Как только мы уйдём отсюда, пещера обрушится и погребет под собой все следы нашего пребывания здесь. Иди, человек. А этого оставь здесь, мы подарим ему успокоение.

Хранитель поднял руку, и вокруг меня вся пещера заискрилась мелкими разноцветными сияющими кристаллами. Не успела я охнуть от восхищения, как снова всё завертелось, замелькало, разноцветный вихрь подхватил меня, и выбросил в коридор шахты, где Илья светил своим телефоном, склонившись над небольшим тёмным лазом, который мы обнаружили ещё в прошлый раз.

От неожиданности он отпрянул назад, хотел что-то сказать, но по всей шахте раздался такой грохот, что он схватил меня за руку и мы побежали к выходу. Возле двери стоял Сакатов, но услышав грохот, он, не дождавшись нас, выскочил на улицу и побежал к лесной дороге. Только мы с Ильёй выбежали из шахты, как вся земля содрогнулась, и раздался такой сильный хлопок, что у меня заложило уши. Из дверей шахты вылетела тяжёлая серая пыль, догоняя нас. Её подхватил шквалистый ветер и поднял высоко над землёй. Мы остановились на краю площадки возле шахтёрской конторы, гул потихоньку стихал, и начал накрапывать холодный дождь. Большие капли падали на землю, прибывая к земле серую пыль, словно смывая грязные подтёки со стекла, и природа затихла, принимая слёзы неба тихо и обречённо, как и положено при расставании.

– Уходит старый Горный Дух, но приходит новый. – Сказала я.

– И куда он уходит? – Спросил Сакатов.

– Далеко на север, в одинокие горы, где и дальше будет оплакивать свои потери.

– Больно долго он оплакивает, люди гораздо быстрее справляются со своим горем.

– Так у людей и век короче. А у Горного Духа тысяча лет, как один день. Ему некуда спешить. А где колдун?

– Мы его всё-таки отволокли к машине, – засмеялся Илья – он нам всю одежду прожёт! Мы его руки связали моим ремнём, и только после этого он успокоился. Так там был мертвец?

– Конечно, как без него! – Ответила я – Но знаешь, он мне помог с этой цепочкой. Конечно, не специально, но я его использовала как груз, чтобы удержать цепь на полу. Он вообще никак не реагировал на ситуацию. – И тут я спохватилась – Не может быть! Я курточку оставила там! А в кармане телефон. Хорошо хоть ключи у меня. – Я разжала кулак, в котором я держала ключи – Ладно, всё равно собиралась новый телефон покупать.

– А тебе с собой камешков разноцветных не насыпали?

– Нет, не насыпали. Но я их видела, мне напоследок всю эту красоту снова показали.

– Оля, а откуда там новый Горный Дух появился? – Спросил Сакатов.

– Из раки, которую хранила Скабинея.

– Это может быть тайной информацией, поэтому они могли тебе и соврать. – Недоверчиво покачал головой Илья – Может, Горные Духи из каких-нибудь яиц вылупляются. Из каменных.

– У нас было мало времени поговорить с ним, буквально пара минут. – Сказала я – Сказал только, что хозяйку разбудили, и они уходят. И я видела руку этой Скабинеи. Похоже, она может принимать много обличей, даже вид плотного тумана. На моих глазах она чуть-чуть не превратилась в человека, уже одна рука вырисовалась, когда потянулась к цепочке. А хранители имеют вид корней от деревьев. И напускают на себя облик людей, видимо, только тогда, когда общаются с людьми. Вот такие вот дела. Они всё-таки разорвали цепочку, хоть и были очень ослаблены её воздействием. Домой надо ехать, вон дождь не на шутку разошёлся, всё небо затянуто, это надолго.

– Надо бы ребятам рассказать, чем дело закончилось – Сказал Сакатов – Мы же им обещали.

– О, это без меня! – Замахал руками Илья – Я на вашу творческую встречу с населением билет не покупал!

– А ты оживлённого упокоила? – Вспомнил Сакатов.

– Хранители сказали, что сами это сделают.

– Да, крепкая теперь у него тут могила образовалась! – Потом грустно добавил – У него и у Вени.

– А что будем делать с колдуном? – Спросила я, когда мы

пошли к отвалам – Не в милицию же его сдавать.

– Отпустим, сейчас он нам без надобности! Раз всё так хорошо закончилось. – Ответил Сакатов.

– Только напоследок ему штаны подожжём, как и он нам. – Добавил Илья.

Но возле отвала машины с колдуном уже не было. Конечно, он же колдун, ему освободиться от пут – это пара пустяков. На земле валялся ремень Ильи. Ну и чёрт с ним! Скабиenea уже далеко, новый Горный Дух уже родился. А мир тесен, когда-нибудь мы ещё столкнёмся с этим Кимом, тогда и посчитаем его баллы.

Дождь окончательно смыл все краски, которые ещё оставались в лесу от лета, хотелось быстрее домой в тепло, чтобы посмотреть на этот мокрый и холодный мир из окна. Но только я так подумала, в просвет между тяжёлыми тучами выглянул всего один лучик солнца, который сразу прогнал серость и с неба, и из наших душ. Закончится осень, пройдёт зима, и снова проснётся природа, вся, до самой последней травинки. Так ведь бывает каждый год, пора бы к этому и привыкнуть!